



НЕВЛЯ

37 • 2014

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

УИС в цифрах	4
Юрий Александров Юридический практикум	6
Фима Жиганец Разборки в маленьком барачке	20
Дмитрий Марачевский Эх, прокачусь!	29
Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений в местах заключения (февраль – март 2014 года)	34
По материалам зарубежных СМИ Мир и тюрьма	47
Максим Громов Судовые	74

ЗА СТЕНОЙ

Александр Август Два рассказа 88

ИСТОРИЯ

Алек Д. Эпштейн Преследуемое искусство
и истоки российского арт-сопротивления 106

Алексей Мокроусов Камень Сизифа 118

Александр Сидоров Елец – всем ворам отец 125

Редакция не имеет возможности оказывать юридические услуги и содействовать процессуальному сопровождению конкретных уголовных дел.

Редакционный совет

Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование Норвежский Хельсинкский комитет

Учредитель:

Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним
Ответственный секретарь
Наталья Малыхина
Макет
Лев Михалевский

Обложка
Василий Валериус

Верстка
Анна Фролова

Бухгалтер
Наталья Максимова

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

УИС в цифрах

По состоянию на **1 февраля 2014 года** в учреждениях УИС содержалось 674,1 тыс. человек (– 3,1 тыс. человек к началу года), в том числе:

в 730 исправительных колониях отбывало наказание 557,7 тыс. человек (– 2,1 тыс. человек), в том числе:

– **в 127 колониях-поселениях** отбывало наказание 39,3 тыс. человек (– 767 человек);

– **в 5 ИК для осужденных к пожизненному лишению свободы** отбывало наказание 1859 человек (– 1 человек).

в 230 следственных изоляторах и 108 помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов при колониях содержалось – 113,0 тыс. человек (– 1026 человек).

в 8 тюрьмах отбывало наказание 1,3 тыс. человек (+ 58 человек).

в 45 воспитательных колониях для несовершеннолетних 1,9 тыс. чел. (– 59 человек).

В учреждениях содержится 55,1 тыс. женщин (– 615 человек), в том числе 45,3 тыс. осужденных, содержащихся в ИК, ЛИУ, ЛПУ, и 9,7 тыс. человек, содержащихся в СИЗО и ПФРСИ. При женских колониях имеется 13 домов ребенка, в которых проживает 656 детей.

Медицинское обслуживание осужденных и подследственных обеспечивают 132 больницы различного профиля, а также медицинские части или здравпункты в каждом учреждении, 59 лечебных исправительных учреждений для больных туберкулезом, 9 лечебных исправительных учреждений для больных наркоманией.

В состав УИС также входят:

2460 уголовно-исполнительных инспекций, в которых состоят на учете 452,7 тыс. человек, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы;

53 государственных унитарных предприятий исправительных учреждений, 587 центров трудовой адаптации осужденных, 52 лечебно, 41 учебно-производственная мастерская.

При исправительных и воспитательных колониях функционируют 319 вечерних общеобразовательных школ и 549 учебно-консультационных пунктов, 333 профессионально-технических училища и 302 обособленных структурных подразделения, действуют 555 храмов, 702 молитвенные комнаты.

Штатная численность персонала УИС составляет 307,1 тыс. человек, в том числе аттестованных сотрудников – 217,2 тыс. человек (кроме того, переменный состав – 7,1 тыс. человек).

Медицинское обслуживание личного состава осуществляют 56 учреждений здравоохранения, в том числе 34 центра медицинской и социальной реабилитации, 14 больниц, 5 военно-врачебных комиссий и 3 санатория.

В составе УИС действуют **8 учреждений высшего профессионального образования**, в том числе Академия права и управления, 3 института повышения квалификации, 32 учебных центра, научно-исследовательский институт уголовно-исполнительной системы, научно-исследовательский институт информационных технологий.

Имеется Объединенная редакция, издающая журналы «Преступление и наказание», «Ведомости УИС», газету «Казенный дом».

Юрий Александров

Юридический практикум

Новое в законодательстве

Суд может обязать наркоманов пройти курс лечения от наркомании (*Федеральный закон от 25.11.2013 № 313-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»*).

В связи с этим внесены изменения в ряд законов. Так, в Законе о наркотических средствах и психотропных веществах закреплены понятия «лечение больных наркоманией», «реабилитация больных наркоманией», «профилактические мероприятия», «побуждение больных наркоманией к лечению от наркомании и реабилитации».

В рамках уголовного судопроизводства суду предоставлено право обязать осужденного пройти лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию. Это возможно, когда лицу, признанному больным наркоманией, назначается основное наказание в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности или осуществлять определенную деятельность, обязательных или исправительных работ либо ограничения свободы. Контролируют исполнение уголовно-исполнительные инспекции.

Что касается административного судопроизводства, то при назначении наказания (за совершение правонарушений в области законодательства о наркотических средствах, психотропных веществах и об их прекурсорах) лицам, больным наркоманией либо потребляющим наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача, суд может возложить на них следующую обязанность: пройти

диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании, а также медицинскую и (или) социальную реабилитацию. В этом случае исполнение обязанности контролирует уполномоченный федеральный орган исполнительной власти в порядке, установленном Правительством РФ.

Кроме того, введена административная ответственность за уклонение от прохождения диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании, а также медицинской и (или) социальной реабилитации в связи с потреблением наркотиков или психотропных веществ без назначения врача.

Поправки вступают в силу по истечении 180 дней после официального опубликования.

Тех, кто пользуется услугами детской проституции, ждет уголовное наказание (Федеральный закон от 28.12.2013 № 380-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»).

За получение сексуальных услуг несовершеннолетнего в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, может быть установлено наказание в виде лишения свободы на срок до четырех лет.

Под сексуальными услугами понимаются половое сношение, мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера, условием совершения которых является денежное или любое другое вознаграждение несовершеннолетнего или третьего лица либо обещание вознаграждения несовершеннолетнему или третьему лицу.

За организацию наркопритона и предоставление жилья для приема наркотиков грозит одно и то же наказание (Федеральный закон от 28.12.2013 № 381-ФЗ «О внесении изменений в статью 232 Уголовного кодекса Российской Федерации»).

УК РФ предусматривает уголовную ответственность за организацию и содержание притонов для потребления наркотиков, психотропных веществ или их аналогов. Виновных лишают свободы на срок до четырех лет с ее ограничением на срок до одного года либо без такового.

Аналогичным образом теперь будут наказывать и за систематическое (более 2 раз) предоставление помещений для указанных целей.

Необходимость указанных поправок объясняется следующим. В силу сложившейся практики под притоном понимается помещение, приспособленное исключительно для потребления наркотиков. Не-

сколько случаев их употребления в квартире, где проживает организатор, не является основанием для ее признания притоном. Предоставление гражданином своего жилья, посуды и других приспособлений для изготовления запрещенных веществ, поддержание удобного для их потребления порядка и т. п. не могут рассматриваться как организация и содержание притона.

По такому же принципу привлекают к уголовной ответственности за содержание притонов для занятия проституцией и за систематическое предоставление помещений для этих целей.

Принудительные работы временно откладываются (*Федеральный закон от 28.12.2013 № 431-ФЗ «О внесении изменения в статью 8 Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации"»*).

До 1 января 2017 года продлены сроки введения нового уголовно-го наказания в виде принудительных работ.

Соответствующие изменения внесены в связи с невозможностью реализации с 1 января 2014 года положений Федерального закона от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в части принудительных работ без выделения дополнительных бюджетных ассигнований.

Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, могут привести к лишению свободы на срок до 5 лет (*Федеральный закон от 28.12.2013 № 433-ФЗ «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации»*).

Согласно статье 280.1, включенной в УК РФ, публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, будут наказываться штрафом в размере до 300 тыс. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо обязательными работами на срок до 300 часов, либо лишением свободы на срок до трех лет.

Те же деяния, совершенные с использованием средств массовой информации, в том числе информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет), наказываются обязательными работами на срок до 480 часов либо лишением свободы на срок до пяти лет.

Федеральный закон вступает в силу с 9 мая 2014 года.

Кассационная жалоба на решение районного суда по уголовно-муделу может быть подана в Верховный суд РФ даже в том случае, если данное решение не было предметом рассмотрения президиума областного суда (Федеральный закон от 28.12.2013 № 382-ФЗ «О внесении изменений в статью 401.3 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»).

С 1 января 2013 года вступил в силу новый порядок производства по уголовным делам в суде кассационной инстанции, установленный главой 47.1 УПК РФ.

В соответствии с пунктами 2 и 5 части 2 статьи 401.3 УПК РФ вступившие в законную силу решения мирового судьи, районных, гарнизонных военных и окружных (флотских) военных судов могут быть обжалованы в кассационном порядке в Верховный суд РФ лишь в случае, если указанные судебные решения являлись предметом рассмотрения президиума областного или равного ему по компетенции суда.

В связи с этим вынесение судьей суда кассационной инстанции в соответствии со статьей 401.10 УПК РФ постановления об отказе в передаче кассационной жалобы, представления для рассмотрения в президиум препятствовало обращению субъектов обжалования в Верховный суд РФ.

В целях обеспечения исправления судебных ошибок изменениями в пункты 2 и 5 части 2 статьи 401.3 УПК РФ предусмотрено право субъектов обжалования подавать кассационные жалобы, представления в Верховный суд РФ на указанные судебные решения в случае, если они обжаловались в кассационном порядке в президиум соответствующего суда, без требования рассмотрения поданных жалоб президиумом.

Потерпевший вправе получать информацию об освобождении осужденного от отбывания наказания (Федеральный закон от 28.12.2013 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве»).

Законом закреплено право потерпевшего и его законного представителя получать информацию о прибытии осужденного к лишению свободы к месту отбывания наказания, о его выездах за пределы учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, о времени освобождения осужденного из мест лишения свободы.

Предусмотрено обязательное возмещение осужденным вреда (полностью или частично), причиненного преступлением, для отмены услов-

ного осуждения, применения условно-досрочного освобождения или замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

Внесенными поправками в Уголовный кодекс РФ установлена ответственность за: незаконное распространение информации, указывающей на личность несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, по уголовному делу, повлекшее тяжкие последствия; уклонение потерпевшего от прохождения освидетельствования, от производства в отношении его судебной экспертизы в случаях, когда не требуется его согласия, или от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования.

Кроме того, законом предусматриваются изменения, касающиеся: подсудности дел об отдельных преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности; порядка принятия решения о признании потерпевшим, а также прав и обязанностей потерпевшего; обеспечения участия адвоката в качестве представителя несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено половое преступление; отстранения от участия в уголовном деле законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего; особенностей проведения допроса, очной ставки и проверки показаний с участием несовершеннолетнего; мер по обеспечению гражданского иска; уведомления потерпевшего о заявлении обвиняемым ходатайства о применении особого порядка судебного разбирательства; применения мер государственной защиты в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства.

Федеральный закон вступает в силу по истечении 10 дней со дня официального опубликования, за исключением отдельных положений, вступающих в силу с 1 января 2015 года.

Усилена уголовная и административная ответственность за нарушения в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (*Федеральный закон от 21.12.2013 № 365-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с усилением уголовной и административной ответственности за нарушения в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции»*).

Распитие алкогольной продукции в запрещенных местах повлечет наложение административного штрафа в размере от 500 до 1500 рублей.

Установлена уголовная ответственность за производство, приобретение, хранение, перевозку в целях сбыта или продажу немаркированной алкогольной продукции, подлежащей обязательной маркировке акцизными марками либо федеральными специальными марками, совершенные в крупном размере, за те же деяния, совершенные организованной группой и в особо крупном размере, а также за изготовление в целях сбыта или сбыт поддельных акцизных марок либо федеральных специальных марок для маркировки алкогольной продукции и использование для маркировки алкогольной продукции заведомо поддельных акцизных марок либо федеральных специальных марок.

Скорректирована уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Увеличен срок давности привлечения к административной ответственности за нарушения в области производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Увеличен размер административного штрафа за вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции (ранее – вовлечение несовершеннолетнего в употребление пива и напитков, изготавливаемых на его основе, спиртных напитков).

Также установлена административная ответственность в том числе за нарушение требований к производству или обороту этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, и искажение информации или нарушение порядка и сроков при декларировании производства, оборота или использования этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, использования производственных мощностей.

Усилена ответственность за нарушение правил регистрационного учета по месту жительства и пребывания (*Федеральный закон от 21.12.2013 № 376-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»*).

Так, установлено уголовное наказание за фиктивную регистрацию. Под ней понимается регистрация на основании представления заведомо недостоверных сведений (документов) либо без намерения пребывать (проживать) в жилом помещении или предоставить его для этих целей.

Штраф – от 100 тыс. рублей до 500 тыс. рублей либо в размере зарплаты или иного дохода осужденного за период до 3 лет. Вместо

него могут назначить принудительные работы или лишение свободы на срок до 3 лет с лишением права занимать некоторые должности или осуществлять определенную деятельность на аналогичный период или без такового. При этом лицо освобождается от уголовной ответственности, если оно способствовало раскрытию указанных преступлений.

Также ужесточена административная ответственность за проживание гражданина России по месту жительства или пребывания без регистрации (либо допущение такого проживания нанимателем (собственником) свыше установленных сроков). В данном случае штраф для граждан составляет 2–3 тыс. рублей, для нанимателей (собственников) помещения (физлиц) – 2–5 тыс. рублей, для организаций – 250–750 тыс. рублей.

Кроме того, вводится административная ответственность за нарушение правил регистрации гражданина России по месту пребывания или по месту жительства.

Штрафы для граждан, нанимателей (собственников) и юрлиц такие же, как и за проживание без регистрации, для должностных лиц – 25–50 тыс. рублей.

Предусмотрено наказание и для нанимателя (собственника) за нарушение без уважительных причин сроков уведомления органа регистрационного учета о проживании в жилом помещении гражданина России без регистрации. Гражданам грозит штраф 2–3 тыс. рублей, юрлицам – 4–7 тыс. рублей. Это также касается представления нанимателем (собственником) в орган регистрационного учета недостоверных, заведомо ложных сведений или подложных документов о регистрации гражданина.

Все вышеперечисленные административные санкции не применяются к супругам, детям, супругам детей, к родителям, супругам родителей, к бабушкам, дедушкам и внукам нанимателя (собственника) жилого помещения.

Отменена необходимость регистрироваться по месту пребывания в жилом помещении, которое находится в том же регионе, в котором гражданин стоит на учете по месту жительства.

Разрешается не регистрироваться в Москве, если гражданин живет в столице, а зарегистрирован в Московской области и наоборот. Такое же правило действует и в отношении Петербурга и Ленинградской области. Орган регистрационного учета обязывается зарегистрировать россиянина по месту пребывания не позднее 3 рабочих дней при подаче документов в бумажном виде и 8 рабочих дней – в элект-

ронном. Регистрация по месту пребывания производится в срок, не превышающий 90 дней со дня прибытия гражданина.

Наконец, усилена административная ответственность за проживание гражданина России без паспорта или с недействительным удостоверением личности. Штраф – 2–3 тыс. рублей (вместо 1,5–2,5 тыс. рублей).

Следует отметить, что во всех вышеописанных случаях административная ответственность за совершение правонарушений в Москве и Санкт-Петербурге выше.

Попечительские советы могут создаваться при любых исправительных учреждениях (*Федеральный закон от 21.12.2013 № 378-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»*).

В состав попечительского совета при исправительном учреждении могут входить представители органов исполнительной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, учреждений и организаций любых организационно-правовых форм, общественных объединений, граждане.

Предусматривается, что попечительский совет осуществляет свою деятельность на безвозмездной основе.

Порядок формирования попечительского совета, срок полномочий, компетенция и порядок его деятельности определяются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний.

Суды разъясняют...

Разъяснены отдельные вопросы применения законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам.

Пленум Верховного суда РФ разъяснил отдельные вопросы применения законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам.

В частности, судам следует исходить из того, что в состав процессуальных издержек не входят суммы, израсходованные на производство судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях (экспертных подразделениях), поскольку их деятельность финансируется за счет средств федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ.

Кроме того, в Постановлении рассмотрены вопросы, касающиеся определения размера вознаграждения адвокату, участвующему в уголовном деле по назначению дознавателя, следователя или суда.

Указываются случаи, в которых процессуальные издержки возмещаются за счет средств федерального бюджета.

Разъясняется, что принятие решений о взыскании с осужденного выплат, предусмотренных частью 2 статьи 131 УПК РФ, возможно только в судебном заседании.

Отсутствие у осужденного денежных средств или иного имущества само по себе не является достаточным условием признания его имущественно несостоятельным и взыскания процессуальных издержек за счет федерального бюджета.

При этом не допускается одновременное взыскание одних и тех же процессуальных издержек в долевом порядке с несовершеннолетнего осужденного и его законного представителя.

(Постановление Пленума Верховного суда РФ от 19.12.2013 № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам»)

Судам даны разъяснения по вопросам применения законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога.

Пленум Верховного суда РФ разъяснил основания, порядок избрания, продления, изменения и отмены указанных мер пресечения с учетом внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство, вопросов, возникающих у судов, а также правовых позиций Конституционного суда РФ и Европейского суда по правам человека.

В Постановлении, в частности, разъясняется следующее:

– на первоначальных этапах производства по уголовному делу тяжесть предъявленного обвинения и возможность назначения наказания в виде длительного лишения свободы может служить основанием для заключения лица под стражу, но в дальнейшем одни только эти обстоятельства не могут признаваться достаточными для продления данной меры пресечения;

– при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу судам следует определять не только продолжительность содержания лица под стражей, но и дату его окончания;

– сама по себе необходимость дальнейшего производства следственных действий или ознакомления (продолжения ознакомления) с материалами уголовного дела не может выступать в качестве един-

ственного и достаточного основания для продления срока содержания под стражей;

– при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста суд должен указывать жилое помещение, в котором подозреваемому или обвиняемому надлежит находиться, а в случае отсутствия согласия собственника жилья, проживающего в указанном жилом помещении, домашний арест не может быть избран судом по данному адресу;

– в решении об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста судом должны быть определены виды и пределы налагаемых на лицо ограничений и (или) запретов;

– при избрании меры пресечения в виде залога судам следует учитывать положения Гражданского кодекса РФ о залоге, а также особенности уголовного судопроизводства;

– залогодатель вправе в разумный срок восстановить предмет залога или заменить его другим равноценным имуществом в случае уничтожения или повреждения имущества, являющегося предметом залога, либо прекращения права собственности или права хозяйственного ведения на него по установленным законом основаниям.

Кроме того, в Постановлении рассмотрены особенности применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, разъяснен порядок действий суда при заявлении обвиняемого о ненадлежащих условиях содержания под стражей, а также вопросы, возникающие в судах апелляционной и кассационной инстанций.

(Постановление Пленума Верховного суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»)

При медосвидетельствовании водителей на состояние алкогольного опьянения должна учитываться возможная суммарная погрешность измерений.

Оспаривалось одно из положений, содержащееся в инструкции Минздрава России по медосвидетельствованию водителя на состояние опьянения. Оно предписывает выносить заключение о состоянии алкогольного опьянения при положительных результатах определения алкоголя в выдыхаемом воздухе при помощи одного из технических средств измерения, проведенного с интервалом 20 минут. Или при применении не менее двух разных технических средств индикации на

наличие алкоголя в выдыхаемом воздухе с использованием их обоих при каждом исследовании, проведенном с тем же интервалом.

Заявитель указал, что оспариваемое положение противоречит КоАП РФ.

Напомним, с 1 сентября 2013 г. в КоАП РФ появилось примечание, касающееся административной ответственности за вождение в нетрезвом состоянии. Она наступает только в случае, когда установлен факт употребления алкоголя, определяемый наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений (0,16 мг на 1 л выдыхаемого воздуха), либо при наличии в организме наркотических средств или психотропных веществ.

Вопреки этому инструкция требует выносить заключение о состоянии алкогольного опьянения при любых положительных значениях определения алкоголя в выдыхаемом воздухе. То есть даже в случаях, когда они не превышают возможную суммарную погрешность измерений.

Поэтому Верховный суд РФ признал оспариваемое положение инструкции недействующим в части, предписывающей выносить заключение о состоянии алкогольного опьянения при положительных результатах определения алкоголя в выдыхаемом воздухе без учета указанной погрешности.

(Решение ВС РФ от 28 ноября 2013 г. № АКПИ13-1077)

Верховный суд РФ разъяснил особенности рассмотрения уголовных дел в суде кассационной инстанции.

В связи с вопросами, возникающими у судов при применении норм главы 47.1 УПК РФ, Пленум Верховного суда РФ разъяснил, в частности, следующее:

– правом на обжалование судебного решения обладают в том числе лица, не признанные в установленном законом порядке участниками процесса, но нуждающиеся в судебной защите исходя из своего фактического положения (например, заявитель, которому отказано в возбуждении уголовного дела);

– вступившие в законную силу судебные решения, вынесенные в ходе досудебного производства, могут быть по общему правилу пересмотрены в кассационном порядке лишь до передачи дела в суд первой инстанции для рассмотрения по существу;

– в кассационном порядке не подлежат рассмотрению доводы кассационной жалобы, представления, если в них оспаривается правильность установленных судом фактических обстоятельств дела (вопросы факта);

– уголовное дело должно быть истребовано в каждом случае, когда у судьбы возникают обоснованные сомнения в законности обжалуемого судебного решения;

– отзыв кассационной жалобы или представления не препятствует тому же лицу в течение срока, указанного в части 3 статьи 401.2 УПК РФ, повторно обратиться в тот же суд кассационной инстанции с жалобой или представлением по тем же или иным правовым основаниям;

– в суде кассационной инстанции могут быть рассмотрены дополнительные материалы, поступившие с жалобой или представлением либо представленные сторонами, если они содержат сведения, имеющие значение для правильного разрешения дела, и не свидетельствуют о наличии новых или вновь открывшихся обстоятельств.

(Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28.01.2014 № 2 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции»)

Возможно ли повторное осуждение и наказание лица за одно и то же преступление, квалификацию одного и того же преступного события по нескольким статьям уголовного закона?

Законодательство РФ исключает повторное осуждение и наказание лица за одно и то же преступление, квалификацию одного и того же преступного события по нескольким статьям уголовного закона, если содержащиеся в них нормы соотносятся между собой как общая и специальная или как целое и часть, а также двойной учет одного и того же обстоятельства одновременно при квалификации преступления и при определении вида и меры ответственности.

Согласно статье 17 УК РФ, совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части данного Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание; при совокупности преступлений лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное преступление по соответствующей статье или части статьи данного Кодекса (часть 1); одно же действие (бездействие) признается совокупностью преступлений лишь тогда, когда оно содержит признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями данного Кодекса (часть 2). При этом лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные

последствия, в отношении которых установлена его вина (часть 1 статьи 5 УК РФ), ему назначается наказание, соответствующее характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Таким образом, часть 1 статьи 17 УК РФ во взаимосвязи с положениями его статей 30, 69 и 105 позволяет назначать справедливое наказание по совокупности оконченных и неоконченных преступлений.

(Определение КС РФ от 24 декабря 2013 г. № 2095-00Б)

Можно ли фиксировать процесс заседания суда путем фотографирования, видеосъемки и т.д.?

Как предусмотрено частью 5 статьи 241 УПК РФ, лица, присутствующие в открытом судебном заседании, вправе вести аудиозапись и письменную запись; проведение же фотографирования, видеозаписи и (или) киносъемки допускается с разрешения председательствующего в судебном заседании. Данная норма не предполагает принятия судом произвольного решения об отказе в проведении фото- и видеосъемки судебного заседания, поскольку согласно закону все определения суда, постановления судьи должны быть законными, обоснованными и мотивированными (часть 4 статьи 7 УПК РФ).

Принятие решения о допустимости осуществления фотосъемки, видеозаписи, киносъемки, трансляции хода открытого судебного разбирательства возможно по любому делу, за исключением случаев, когда такая фиксация может привести к нарушению прав и законных интересов участников процесса, в том числе права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, содержащих сведения личного характера. Если суд придет к выводу, что фотосъемка, видеозапись, киносъемка, трансляция хода открытого судебного разбирательства не приведут к нарушению прав и законных интересов участников процесса, то он не вправе их запретить только по причине субъективного и немотивированного нежелания допустить такую фиксацию со стороны тех или иных участников процесса.

(Определение КС РФ от 24 декабря 2013 г. № 2093-0)

Должны ли в судебном заседании в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, быть исследованы характер и пределы содействия подсудимого следствию в раскрытии и расследовании преступления?

Часть 4 статьи 317.7 УПК РФ прямо предусматривает, что при проведении судебного заседания и постановлении приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, должны быть исследованы характер и пределы содействия подсудимого следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления; значение сотрудничества с подсудимым для раскрытия и расследования преступления, изобличения и уголовного преследования других соучастников преступления, розыска имущества, добытого в результате преступления; преступления или уголовные дела, обнаруженные или возбужденные в результате сотрудничества с подсудимым; степень угрозы личной безопасности, которой подвергались подсудимый в результате сотрудничества со стороной обвинения, его близкие родственники, родственники и близкие лица; обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

Суд, проверяя обстоятельства, указанные в пунктах 1, 2 и 3 части 4 статьи 317.7 УПК РФ, исследует не только имеющиеся в уголовном деле материалы (справки, заявление о явке с повинной, протоколы и копии протоколов следственных действий и т.д.), но и иные представленные сторонами документы, в том числе относящиеся к другим уголовным делам, возбужденным в результате сотрудничества с подсудимым (материалы оперативно-розыскной деятельности, материалы проверки сообщения о преступлении, копии постановлений о возбуждении уголовного дела и (или) о предъявлении обвинения, копии протокола обыска, документа, подтверждающего факт получения потерпевшим похищенного у него имущества, и др.); исследование обстоятельств, характеризующих личность подсудимого, смягчающих и отягчающих наказание, может проводиться в том числе путем исследования дополнительно представленных сторонами материалов, а также допросов свидетелей (пункт 16).

Лишь удостоверившись, как того требует часть 5 статьи 317.7 УПК РФ, что подсудимым соблюдены все условия и выполнены все обязательства, предусмотренные заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве, суд постановляет обвинительный приговор.

(Определение КС РФ от 24 декабря 2013 г. № 2093-0)

Фима Жиганец

Разборки в маленьком бараке. Из баек о Коле Тайге

Отбой в зоне – двадцать два ноль-ноль. По выходным – двадцать три. Но сегодня пятница.

А впрочем, за «колючкой» отбой – понятие относительное. Все арестанты давно усвоили старое эзковское правило: «В тюрьме отбоя нет». После десяти самая-то жизнь и начинается. Особенно на зоне строгого режима.

– Это просто праздник какой-то, – задумчиво глядя в окно, произносит сухощавый арестант лет пятидесяти. А может, шестидесяти. У таких старых бродяг, потоптавших немало лагерей от Астрахани до Лабитнанги, трудно на вид определить возраст.

– Ты скажешь, дядя Коля, – усмехается молодой рыжий кавказец. – Погода паскудная – дождь да ветер.

– А ты что, в парк культуры собрался прошвырнуться? Что нам тот дождь: мы не в солнечной Анталии. Зато прапора лишний раз по зоне рысачить не будут.

Дядя Коля отхлебывает из кружки горячего чифира и передает кавказцу.

– Не нравится мне, Алихан, обстановка в отряде. Стоит на десять суток в шизняк отлучиться, начинаются какие-то мышинные движения, козлиные наезды... Нехорошо, братка.

Философский разговор о «мышинных движениях» происходит в каптерке шестого отряда, на втором этаже общежития, традиционно именуемого арестантами «бараком». Помещение каптерки приспособлено, можно сказать, под «элитный номер» на двух человек. Эти двое и чаевничают-полуночищают у «чифирбака».

Тот, что постарше, в спортивных штанах «Адидас» и в полосатом «рябчике» (как по-матросски называют бывалые зэки тельняшку), – Коля Тайга, «битый каторжанин», особо опасный рецидивист, переве-

денный в колонию строгого режима из «полосатой» зоны, с Печоры. Таких арестантов обычно немного. «Рецидуям» смягчают режим не слишком охотно. В новой зоне Тайге прочили место «положенца» (постарому «пахана»). Но дядя Коля, сославшись на возраст, просто стал «смотрящим» в отряде.

Алихан Джичоев (погоняло «Князь») – подручный Тайги. «Тяжеловес», как называют таких ребят на зоне. В шестнадцать лет бежал Алихан из родимой Осетии, скрываясь от родичей одного парнишки, которому по горячке проломил голову. Поступил в строительный институт, проучился один курс, выступал в студенческой сборной по вольной борьбе. Однажды после соревнований и столкнулся случайно с двумя своими гонителями. Схлопотал первый срок за тяжкие телесные. И пошло-поехало: в зоне «правильные пацаны» заметили, взяли под крыло, на волю вышел уже «с понятием». Но продержался недолго. Опять характер подвел. Как рассказывает сам Алихан: «Придавил мужичнку».

– Ништяк, дядя Коля, разберемся, – пытается успокоить «положенца» Князь.

– Разберемся, разберемся... – хмуро повторяет Тайга слова осетина, и в это время из спального помещения доносятся громкие вопли с матом. – Это что еще за цирк? – вскидывает брови Тайга, взглянув на Алихана. – Что за кипиш на болоте? Кумовьев скликают?!

Князь пулей вылетает из каптерки и через минуту волочет за шиворот двух эзков, один из которых не намного уступает ему в размерах.

– Вот они, бакланюги! Погрызлись, кому что по «ящику» смотреть! Битюг со своими желает какой-то боевик, а другим мужикам сексу подавай...

– Будет у них секс, – спокойно обещает Тайга. – Сейчас придут кумовья и всех перетрахают. Вы что, озверели? Орете на всю зону, как потерпевшие!

– А че он... – растерянно машет в сторону животастого битюга конопатый мужичонка.

– Все сказал? – обрывает «смотрящий». – Теперь твоя очередь, Василий. Что, на воле боевиков не хватало? Когда тебя менты раком на капоте под «калашом» держали...

– Это нехороший базар, Тайга, – глухо бурчит Битюг. – Меня раком никто...

– Угу. На всю Рассею-матушку твою позу по этому же ящику демонстрировали. Надо было права качать, когда тебя «маски-шоу» враскорячку ставили. А теперь ты уж дай мужикам сеанса нахвататься. Где им

еще голых телок поглядеть? На лагерных «петухов» не у всякого поднимается. Пусть расслабляются. Потом с Дуней Кулаковой на «дальняке» поручаются – проблем меньше будет. И не серди меня, – обрывает Тайга Битюга, не давая тому возразить. – Хорош бакланить. Забыл, как мы неделю без телевизора сидели?

Вокруг ночных посиделок у телевизора между арестантами и начальством идет вечная борьба. В двадцать два часа оперативный дежурный централизованно обесточивает общежития отрядов, оставляя лишь тусклый ночничок в спальном помещении. Но зверехитрое эзковское племя только ухмыляется в ответ на эти выдумки «начальничков». Свой же брат электрик протягивает по стенам скрытую проводку, которую не обнаружит ни один «пупкарь», как называют контролерский состав – младших инспекторов по надзору. Так что свет «на бараке» есть всегда. Но если при внезапной проверке «хлопнут» арестантов за просмотром «ящика» после отбоя, могут лишить такого удовольствия на неделю, а то и больше.

– Теперь расставляй шахматки, – говорит Князю Тайга, выставив за дверь неугомонных осужденных.

– Дядя Коля, а с «лохмачами» что делать? С этим новым «козлом» оборзевшим...

– Ты у меня спрашиваешь? Это я тебя, дорогой, спрашивать должен. Ты за меня на отряде оставался. Лады, лады, только не строй отмазок, – отмахивается старый бродяга от попыток Алихана оправдаться. – Не в тебе дело. Обычные кумовские прокладки. Пробуют отряд на «козливость». Кинули шакалят «вязаных», теперь будут глядеть со стороны, кто кого загрызет: мы их или они нас. Свистни какому-нибудь гаврику, чтобы этого Савелкина сюда позвал.

– Не придет. Он стойку держать будет. Старшина отряда, независимый. С холуями своими может и свалку затеять.

– Да что ты? А вот я не гордый. Пошли.

Старшего дневального Тайга и Князь находят среди толпы мужиков в комнате отдыха у телевизора. «Главкозел», затаив дыхание, наблюдает, как юная китайка делает эротический массаж курчавому негру.

– Не обкончался еще? – вежливо шепчет Тайга, наклонившись к уху Савелкина.

– Ты со мной так не базарь. Со своими «торпедами» так базарить будешь.

– Можно и по-другому, – миролюбиво соглашается «смотрящий». – Нежно и в интимной обстановке. Потопали.

– Никуда я не пойду, – резко отвечает старшина.

– Что, бздиловатой конь породы? А ты не боись... В шахматишки сыграем. Или у тебя в шахматишки тямы нету?

Дядя Коля кривит душой. Он прекрасно знает, что у Савелкина в шахматишки «тяма есть». Навел справки: первый разряд у «козла».

«Козлами» в колонии кличут активистов из числа осужденных. То есть арестантов, которые помогают администрации. Участвуют в самодельных организациях, поддерживают порядок, своего же брата сидельца учат жить. Это последнее обстоятельство особенно бесит арестантов. Сам-то ты кто?! На себя погляди! Зато у «козлов» – власть. Хоть маленькая, а власть, да плюс прикрытие от начальства.

– Ну, пошли, поглядим, – настороженно соглашается старшина. Поднимается. С ним вместе – и двое его помощников.

– А эти огудины, они тебе ходы подсказывать будут? – кивает Тайга на сопровождающих.

– На игру посмотрят.

– Добре.

Как только Тайга с Савелкиным входят в каптерку, Князь мгновенно перестрывает дорогу «огудинам»:

– Стойте, где стоите!

– Борзеешь, зверь?!

Кулаком в ребра, лбом в переносицу – и «горилла» медленно сползает на пол по стене.

– Стой, где стоишь! – повторяет Князь, резко обернувшись к другому. Тот, впрочем, ответить не может: его, что называется, «взял на вязы» невесть откуда возникший Битюг, заломив руку и придушив левой сзади за горло.

В каптерке тем временем обстановка накаляется. Савелкин начинает понимать, что все идет не по тому сценарию.

– Где мои ребята?

– За дверьми.

– А ну впусти!

– Слышишь, «лохматый», здесь команду только я.

– Ну и пошел ты на...

Договорить Савелкин не успевает. Тайга обрушивает на его темя «чифирбак» – огромную литровую кружку. Остатки густого чая и заварка разлетаются в стороны. Тайга повторяет процедуру еще раз, и еще, и еще... Дверь каптерки приоткрывается, из коридора раздается голос:

– Все в порядке, дядя Коля?

– Для меня – да, – отвечает Тайга.

Дверь закрывается.

Тайга наливает из чайника в кружку воды, потом взбалтывает содержимое – и вместе с «нифелями» выплескивает в лицо старшине. Тот, застонав, пытается подняться. Тайга приподнимает его за шиворот и швыряет на диван.

– Ну что, сука, оклемался маленько? А теперь сиди и слушай, пока я говорить буду. И не вздумай перебивать! Неприятность получится.

– Ну, гад, я еще... – шипит Савелкин, и тут же снова получает кружкой, но уже по лицу.

– Я предупреждал, – ровным голосом констатирует Тайга. – Теперь запомни: ты уже труп. Ежели бы меня «гадом» кто на «особняке» назвал или, к примеру, ты при своих холуях, я б тебе грызло вырвал. Зная твою сучью натуру, я и беседую с тобой лоб в лоб. Себе новый срок не схотел накручивать за такую падлу, а поучить тебя так и так надо. Борзеешь, козлиная рожа.

Савелкин молчит.

– До тебя мы с «красными» спокойно жили. Они свое крутили, мы – свое. Хочешь срок тихо добить – держи свою борзость на привязи. А ты что творишь, гаденыш? Решил мужиков пустить под «красный пресс»? У нас в год столько докладных не писали, как с тобой за неделю! Да хоть бы мозги напрягли! А то телегу накатал твой Чернышев – «по факту обнаружения у осужденного Афонина хлебных крошек в целлофановом пакете, где лежал хлеб». Передай ему, что в другой раз в том пакете найдут его яйца всмятку! Дальше поехали. Другое животное, Меркулов, вчера сделал замечание Косте Мухе за то, что тот «уже четыре дня не брил шею». А что вы за шмон устроили по тумбочкам? Андриюху чуть не «трюманули» за то, что в его «гараже» нашли марки для конверта. Конверты, смотри ты, хранить можно, а марки – нет! А Криворучко, твой завхоз? «Пищевка» у него по полчаса работает, народ свою хавку пожрать не успевает, она там гниет! Ну, что скажешь?

Савелкин сосредоточенно стирает с лица остатки заварки.

– Чего молчишь, командир? Расскажи про «наезды на овец».

– Какого ты до меня прибодался?! – срывающимся голосом восклицает старшина. Внутри у него все горит от стыда и обиды, от перенесенного унижения. Но ему хочется, несмотря ни на что, «сохранить лицо», и он пытается сдерживать истерические нотки. – Я при чем? Есть председатель совета коллектива!

– Слышь, ты, жентельмен красивый, брось мне по ушам гулять! С этим председателем у нас проблем не было, покуда ты не появился! Твоя это возня мышиная. И макли ты тут крутишь, а не он. В общем,

так: три минуты тебе привести себя в божеский вид, утирайся – и пошел вон отсюда. Еще раз повторятся твои штучки – я с особого пришел, уйду на тюремный. «Мочить» тебя не буду, я старый жулик, «мокруху» не уважаю. Но инвалидом сделаю. На всю жизнь. Будешь лежать и в потолок поплевывать, будут тебя кормить манной кашей и «утку» выносить. Но не каждый день. Каждый день выносят из-под тех, кто платит. А тебе чем башлять? Ты ж голожопый, как павиан.

Савелкин поднимается, отряхивается и уходит, втянув голову в плечи.

– Ну как, дядя Коля, сыграли в шахматешки? – весело спрашивает Алихан, заходя в каптерку. – Что-то он притруханный вышел.

– Ферзь рубит – пешки летят, – философски замечает Тайга. – С шахматами закончили, пошли до катрана.

«Катран» – место в бараке, где «братва» перекидывается в картишки. «Катает», говоря по-местному. Или «колошматит». Лучшее время, понятно, ночь. Днем кто ж позволит?

Играют в «веселом углу», у «черных», то есть у блатных, на одной из кроватей. Когда сюда подходят Тайга и Князь, на «катране» царит необычная тишина. Это настораживает. Во время игры, как правило, страсти накаляются, эмоции хлещут через край. Всевозможные подколки и издевки входят в арсенал хорошего «исполнителя», как называют опытных картежников. Умение вывести противника из себя, но сделать это «технично», тонко, ценится в арестантской среде чрезвычайно. А уж среди картежников тем более. Зачастую это половина победы. А вспыхнет соперник, поддастся на провокацию, бросится на тебя – ему же хуже. Ответят по всей строгости. Нервишки не в порядке – лучше «шпилевом» не заниматься.

– Шо такое, господа сидельцы? – с усмешкой вопрошает «смотрящий». – Зону объявили неигровой? Чи траур по хозяйской теще?

– Мужички у тебя сволочные, Тайга. Фуфлыжное племя.

Тот, кто это произнес, поворачивается к старому каторжанину лицом. Это Влас – один из «быков» положенца зоны, Слоника. Сам Слоник со своими располагается в третьем отряде. Он блатарь из породы молодых, хамовитых уголовников, и ребят вокруг себя собрал таких же.

– Алихан, дорогой, что же ты не сказал, что у нас гости? – ровным голосом произносит Тайга, как бы пропуская мимо ушей вызывающую реплику Власа. Но те, кто знает «смотрящего», по тону понимают: гость уже нарвался на неприятности. Понимает это и Князь.

– А чего предупреждать? – лениво сквозь зубы цедит он. – Завтра мужикам по-новой локалку заваривать. Что, у себя в отряде не с кем спилить? Или свои на катран не пускают?

– Ты метлу привяжи! – взрывается Влас. – Где хочу, там играю! А если ваш «пассажир» через пять минут десять тонн на кон не кинет – «фуфлом» расплатится!

Он тычет грязным коротким пальцем в верзилу с обвислыми ушами и растерянным лицом печальной лошади. Это – слесарь гаража зоны Таранкин.

– Стало быть, он тебе вкатил десять штук? – интересуется Тайга. И, обращаясь к слесарю, укоризненно замечает: – Валера, я ж тебя предупредил – на катран ни ногой! Тебе даже в дочки-матери нельзя играть. Масла в башке – на один бутерброд!

– Короче, платить будем? – грозно наступает Влас.

– Тише, тише, – успокаивает Тайга. – Ты не дома. Боговать будешь у себя в бараке. Здесь ты никто и звать тебя никак.

– Да я от Слоника! – кипит Влас.

– Да? И шо он мне хотел передать?

Влас спохватывается, что «загрубил»: Слоник тут, конечно, ни при чем. Его имя выскочило у блатаря непроизвольно, просто «для авторитету», «для понта». Но что вылетело, того уж не поймаешь.

– Когда надо будет – передаст!

– Значит, ничего? А ты – «передаст», «передаст»...

Барак взрывается от хохота. Все прекрасно знают анекдот насчет «Ты сам – передаст!». Но «предъявить» Тайге Влас ничего не может. Тот просто «отмажется»: дескать, тебя же повторил, попенял на пустословие...

Гость сидит красный от бешенства. Он не знает даже, что ответить. А Тайга продолжает, обращаясь к Алихану:

– Так что же здесь делает этот красавец?

– К землякам пришел, наверное, – подыгрывает Князь.

– Мало ли земляков; мы все земляки, по одной Земле ходим. Ты с каких краев будешь? – спрашивает Тайга Власа.

– Какая разница...

– Один ..., другой дразнится! Я, к примеру взять, елецкий. И не стыжусь. Слышал, небось, что Елец – всем ворам отец? А у тебя, получается, как у труболета – ни Родины, ни флага?

– Да с Кацапетовки он, – отзывается кто-то из темного угла. – Московский.

Московских в зонах почему-то не любят. Как и питерских. Видимо, сказывается всегдашняя смутная неприязнь провинции к столице. Для Тайги это еще один козырь.

– Москвич... – бросает он куда-то в неопределенность. – Москвичи, москвичи, на ... лезут, как сычи. Вот такой у нас фольклор, – неожиданно и как бы извиняясь, сообщает он, но обращается опять-таки не к Власу, а ко всей почтенной публике. Дескать, не в обиду сказано, а так, для общего кругозора.

Подобного Влас стерпеть уже не в силах.

– Ты, падло полосатое! – орет он, бросаясь на «смотрящего».

И тут же оказывается на полу с вывернутыми руками.

– Пустите, вы, волки! – хрипит он. – С вас за все спросят, за все!

– Тут он прав, господа арестанты, – обращается Тайга к экам. – За все надо спрашивать. По понятиям. Шо у нас здесь, одесский цирк? Каждый кувыркается, как хочет, вякает, что в голову взбредет...

В спальном помещении уже собралась толпа. Большая часть осужденных давно забыла о телевизоре. Какой там секс, когда рядом порнуха!

– А по понятиям, господа арестанты, – продолжает Тайга, – Влас имеет с Валеры десять тонн. Карточный долг – долг чести. Да отпустите вы парня, чего вы ему ласты покрутили?

Гостя отпускают. Он стоит злой, взъерошенный и хмурый.

– Есть у тебя чем рассчитаться, Валера? – спрашивает Тайга.

Растерянный Валера только хлопает кобылячьими глазищами.

– Тогда, конечно, придется подставить попу, – констатирует «смотрящий».

Валера бледнеет, хотя в полутьме это незаметно. По толпе проносятся недоуменный ропот.

– Ну, получай, что причитается, – обращается Тайга к Власу.

Тот настороженно и выжидающе смотрит на каторжанина. Понимает: это лишь увертюра.

– Шевелись! – подбадривает Тайга. – Время пошло. Мы тебя, конечно, не торопим, но и ты нас пойми. Нам ведь тоже кое-что причитается получить. С тебя.

Влас невольно отступает на шаг – и упирается спиной в стену из эсков.

– А как же ты думал, братка? – задушевно растолковывает дядя Коля. – За базар отвечать надо. Закосорезил ты, Москва. Закосорезил... Вообще-то я человек незлобивый. Если бы ты просто на меня отвязался, я бы, может, и простил. Ну, спросил бы для порядку. Как говорится, дал бы почувствовать братскую руку, отпустил бы хорошего «леща»... Но ты ведь «полосатую масть» офоршмачил. Народ не

поймет. Придется и тебе становиться на четыре кости. И будет у нас завтра на зоне на две девочки больше.

Наступает тягостное молчание.

– Тайга! – вдруг начинает жалобный скулеж слесарь-должник. – Тайга! Ну давай решим как-нибудь по-мирному!

– Не надо было судьбу дрочить! – зло обрывает Тайга. – «Как-нибудь»! Как-нибудь коз ебуть!

– Дядя Коля, в натуре, – заступается Алихан, – может, замять это грязное дело? Ну, ты простишь этого «быка», а он – Витюху.

– А меня кто – Господь простит? У них с Таранкиным – личные разборки, а тут речь о чести каторжанской.

Но все уже понимают, чем закончится разыгранный спектакль. В конце концов оплеванный москвич убирается из отряда несолоно хлебавши, без выигрыша, да к тому же принеся извинения «смотрящему» и арестантам за свой «косяк». Осужденные расходятся: кто спать, кто опять к телику, кто обсуждать случившееся.

Тайга подзывает к себе Таранкина:

– Смотри, лох, – последний раз! Еще раз вляпаешься в блудную – лично порву тебе жопу на портянки!

И снова Тайга с Князем прикалываются колбаской да чайком в своих «аппартаментах».

– До Слоника дойдет – «мутилово» может начаться, – говорит Алихан, поглаживая жесткую щетину на подбородке.

– Хороший ты пацан, – похлопывает его по плечу Тайга. – Но выше фраера не подымешься. Много не догоняешь. Ты что, в натуре считаешь, что зоной вертят все эти слоники, ежики да бобики? Эх, Князь! Этих толстолобиков насовали на козырные места потому, что достойные каторжане нынче высовываться не хотят. Время смутное... Вот такую «урлу» и ставят «на положение». Пускай огольцы в авторитетов поиграют. Я бы и на отряд не пошел. Люди попросили. Если Слоник захочет мне что-то предъявить, ему в момент хобот оборвут. Вот так. Ты по свободе помаракуй над тем, что я сказал. А сейчас кемарить пора. Нервная выдалась ночка.

Он подходит к окну и глядит во двор. Темно, пусто, мрачно. Накрапывает дождь.

– Да-а, праздничек...

Эх, прокачусь!

Глава первая

Локалка. Зима

Возле нашего отряда огромная локалка, в половину футбольного поля. Летом, соответственно, футбол, волейбол, а зимой – сугроб. Январь. Вечер. Гуляю по прочищенной дорожке среди сугроба. Прямо напротив штаб колонии и окна замполита. Сейчас их уже переименовали, но в то время были и делали свою погоду в зоне. Гляжу, а у него свет горит и мысль прям так током и пробила: а почему бы и нет?.. Подзываю СДПушника, что с ключами по плацу гусем выхаживает, даю ему пачку сигарет, и он выпускает меня. Поднимаюсь в штаб, захожу: «Разрешите, гражданин начальник?» Он смотрит по ТВ «Поле чудес».

– Ну, чего тебе? – через минуту обращает на меня внимание. – Только коротко и по сути.

– Я гулял сейчас по локалке шестого отряда, ну, там, куда снег свозят из других...

– Короче можешь?

– Я хотел бы заявку подписать.

– Еще короче!

– А если сделать в этой локалке каток, – прям выстреливаю я слова. – Можно?

– Хорошая мысль... – изрекает он, глядя в телевизор. – Да приз надо брать, дура! Вот, просрала машину... А кататься на чем будете?

Он выключает ящик и, хитро прищурившись, смотрит на меня в ожидании ответа.

– На коньках.

– А коньки где возьмете?

– Ну, кто захочет, тот найдет...

– Вот это-то меня и беспокоит. Покалечите там друг друга, а мне отвечать за вас.

– Да мы не будем в хоккей играть, будем просто кататься.

– Хорошо, вот ответишь мне, на чем дедушка Ленин катался, тогда разрешу.

– На снегурках с двумя полозьями, – говорю я первое, что вспоминается.

– А вот и нет! – радуется он как ребенок. – Книжки надо было читать, а не по улице шляться, – говорит и вынимает из ящика стола детскую книжку и машет ею. – Через два дня дашь ответ – получите каток, нет – посажу за нарушение локального участка и тебя, и того, кто тебя выпустил. Иди, думай!

Иду в отряд, а тот, что внутри меня, балдеет: «Каток... коньки... вот и покатался!» А тут другой на всю зону по селектору: «Помни! У тебя два дня!»

Пришел в отряд. Сижу на шконке. Состояние близко к шоковому.

– Что с тобой? – спрашивают пацаны.

Рассказываю.

– Сейчас мы узнаем, не гони! – говорят чуть ли не хором и разбегаются.

Все убеждены в том, что я прав, но у меня чуйка, что не стал бы замполит затевать эту игру в отгадайку, не зная чего-то такого, чего мы все не знаем. Утром иду в библиотеку. Рассказываю там про свой головняк.

– Да, – чешет репу библиотекарь, – проблема.

Это сейчас хорошо: послал запрос в Интернете и получил ответ, а мы целый день штудировали впятером книги, журналы, брошюры, в которых хоть что-то было про вождя пролетариата, – и мимо. И тут я вспоминаю про книжицу, которую он из стола достал. Тонкая такая, детская книжонка. Может, там и кроется ответ? Но как до нее добраться?

– Только шнырь штаба может помочь, – говорит библиотекарь. – Но только дорого будет, риск.

– Иди, договаривайся, мне на пять минут, только глянуть на нее.

Не было его целый час.

– Вот хитрый лис! Еле уболтал росомаху, – кричит он мне с порога. – Сейчас принесет, но просит блок верблюжьих сигарет.

– Да будет ему верблюд! Пусть несет.

«Детство Ильича» – это действительно была детская книжка с картинками: Ильич на коньках катается на озере. Читаю и не могу поверить: как они умудрялись кататься на деревянных коньках?! Но это их проблемы, а мне одним головняком меньше.

Зампол сам вызвал меня к себе. Я шел к нему, одухотворенный победой.

– Узнал все ж таки, волчара, – взвизгнул он, когда я без понтов ответил на его вопрос. – Ладно, пиши свою заяву. Завтра принесешь, подпишу.

Пришел в отряд, рассказываю своим, как отжарил зампола.

– Не спеши радоваться, – говорит старый зэчара с соседнего ходка. – Политрук еще тот бес, он терпеть не может, когда зэк что-либо навязывает ему или оказывается прав. Жди пакости, провокации.

Он еще не договорил, когда открылась дверь и в секцию зашел он, зампол.

– Сидите, – говорит он, – не нужно вставать, я так зашел, посмотреть, как живете. – И открывает ящик моей тумбочки. – Что это?

– Пустые пачки из-под сигарет, – отвечаю, – бывает, в передаче приносят рассыпухой, затариваю в пачки вместо подсигара.

– Понятно. А сколько здесь?

Считает: «Раз, два, три... десять». Разворачивается и уходит.

– Станный какой-то, – говорю я.

– А я что говорил, – вставляет старикан.

Проходит минут пятнадцать, меня вызывают по селектору в дежурку. Одеваюсь, иду.

– Распишись, – говорит дежурный и указывает на лежащее на столе постановление.

Читаю: за захламление мусором казенного инвентаря в отряде десять суток ШИЗО. Расписываюсь, а дежурный спрашивает:

– Что захламил-то?

Рассказываю.

– Да, десять пачек – десять суток... Идиот!

– Кто? – спрашиваю.

– Уже не важно, – отвечает он.

На утренней проверке в изоляторе появляется замполит. Подходит к нашей хате и спрашивает меня:

– На каких коньках закатился?

И, не дожидаясь ответа, уходит смеясь.

Глава вторая

Та же локалка. Лето

Жара. Все спрятались от палящего солнца в отряде. Сто двадцать человек, а тишина стоит такая, аж уши давит.

– Ну не может быть такой тишины при таком скоплении народа! – говорит Поль. – Одурели совсем мужики от этой жары.

– Согласен. А давай их расшевелим?

– Давай. А как?

– Бери своего Кузю, подушку и жди меня на улице. Я сейчас найду Шарика и подтянусь.

Беру подушку, нахожу Шарика в умывальнике, и вот мы уже на волейбольной площадке.

– Конный бой, братишка! – кричу я и прыгаю Шарика на спину.

Поль не заставляет себя ждать, взбирается на Кузю и с криком «Цоб-цо-бе!» налетает на меня. Я бью сильно, но он держит удар и в свою очередь бьет сам, но не по мне, а в голову моему коню, то есть Шарика. Тот, не ожидая такой тактики соперника, теряет трататушки и заваливается, увлекая меня за собой. Поль отъезжает на свой конец площадки и ждет, пока мы поднимемся.

– Один – ноль! – кричит он.

Поднявшись, даю Шарика подзатыльника и, крепко закогтившись на его спине, рвусь в бой. Второй раунд вышел затяжной. Мы лупили друг друга подушками со всей дури, пот лился ручьями, заливая глаза, в голове гудело как в токарном цехе, рука, которая работала подушкой, онемела от усталости, но оружие не выпускала. Кони тоже делали свое дело: толкали, лягали друг друга. Бой сводился к ничьей, но тут Шарик в горячке укусил Кузю за плечо, тот взвыл, подняв голову, в которую тут же с отяжкой врезалась моя подушка, и он рухнул как подкошенный. Но Поль успел среагировать и прыгнул за секунду до его падения. Это его спасло, но не надолго: он сконцентрировал внимание на том, чтобы не завалиться вслед за конем, и пропустил мой следующий удар, после которого конь и всадник лежали рядом.

– Один – один! – издал я крик победителя, развернул коня, чтобы отъехать на исходную позицию, и встал столбом – вся локалка была усеяна всадниками, которые молотили друг друга подушками.

– Вот это другое дело, – сказал Поль, подойдя. – Мы их расшевелили, брат.

Соскочив с коня, я протянул ему руку, держи пять, мол, а в это время взгляд выхватил окна дежурки напротив нашей локалки. В окне собралась вся дежурная смена во главе с ДПНК, и никто не заметил,

что в зону вошел замполит и тоже смотрит состязания из окна своего кабинета. Потеха была еще та! Несмотря на сломанную руку и разбитую голову, все остались довольны. Отряд гудел как растревоженный улей.

После бани мы вернулись в расположение отряда, где в ходке на тумбочке нас ждала трехлитровая банка заваренного чая и две шоколадки.

– Что это? – спросил я Шарика.

– Мужики делали ставки, а это ваша доляна, – отвечал он.

– А то говорили, что в отряде жизни нет! – крикнул Польш.

– Будем жить! – раздался голоса с разных сторон.

И тут, как это часто бывает, случился заподляк – нас вызвали в дежурку. У ДПНК, видимо, уже отжаренного зампалом, был вид побитой собаки.

– В шестой кабинет, – сказал он и отвернулся.

– Ну, молодцы! Ну, порадовали старика! Давно я так не смеялся, – балагурил тот, когда мы зашли. – Нет, ну это ж какое шоу вы сотворили! Жаль, камеры не было с собой заснять для истории. А я вам поощрения уже выписал, заслужили.

Он как-то недобро ухмыльнулся, и стало ясно: будет падлеть.

– Чего вам утруждать себя, я вот вам сейчас прочитаю, – и с прежней ухмылкой взял со стола постановление «За несанкционированное проведение спортивных мероприятий, повлекших травмы, а также учитываемая перечень предыдущих нарушений, водворить в ПКТ сроком на четыре месяца». Подходите, расписывайтесь... заслужили... Вот и покатались...

ФОНД “В ЗАЩИТУ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ”

Контакты:

тел./факс: +7 (495) 974-75-46

www.zashita-zk.org

e-mail: info@zashita-zk.org

Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений в местах заключения (февраль – март 2014 года)

Акции протеста

Иркутская область

3 февраля 2014 года

По сообщению пресс-службы СУ СК РФ по Иркутской области, 29 января 2014 года **командир отделения** ведомственной пожарной охраны одного из лечебно-исправительных учреждений ГУ ФСИН России по региону **пронес на режимную территорию наркотики**.

Он был задержан с поличным при проведении совместных оперативно-разыскных мероприятий ФСБ и ГУ ФСИН. У пожарного обнаружены героин и гашиш. Уже установлено, что он неоднократно пронесил для заключенных зелье и сотовые телефоны.

Возбуждено уголовное дело по статьям «Превышение должностных полномочий», «Покушение на незаконный сбыт наркотических средств в крупном размере, совершенное в исправительном учреждении лицом с использованием своего служебного положения».

Идет расследование.

Москва

3 февраля 2014 года

Счетная палата обвинила ФСИН в заключении невыгодных госконтрактов на 7,1 млрд рублей. Счетная палата России, которую недавно возглавила Татьяна Голикова, высказала новые претензии в адрес Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН). На этот раз ведомству ставят в вину привлечение коммерсантов к строительству объектов ФСИН с нарушением законодательства и в ущерб бюджету. При этом строительные ФГУП ФСИН заработали более 250 млн рублей за оказание посреднических услуг при строительстве данных объектов, сообщает NEWSru.com со ссылкой на сайт СП.

Выводы СП обнародованы по результатам аудита деятельности ФГУП ФСИН в 2010–2012 годах. Проверка показала, что ФГУП в этот период для выполнения работ по контрактам, заключенным без проведения торгов, в качестве субподрядчиков привлекали коммерческие организации. Эти фирмы выполнили работы на общую сумму 7,1 млрд рублей (55% от общего объема средств федерального бюджета, перечисленных строительным ФГУП). А за оказанные посреднические услуги строительные ФГУП ФСИН как генподрядчики получили прибыль 250,5 млн рублей, говорится в пресс-релизе.

Среди регионов, где СП выявила нарушения, названы Челябинская область, Чечня и Ингушетия. «В итоге федеральный бюджет несет значительные издержки», – отметил аудитор Сергей Мовчан.

Нашла СП и нарушения в деятельности подведомственных ФСИН ФГУП сельскохозяйственного профиля: там аудиторы выявили необоснованное превышение цен на производимую продукцию, что «привело к неэффективным (неэкономным) расходам бюджетных средств на общую сумму 3,8 млрд рублей». Кроме того, сырье и продукция закупались унитарными предприятиями без проведения торгов, в большинстве случаев по завышенным относительно среднерегionalных ценам, что повлекло увеличение себестоимости их продукции на 596 млн рублей, подсчитали в СП.

Еще одна претензия касается производства военной формы на предприятиях ФСИН. В этой сфере аудиторы тоже выявили неэффективные расходы средств федерального бюджета: в 2011 году – 49,4 млн рублей, в 2012 году – 60,4 млн рублей.

По итогам проверки СП решила направить представление во ФСИН и информационное письмо в Минюст. Также отчет о результатах про-

верки будет направлен в обе палаты парламента и Генпрокуратуру, уведомляет СП.

В октябре прошлого года Счетная палата объявила, что государство потеряло **1,65 млрд рублей** из-за нарушений, допущенных чиновниками ФСИН при закупке **электронных браслетов** в 2010–2011 годах.

Ранее, в феврале прошлого года, полиция **раскрыла** картельный сговор при поставках продуктов для ФСИН. По данным следствия, участники картеля ради получения наиболее выгодных госконтрактов придумали нетривиальную схему поведения на электронных торгах. В результате ФСИН покупала продукты по завышенным ценам, ущерб государству оценили минимум в 32 млн рублей.

Вологодская область

11 февраля 2014 года

Двое заключенных погибли в ИК-5. ЧП произошло в Соколе. Оба заключенных отбывали наказание в исправительной колонии особого режима № 4. 5 февраля 38-летний и 31-летний мужчины почувствовали себя плохо и были доставлены в межобластную больницу № 10 управления ФСИН. Несмотря на проведенное лечение, оба скончались в течение суток.

Выяснилось, что перед недомоганием они находились в одном из производственных цехов исправительного учреждения. Воспользовавшись тем, что за ними не смотрят, мужчины выпили техническую жидкость, чтобы опьянеть, сообщает прокуратура Вологодской области.

Следственные органы проводят проверку ЧП.

11 февраля 2014 года

Сотрудник УФСИН подозревается в совершении мошенничества.

Следственными органами Следственного комитета Российской Федерации по Вологодской области в отношении 26-летнего мужчины возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч.1 ст. 159.2 УК РФ (мошенничество при получении выплат).

По версии следствия, в 2012 году **работник** одного из исправительных учреждений **УФСИН** России по Вологодской области **похитил денежные средства в сумме более 4 тыс. рублей**, представив в бухгалтерию колонии документы, содержащие ложные сведения о стоимости перелета к месту проведения отпуски.

В настоящее время следствием устанавливаются все обстоятельства совершенного преступления. Расследование уголовного дела продолжается.

Воронеж

13 февраля 2014 года

Задержан политактивист Роман Хабаров, лидер общественного движения «Честный город». Об этом сообщает «Мое! Online». Что именно инкриминируется активисту, неизвестно. Последняя запись в Фейсбуке, оставленная Хабаровым после обыска утром 11 февраля, гласит: «Сейчас везут на допрос в СК. Судя по всему, будут шить участие в коммерческой деятельности клиентов по юридическим делам».

Не исключено, что активист задержан по делу об организации сети подпольных казино. По словам близких Хабарова, он оказывал юридическую помощь нескольким фирмам. Возможно, какую-то из них заподозрили в причастности к работе игорных домов.

Обыск в квартире Хабарова начался во вторник в 7 утра. По словам родственников и друзей активиста, у него изъяли телефон и всю электронную технику. После допроса в СКР Хабарова поместили в изолятор временного содержания. В среду должен был состояться суд по выбору ему меры пресечения, однако по ходатайству адвоката заседание отложили на пятницу.

Между тем в четверг региональное управление СКР сообщило о возбуждении **дела против 12 жителей Воронежа, занимавшихся организацией азартных игр**. Фигурантам вменены пункты «а» и «б» ч. 2 ст. 171.2 (незаконные организация и проведение азартных игр с извлечением дохода в особо крупном размере, совершенные организованной группой) и ч. 2 ст. 210 УК (участие в преступном сообществе).

По утверждению ведомства, группировка действовала с августа 2011-го по февраль 2014 года в Воронеже и области – городах Борисоглебск, Острогжск, Поворино, Семилуки и поселке Рамонь. Доход от деятельности казино составил не менее 25 млн рублей, заявляют следователи.

Работа игорных домов была пресечена совместными усилиями региональных управлений СКР, МВД и ФСБ, также говорится в сообщении. Участники преступного сообщества задержаны.

Хабаров, однако, еще несколько месяцев назад **рассказывал об этом деле** в интервью РИА «Воронеж». Тогда оно было квалифицировано по ст. 171 УК (незаконное предпринимательство), а подозреваемых в нем не имелось. Активист, являясь директором фирмы «Защита», оказывал по этому делу юридические услуги своим клиентам, которых пытались сделать подозреваемыми. Деталей Хабаровов в интервью не раскрыл, заметив лишь, что возбуждение дела «связано с конкурентной борьбой».

Тогда же активист рассказал, что его самого «очень хотели бы привлечь по этому делу». Дома у его матери следователи проводили обыск, сообщил он. «По логике следователей, я становлюсь соучастником преступления, потому что консультирую тех, кто может попасть под подозрение, – заметил Хабаровов. – Так можно прийти и до того, чтобы обвинять адвокатов в убийстве или изнасиловании только потому, что они взялись защищать кого-то».

Хабаров – бывший участковый милиционер. Несколько лет назад он предал огласке факты пыток в милиции. Сразу после этого против него возбудили дело по ст. 330 УК (самоуправство), которое позже закрыли за отсутствием состава преступления. В дальнейшем Хабаровов оказывал юридическую помощь Движению в защиту Хопра. Летом 2012 года он выступал в Москве на Марше миллионов, осенью 2013-го баллотировался в депутаты городской Думы. В декабре 2012 года у Хабаровова **прошел обыск по делу «Анатомии протеста-2»**.

25 декабря 2013 года в Воронеже **был осужден Александр Пирогов**, бывший главный редактор газеты «Молодой коммунар». Он получил четыре года общего режима по ч. 1 ст. 285 (злоупотребление должностными полномочиями) и ч. 4 ст. 160 УК (растрата в особо крупном размере). Как отмечают коллеги журналиста, его преследование началось в 2009 году, после того как Пирогов опубликовал в «Молодом коммунаре» материалы о крышевании правоохранителями подпольных казино.

Бурятия

21 февраля 2014 года

Бывший глава управления ФСИН в Бурятии Сергей Суш вчера был **приговорен** в суде Улан-Удэ **к реальному сроку за мошенничество, но остался на свободе**.

Положенное он уже отсидел под домашним арестом, сообщил представитель Октябрьского районного суда.

Суша обвиняли в «мошенничестве с использованием служебного положения» после того, как он из своего ведомства вывез четыре прицепа и трактор на сумму свыше миллиона рублей и отправил все своим родственникам в Красноярский край.

Это случилось в 2009 году, а СК Бурятии начал следствие два года назад. Все это время Суш был под домашним арестом и под наблюдением УФСИН Бурятии. Обвинение добивалось наказания для Суша в 4 года тюрьмы. Он же был осужден на год и восемь месяцев. Этот срок Суш провел дома под арестом, поэтому сегодня его из зала суда отпустили. Обвинение еще не решило, будет ли оспаривать решение суда.

Москва

24 февраля 2014 года

Мосгорсуд смягчил вчера наказание – с шести до четырех лет колонии общего режима – 31-летнему Владимиру Топехину, осужденному за мошенничество. **Приговор** вступил в силу **в отношении... парализованного человека.**

В апелляционной жалобе адвокат Светлана Сидоркина настаивала на том, что дело рассматривалось с нарушением принципов судопроизводства: «Дело в суде первой инстанции рассмотрели всего за один день, во время которого Топехину трижды вызывали врача, но при этом продолжали вести процесс, несмотря на состояние здоровья подсудимого. Суд отклонил все ходатайства защиты и вынес приговор, удалившись в совещательную комнату всего на 5–10 минут».

Адвокат Сидоркина подчеркнула, что сейчас ни одно из учреждений ФСИН РФ не имеет лицензии на оказание медицинских услуг в области неврологии. Там отсутствуют специалисты и необходимые медикаменты и содержать такого заключенного невозможно ни в колонии, ни в СИЗО. Сам Топехин, лежавший на кушетке в камере для видеотрансляций, сообщил судьям, что его здоровье с каждым днем ухудшается. Несмотря на это, осужденного недавно перевели из столичной 20-й больницы в СИЗО «Бутырка».

По сообщению Межрегиональной правозащитной ассоциации «Агора», Европейский суд по правам человека попросил Правительство России срочно предоставить информацию о состоянии здоровья, условиях содержания под стражей и об объеме медицинской помощи, которую получает Топехин.

«Отбывание лишения свободы может быть отсрочено, если болезнь действительно тяжкая. Если не отсрочено, надо просить у судьи пер-

вой инстанции, чтобы состоялась отсрочка. Если же больной человек попал в колонию, то можно просить освобождения по болезни – существует специальная процедура», – пояснил федеральный судья в отставке Сергей Пашин.

Забайкалье

26 февраля 2014 года

Следственными органами **Следственного комитета РФ по Забайкальскому краю** завершено *расследование уголовного дела в отношении экс-начальника отдела собственной безопасности краевого управления ФСИН*. Он обвиняется в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 294 УК РФ (вмешательство в деятельность следователя в целях воспрепятствования расследованию дела, совершенное с использованием своего служебного положения).

По версии следствия, в 2013 году обвиняемый, занимая должность начальника отдела собственной безопасности управления ФСИН по Забайкальскому краю, препятствовал расследованию уголовного дела в отношении начальника оперативного отдела СИЗО и сотрудника управления наркоконтроля, которые обвинялись в подстрекательстве к незаконному обороту наркотиков в следственном изоляторе, а также в ряде должностных преступлений.

По данным уголовного дела, начальник ОСБ УФСИН принуждал изменить показания двух свидетелей, содержащихся в читинском следственном изоляторе. Обвиняемый угрожал свидетелям неблагоприятными последствиями при содержании в исправительных учреждениях. Кроме того, в мае 2013 года, в день освобождения одного из свидетелей из следственного изолятора, начальник ОСБ УФСИН дал указание подчиненным вывести свидетеля, минуя контрольно-пропускной пункт, зная о том, что на КПП свидетеля ждали для допроса.

По ходатайству следствия обвиняемый был временно отстранен от должности. Вину в инкриминируемых деяниях обвиняемый не признал.

Следствием собрана достаточная доказательственная база, уголовное дело направлено в суд.

Татарстан

26 февраля 2014 года

Верховный суд отменил штраф правозащитнику, обнаружившему в учреждении ФСИН биту с надписями «Успокоительное» и

«Адвокат». Верховный суд России в полном объеме удовлетворил надзорную жалобу правозащитника Владимира Рубашного на постановления мирового судьи Ново-Савиновского райсуда Казани и заместителя председателя Верховного суда Татарстана, привлечших его к административной ответственности в виде штрафа в размере 500 рублей, сообщает пресс-служба Казанского правозащитного центра.

Решения нижестоящих судов отменены, а производство по административному делу прекращено в связи с отсутствием в действиях правозащитника состава правонарушения. Об этом сообщает адвокат, правовой аналитик Межрегиональной правозащитной ассоциации «Агора» Рамиль Ахметгалиев, представляющий интересы Рубашного.

22 августа 2012 года при посещении исправительной колонии № 19 УФСИН РФ по Татарстану член Общественной наблюдательной комиссии по соблюдению прав человека в местах принудительного содержания Владимир Рубашный (сотрудничающий с Казанским правозащитным центром) был подвергнут досмотру, в ходе которого у него изъяли диктофон.

На этом основании казанский прокурор по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях возбудил в отношении общественника административное дело по ч. 2 ст. 19.32 КоАП РФ («Нарушение членом ОНК требований уголовно-исполнительного законодательства РФ, нормативных правовых актов по вопросам исполнения наказаний, а также невыполнение законных требований администрации места принудительного содержания»).

Мировой судья оштрафовал Рубашного на 500 рублей, а Ново-Савиновский райсуд Казани и заместитель председателя Верховного суда Татарстана оставили это решение без изменений.

Тогда правозащитник обратился с надзорной жалобой в Верховный суд России. Рубашный пояснил, что прибыл в исправительное учреждение для посещения осужденных, их интервьюирование не запрещено и осуществляется в соответствии с приказом ФСИН России «Об утверждении Положения о порядке посещения учреждения уголовно-исполнительной системы членами ОНК».

В постановлении Верховного суда РФ подчеркивается: «...то обстоятельство, что Рубашный не сдал диктофон, обусловлено выполнением им своих обязанностей как члена ОНК по осуществлению общественного контроля и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания».

P.S. В ночь с 27 на 28 августа 2012 года неизвестные разбили автомобиль Владимира Рубашного. Находившиеся в салоне машины пыле-

сос, огнетушитель, насос и набор инструментов злоумышленники не тронули.

По данному факту было возбуждено **уголовное дело** (ст. 167 УК РФ «Умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, если эти деяния повлекли причинение значительного ущерба»). Подозреваемых в деле до сих пор нет.

Казанские правозащитники связали происшедшее с активной деятельностью Рубашного в качестве общественного наблюдателя. Так, в июле того же года он обнаружил в Лечебном исправительном учреждении № 1 Нижнекамска самодельную битку с надписями «Анальгин», «Успокоительное», «Средство от геморроя» и «Путевка на Луну». Уже на следующий день сотрудники учреждения, не дожидаясь проведения прокурорской проверки, **сожгли** ее в котельной.

Московская область

11 марта 2014 года

Прокуратура потребовала устранить нарушения закона в исправительной колонии № 6 города Коломны. Установлено, что условия отбывания наказания в исправительной колонии не в полной мере отвечали требованиям уголовно-исполнительного законодательства.

Так, в службе делопроизводства отсутствовали документы и переписка по обращениям граждан.

Не отслеживались результаты рассмотрения уведомлений, направляемых в органы местного самоуправления и службы занятости, в связи с предстоящим освобождением осужденного.

К оплачиваемой работе привлекалось менее половины осужденных, что влекло неисполнение приговоров суда в части возмещения ущерба, причиненного преступлением.

В нарушение трудового законодательства заработная плата сотрудникам учреждения и осужденным выплачивалась один раз в месяц.

Медицинские книжки привлеченных к труду осужденных были неустановленного образца.

В магазине исправительной колонии отсутствовал необходимый ассортимент товаров (отдельные продукты, конверты и таксофонные карты).

Осужденным, находящимся в штрафном изоляторе, не выдавались средства личной гигиены.

По результатам проверки прокурор Московской **прокуратуры** по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях Мос-

ковской области внес начальнику исправительной колонии представления об устранении нарушений закона, которые рассмотрены и удовлетворены, три виновных должностных лица привлечены к дисциплинарной ответственности. В настоящее время руководство исправительного учреждения принимает меры к устранению нарушений.

Приморский край

18 марта 2014 года

В Спасске пойдет под суд инспектор безопасности ФКУ ИК-33 ГУ ФСИН России по Приморскому краю. Ему **предъявлено обвинение в пособничестве в приобретении наркотических средств в особо крупном размере** (ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 228 УК РФ) и злоупотреблении должностными полномочиями (ч. 1 ст. 285 УК РФ). Обвинительное заключение утверждено прокуратурой. Об этом ИА «Дейта» сообщила старший помощник прокурора края Елена Телегина.

Как считают следователи, обвиняемый в корыстных целях согласился стать посредником в передаче наркотиков уголовнику, отбывающему наказание в колонии.

Запрещенное вещество он спрятал в своем авто и приехал на территорию колонии. Преступление пресекли сотрудники собственной безопасности ГУ ФСИН, наркотики изъяты.

Дело передано в суд.

Московская область

25 марта 2014 года

В подмосковном СИЗО от передозировки наркотиков скончался арестант. Ногинская городская **прокуратура** провела проверку по факту смерти заключенного в федеральном казенном учреждении «Следственный изолятор № 1 управления ФСИН России по Московской области», расположенном в городе Ногинске.

Установлено, что мужчина скончался в результате отравления наркотическими средствами – героином, ацетил-кодеином и морфином.

Указанное стало возможно в том числе и потому, что сотрудники следственного изолятора не принимают достаточных мер по выявлению и изъятию у заключенных наркотиков.

Материалы прокурорской проверки были направлены в следственное управление МУ **МВД** «Ногинское» для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

По результатам их рассмотрения следственный орган возбудил и расследует уголовное дело по ч. 1 **ст. 228.1 УК РФ** (незаконный сбыт наркотических средств).

Ход расследования уголовного дела находится в Ногинской городской **прокуратуре** на контроле.

В адрес начальника следственного изолятора прокурором внесено представление об устранении нарушений закона.

Челябинская область

27 марта 2014 года

Сотрудник регионального управления ФСИН России подозревается в получении взятки. Следственными органами **Следственного комитета РФ по Челябинской области** возбуждено уголовное дело в отношении сотрудника исправительной колонии № 9 ГУ ФСИН России по Челябинской области (город Бакал), подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 **ст. 290 УК РФ** (получение взятки).

По версии следствия, в конце 2012 года сотрудник исправительного учреждения, получил от представителя осужденного взятку в сумме 25 тыс. рублей за содействие в организации условно-досрочного освобождения осужденного.

Москва

28 марта 2014 года

Офицеры УФСИН пытались выкрасть документы, доказывающие их вину.

Сотрудники центрального аппарата ФСИН Александр Тюрин и Игорь Фоменко прибыли с неожиданным визитом на предприятие «Мета» для того, чтобы, используя свои полномочия, выкрасть копии журналов, в которых были указаны реальные производственные показатели завода, который занимался выпуском браслетов.

Напомним, что скандал разгорелся еще в конце 2012 года. Все началось с того, что во время проверки на одном из заводов, подконтрольных ЦИТОС, ревизорами из ЦУ ФСИН РФ Александром Тюриным и Игорем Фоменко были выявлены нарушения при расходовании бюджетных средств (одна только кредиторская задолженность при опла-

те транспорта и ремонта составила более 50 млн руб.). Ревизоры обнаружили, что ЦИТОС закупил у компании «Экотест» готовые электронные блоки к браслетам на сумму, превышающую рыночную на 1,346 млрд рублей, однако в устройства не были вмонтированы модули GPS / ГЛОНАСС, что делало их практически неработоспособными.

Главный инженер ЦИТОС и по совместительству главный инженер «Меты» пояснил ревизорам, что модули не ставили по «устной договоренности с руководством».

Как установили следователи СКР, Александр Тюрин и Игорь Фоменко предложили руководству ЦИТОС закрыть глаза на все нарушения, потребовав за это 2 млн евро, или 80 млн рублей.

Производители согласились, и уже 4 октября 2012 года в одном из ресторанов Москвы офицеры получили половину оговоренной суммы. Когда Александр Тюрин и Игорь Фоменко стали требовать оставшуюся половину, в ЦИТОС узнали, что в Жигулевск вскоре будет направлена новая комиссия с проверкой. Решив, что платить офицерам далее незачем, изготовители обратились в ФСБ.

18 декабря при получении очередного транша в 10 млн рублей с поличным был задержан посредник, знакомый Тюрина Анатолий Суоров. Почти одновременно взяли Игоря Фоменко и еще одного посредника, родственника Александра Тюрина Филиппа Петрунина. Самого Александра Тюрина, попытавшегося скрыться, задержали на день позже. Суд отправил Филиппа Петрунина под домашний арест, а трех остальных фигурантов – в СИЗО, где они находятся до сих пор. Всем вменяется в вину покушение на мошенничество (ст. 30 и ст. 159 УК РФ).

По данным источника, сначала все фигуранты отказывались давать показания, но позже Тюрин и один из посредников стали сотрудничать со следствием. По словам источника, они утверждали, что тогдашнее руководство ведомства прекрасно знало о нарушениях, связанных с производством СЭМПЛ, но закрывало на них глаза.

Позже, 29 марта прошлого года, по результатам проверки было возбуждено еще одно уголовное дело по ст. 159 УК РФ (мошенничество) — в отношении «неустановленных должностных лиц ФСИН», которые организовали аферу с браслетами. Проверяющие, в частности, установили, что на момент начала расследования из поставленных 23,9 тыс. устройств использовалось чуть более 9 тыс. (при этом у более чем 20 тыс. истекли гарантийные сроки).

Краснодарский край

31 марта 2014 года

В Динском районе сотрудница УФСИН попала на взятке. Следственным отделом по Динскому району СКР по краю возбуждено уголовное дело в отношении заместителя начальника филиала по Динскому району ФКУ УИИ управления ФСИН России по Краснодарскому краю, подозреваемой в получении взятки за незаконные действия (ч. 3 ст. 290 УК РФ).

По версии следствия, в феврале 2014 года к заместителю начальника подразделения уголовно-исполнительной инспекции по Динскому району обратилась местная жительница, осужденная за совершение мошенничества к полутора годам лишения свободы условно с испытательным сроком на 2 года. При этом женщина попросила не предоставлять в суд сведения о ее привлечении к административной ответственности за хулиганство в период условного осуждения. Иначе в отношении нее не могли быть применены нормы постановления об объявлении амнистии. Работница ФСИН согласилась на выполнение такой просьбы, но после передачи ей взятки в размере 3 тыс. рублей. О таком предложении осужденная сообщила в правоохранительные органы. 21 февраля 2014 года женщина вновь прибыла в служебный кабинет работницы уголовно-исполнительной инспекции, которой передала требуемую сумму денег. После этого действия злоумышленницы были пресечены прибывшими оперативными работниками полиции.

В настоящее время рассматривается вопрос об избрании в отношении подозреваемой меры пресечения. Проводятся необходимые следственные действия, направленные на установление всех обстоятельств совершенного преступления. Расследование уголовного дела продолжается.

Мир и тюрьма

Перу: 1200 перуанских заключенных участвовали в сеансе аэробики, чтобы попасть в Книгу рекордов Гиннеса

14 июля 2013 года 1200 заключенных тюрьмы Луриганчо, расположенной в столице Перу городе Лима, приняли участие в сеансе аэробики, чтобы поставить рекорд по количеству участников и быть занесенными в Книгу рекордов Гиннеса. Это было незабываемое зрелище.

Сеанс, который длился три часа, проходил во внутреннем дворе тюрьмы под ободряющие крики остальных заключенных, не участвовавших в представлении. Событие освещали многочисленные телекомпании.

Тюрьма Луриганчо построена в 60-х годах прошлого века, и в ней содержится более 9000 человек.

Днем ранее 5 человек, считающихся самыми опасными преступниками, сбежали из этой тюрьмы. Причем сбежали они среди бела дня, через центральный вход, в костюмах и при галстуках. Этот дерзкий побег привел к отставке высокопоставленных чиновников пенитенциарной администрации. Утверждается, что к нему причастны коррумпированные полицейские.

Директор тюрьмы лейтенант Томас Гарей заявил, что, несмотря на побег, он не может перенести сеанс аэробики на другой день, «поскольку люди тренировались четыре месяца и очень ждали момента выступления». «Расследование обстоятельств побега идет своим чередом, а мы продолжаем нашу обычную деятельность», – добавил он.

«Реабилитация весьма возможна, – уверен директор. – Эта тюрьма всегда считалась самой опасной в стране, половине из тех, кто здесь находится, место в аду, но на сегодняшний день поведение заключенных значительно улучшилось именно из-за ежедневных занятий аэробикой».

Томас Гарей добавляет, что ежедневные трехчасовые тренировки настолько изменили поведение заключенных, что в этом пенитенциарном центре на 60% уменьшилось употребление наркотиков и алкоголя. «В тюрьме больше не совершается преступлений, заключенные более активны, это очень важная терапия», – добавляет директор.

А пятерым беглецам, которые до сих пор не найдены, по мнению властей, помогли коррумпированные охранники. Среди тех, кто был отстранен от своих должностей, фигурируют один генерал, один полковник и несколько офицеров полиции.

Саудовская Аравия: центры ресоциализации для бывших исламистов

Саудовская Аравия пытается ресоциализировать и вернуть в общество бывших исламистов, близких к «Аль-Каиде». Ресоциализация проходит в специальных реабилитационных центрах. Корреспонденту *France Info* Кларанс Родригес повезло: власти разрешили ей посетить эти шикарные учреждения. Ей даже удалось выслушать откровения бывшего террориста «Аль-Каиды», который прошел курс реабилитации в одном из таких центров. Побеседовать с журналистом-женщиной он согласился в порядке исключения.

Халед аль-Джихани производит впечатление миролюбивого, аккуратного человека. Но так было не всегда: он – бывший член террористического крыла «Аль-Каиды». Этот 38-летний раскаявшийся саудовец прошел курс в реабилитационном центре в Тумама, пригороде Эр-Риада, столицы Саудовской Аравии. Задачей этого центра, открытого в 2006 году, первого из нескольких подобных заведений, является ресоциализация бывших исламистов.

Именно здесь прошли курс реабилитации сотни террористов, чтобы радикально изменить свою жизнь. Уже в конце первой недели, проведенной в центре, Халед понял, что он может стать кем-то другим, чем был до этого, начать новую жизнь и сделать что-то доброе и полезное:

– Центр показал мне, что с религиозной точки зрения, с точки зрения общества наши действия были неправильные. И любой человек, совершивший подобного рода акты в Афганистане, знает, что он совершал плохие вещи, но, когда туда попадаешь, трудно вернуться обратно.

У Халеда аль-Джихани очень тяжелое прошлое джихадиста. Еще в 17 лет он отправляется в Боснию, чтобы, как он сам говорит, «спасать мусульман». Затем в течение некоторого времени выполняет отдель-

ные поручения на Филиппинах, а после этого попадает в лагеря «Аль-Каиды», расположенные в Афганистане. Являясь специалистом в области электроники, он занимается изготовлением пультов дистанционного управления для взрывных устройств. Халед признает, что солдаты, которых он обучил изготавливать такие устройства, убили тысячи ни в чем не повинных людей.

Халед аль-Джехани был арестован в пакистанском городе Пешавар. Затем его переправили в печально известную тюрьму Гуантанамо, в которой он провел пять лет. А затем саудовские власти забрали его и определили в реабилитационный центр в Эр-Рияде.

Если снаружи этот центр похож на тюрьму, то внутри он больше напоминает великолепное загородное поместье. Проходящие реабилитацию заключенные посещают языковые и компьютерные курсы и конечно же изучают религию. Халед аль-Джехани честно признает, что этот центр попросту спас ему жизнь. Оглядываясь на свое прошлое и вспоминая проведенное в центре время, он хотел бы, чтобы и другие террористы воспользовались этой программой социальной реабилитации:

– Я надеюсь, что они прекратят свою деятельность. И я надеюсь, что здесь им помогут. Необходимо, чтобы все мусульмане в мире, все саудовцы знали, что здесь есть такая программа. Я сам – прекрасный пример ее успешности. Отсюда многие мужчины выходят другими и начинают новую жизнь! Я был бы глупцом, если бы не воспользовался этой программой. Действительно, это шанс, который выпадает раз в жизни!

Сегодня Халед, по всей видимости, нашел свой путь в жизни. Он работает электриком, женился, и у него родились две маленькие дочурки, для которых он готов на все. Это настоящий успех. В то же время необходимо отметить, что 10% тех, кто прошел курс социальной реабилитации в таких центрах, все равно возвращаются к радикальному исламизму. Как, например, в случае с Саидом аль-Шехри. Этот бывший заключенный тюрьмы Гуантанамо также прошел через центр реабилитации, но в 2009 году стал руководителем подразделения «Аль-Каиды» всего Аравийского полуострова после объединения саудовской и йеменской ветвей. Сейчас эта крупная ячейка базируется в Йемене.

Для саудовских властей борьба с радикальным исламизмом является национальным приоритетом. Вот как это объясняет генерал Мансур аль-Тюрки, официальный представитель Министерства внутренних дел Саудовской Аравии:

– Эта программа создана для того, чтобы полностью победить «Аль-Каиду». Не в том смысле, чтобы уничтожить непосредственно «Аль-Каиду» или ее членов – это дело спецслужб и органов безопасности. Но как мы можем сражаться с ее идеологией? Невозможно же арестовать всех террористов, захватить их и силой доставить сюда, если только их семьи не сообщают нам о том, что, мол, «мы замечаем, что с нашими близкими творится что-то не то». Это дает нам возможность косвенно влиять на таких людей. Именно поэтому эта программа реализуется в условиях заключения в такие центры.

Условия в этих реабилитационных центрах совсем не похожи на те, в которых содержатся арестованные лица. Напротив. Вот недавно саудовские власти построили еще один такой центр, совсем новый, который находится в районе Хорейс, на окраине Эр-Рияда. Внутреннее устройство и условия содержания в этом центре больше похожи на престижный загородный клуб, чем на тюрьму. Здесь есть зал для игры в бильярд, бассейн, спортивный зал.

В настоящее время помимо этих двух центров в королевстве строятся еще три. И что немаловажно, список лиц, желающих сюда попасть, очень большой. Сегодня в тюрьмах Саудовской Аравии содержатся более 3000 исламистов. Чтобы выйти на свободу, они в обязательном порядке должны пройти курс реабилитации в одном из таких центров.

Имеется только одно «но»: нет никаких доказательств того, что, пройдя подобный курс реабилитации, все 100% «излечатся», а терроризм и экстремизм будут полностью искоренены.

Справка

Пенитенциарная система Саудовской Аравии

В **116** пенитенциарных учреждениях по состоянию на февраль 2013 года содержалось **47 000** заключенных, в том числе: подсудимых – **58,7%**, женщин – **5,7%**, несовершеннолетних – **0,9%**, иностранцев – **72%**. Количество заключенных на 100 тысяч населения – **162** человека. Наполняемость тюрем, по официальным данным, в 2009 году составляла **178 %**. **Высшая мера наказания** – смертная казнь, которая производится публично. Саудовская Аравия входит в пятерку стран, в которых приводится в исполнение больше всего смертных приговоров. **Условия содержания** в тюрьмах варьируются от очень хороших до невыносимых.

В марте 2012 года было объявлено, что при каждой тюрьме откроются офисы, которые будут подыскивать работу освобождающимся за-

ключенным. Кроме того, в тюрьмах страны их станут готовить к освобождению путем обучения профессии. 30 сентября 2012 года, по сообщению властей, в результате амнистии, объявленной королем Абдаллой ибн-Абдель Азиз Аль-Саудом, из тюрем страны освобождены 8920 человек, включая иностранцев. 14 октября 2012 года Президент Национального общества прав человека (НОПЧ) д-р Муфлех Аль-Катани сообщил, что НОПЧ по согласованию с властями открыло свои приемные в пяти тюрьмах страны. 4 декабря 2012 года во всех тюрьмах страны, в которых содержатся женщины-заключенные, оборудованы специальные отделения для некурящих женщин. 8 декабря 2012 года объявлено о начале строительства четырех новых тюрем. 9 января 2013 года администрация тюрьмы города Эр-Рияд приступила к беспрецедентному для мусульманских стран проекту создания на территории тюрьмы отдельного здания, предназначенного для того, чтобы заключенные могли провести в нем от двух до трех дней вместе со своими семьями в условиях полной конфиденциальности. 22 января 2013 года в 8-м блоке старейшей тюрьмы страны – Хэйер, в которой содержатся политические заключенные, произошел бунт. Заключенные требовали улучшения условий содержания и справедливого суда. По данным СМИ, все они были жестоко избиты, многие брошены в карцер и лишены всякой связи с внешним миром. Правозащитные организации сообщают, что примерно 50 человек исчезли вообще, высказывается предположение, что они могли быть ликвидированы властями. 1 марта 2013 года 45 заключенных тюрьмы Малаз, расположенной в Эр-Рияде, в результате массовой драки 45 заключенных получили ранения различной степени тяжести. 25 тяжелораненых были доставлены в больницу, остальным двадцати медицинская помощь оказана на месте. 27 мая 2013 года министр внутренних дел принц Мухаммад бин Наиф приказал сформировать специальные группы по борьбе с наркоманией в тюрьмах королевства. Целью является усиление борьбы с наркотиками всех видов и типов в тюрьмах страны, с учетом защиты заключенных от этой смертельной привычки. Спецгруппы, формирование которых уже началось, будут проводить специальную проверку всех лиц, входящих на территорию пенитенциарных учреждений, в том числе и сотрудников.

Самое известное пенитенциарное учреждение – **исправительное учреждение с максимальной степенью безопасности Аль-Хаир** (Эр-Рияд) – крупнейшая тюрьма страны, расположенная на окраине саудовской столицы. Жизни здесь посвящена книга британца Уильяма Сэмпсона «Признание невинного: пытка и выживание в саудовской тюрьме». Сэмпсон был арестован в 2000 году с еще семью граждана-

ми западных стран по обвинению в теракте. В тюрьме после избивений, пыток и изнасилований Сэмпсон согласился публично признать свою вину по местному телевидению и был приговорен к смертной казни. Через 31 месяц заключения все 8 человек были обменены на находившихся в тюрьме Гуантанамо террористов из Саудовской Аравии. В 2003 году в Аль-Хаире случился крупнейший в истории страны пожар, стоивший жизни 94 заключенным.

Из доклада **Международной амнистии-2013**: «Как сообщалось, пытки и жестокое обращение с задержанными и приговоренными к смерти оставались обыденным явлением, носили повсеместный характер и в целом совершались безнаказанно. Поступала информация о таких видах пыток, как побои, подвешивание за конечности и лишение сна. Суды продолжали назначать телесные наказания за многие преступления в качестве основной или дополнительной меры наказания. Не менее пяти человек были приговорены к телесному наказанию (от 1000 до 2500 ударов плетью). Приговоры приводились в исполнение в тюрьмах. Суды продолжали выносить смертные приговоры за целый ряд преступлений, в том числе связанных с наркотиками. Насколько известно, несколько сотен осужденных находились в камерах смертников, причем многие на протяжении уже нескольких лет. Не менее 79 заключенных были казнены, в основном публично. В числе казненных было по меньшей мере 52 гражданина Саудовской Аравии и не менее 27 иностранных граждан, в том числе как минимум одна женщина. Некоторых осужденных казнили за ненасильственные преступления».

США: двадцать лет в ожидании казни

Прошло уже 20 лет, как Хэнк Скиннер переступил порог «коридора смерти» в Техасе. За эти двадцать лет, как он говорит, здесь «убили 400 человек». «Я постоянно чувствую смерть у себя за спиной» – так выразился этот осужденный в беседе с корреспондентом *Франс Пресс*.

Заключенный появляется и усаживается за толстой перегородкой из пуленепробиваемого стекла в комнате свиданий тюрьмы, которая называется Полански Юнит. Хэнк одет в белый комбинезон с надписью «DR», что означает «Death Row» – «коридор смерти». Он очень оживлен и рад встрече: часто улыбается и раскатисто смеется.

– Я люблю жизнь, я люблю устраивать праздники, мне нравится заниматься любовью, я люблю весело проводить время, я люблю смеяться и шутить, – рассказывает он в старомодную черную телефонную трубку. Фрэнк утверждает, что он невиновен в тех преступлениях, за которые его осудили.

51-летний Генри Скиннер, которого все зовут Хэнк, уже 20 лет находится в «коридоре смерти», куда попал 31 декабря 1993 года за убийство своей подруги и ее двоих сыновей. Кстати, в этом «коридоре смерти», в Техасе, в ближайшее время будет казнен пятисотый по счету заключенный.

Округлое лицо, седоватые волосы, личный номер 999-143 (первые три цифры – 999 – закреплены за теми, кто приговорен к смертной казни)... Пятнадцать лет назад Скиннера перевели из тюрьмы Эллис Юнит в Полански Юнит, тюрьму с максимальной степенью безопасности, которая находится в городе Ливингстон, в часе езды на север от Хьюстона.

В этом мощном бетонном комплексе, окруженном двумя рядами колючей проволоки, с 1998 года приводят в исполнение смертные приговоры. В этой тюрьме он встретил свою будущую жену – французку Сандрину Жорж. В эту активистку движения за отмену смертной казни, пришедшую просто проведать его в тюрьме, он влюбился «с первого взгляда». Он женился на ней по доверенности, выданной судом штата Мэриленд, и надеется однажды «обнять ее вживую», а не через стекло.

Эта особая свадьба и ожесточенная борьба, которую они вели, что-бы суд дал указание провести тесты на ДНК, сделали их знаменитыми.

– Я вовсе не хочу быть знаменитостью, но если бы я молчал, меня уже давно убили бы здесь, – говорит улыбаясь Хэнк Скиннер.

В связи с многочисленными протестами, которые прокатились по всей Франции в защиту Скиннера, а также благодаря рекомендации Верховного суда США техасские власти приняли все-таки решение провести экспертизу ДНК, на которой в течение нескольких лет настаивал заключенный.

Находясь в полной изоляции в камере, в которой имеется лишь небольшое окошко, через которое можно видеть небо, он узнал, что первая серия тестов показала, что на орудии преступления имеются следы его ДНК. Но вместе с тем тесты показали, что на нем есть и следы ДНК еще одного человека, личность которого до сих пор не установлена. Теперь он, исполненный надежд, ждет результатов следующей серии тестов.

Скиннер никогда не отрицал, что был на месте преступления, но он утверждает, что в тот день выпил «коктейль», состоящий из водки и лекарств, который погрузил его в такое состояние, в котором он никак не мог бы совершить тройное убийство.

– За двадцать лет моего пребывания в «коридоре смерти» здесь убили четыреста человек. Люди, которые приводят приговоры в исполнение, считают, что все казненные – монстры, но это не так, – говорит заключенный. – Это люди, которые совершили чудовищные ошибки, это так, но здесь они радикально изменились. – В этой тюрьме почти каждую неделю кого-то казнят, – добавляет он.

Самому Скиннеру повезло: его казнь приостанавливали дважды: в 2010 и в 2011 годах.

– Это как «русская рулетка». Поначалу вы довольны, потому что казнили не вас, затем после нескольких казней вы начинаете ожидать, что вот-вот дойдет и ваша очередь... Смертный приговор всегда в ваших мыслях, он всегда с вами, я постоянно ощущаю за своей спиной смерть, и это очень тяжелое чувство.

Он вспоминает, как 24 марта 2010 года, почти в последнюю минуту, его казнь была приостановлена. Тогда Верховный суд буквально за 45 минут до введения смертельной инъекции прислал соответствующее распоряжение – «дар небес».

Он до мельчайших подробностей помнит, как «смерть буквально следила за ним» через решетку камеры, в которой его должны были привязать к столу. В этой камере висит график приведения приговоров в исполнение, а перед окном, через которое свидетели наблюдают за процессом казни, установлен микрофон.

– Я жутко боялся, вся спина покрылась холодным потом...

Его вывели из «коридора смерти» и 40 минут в специальном автомобиле везли вдоль Ливингстонского озера «на другую планету, в неизвестность».

– Мне раньше не приходилось умирать, я не знаю, что это такое – умирать, но я знаю, что такое ожидание смерти, – говорит, грустно улыбаясь, Фрэнк Скиннер.

В этой тюрьме он съел свой последний ужин. Там же он придумал, что скажет на прощание: «Прежде чем остынет это тело, я возрожусь вновь».

И там же его адвокат сообщил ему о «чуде» – отсрочке казни.

– А я уже больше ничего не ожидал, я плыл по течению, а потом вдруг подумал: «Черт, а ведь меня уже привезли ко входу в ад!»

Гонконг: реабилитация молодых наркоманов

Гонконг – это государство в государстве. Формально он входит в состав Китая, но фактически ему предоставлена широчайшая автономия. В этом крупнейшем мегаполисе своя валюта, своя судебно-пра-

вовая система, своя Конституция. Гонконг, расположенный на Коулунском полуострове и более чем на 260 островах, является одним из ведущих финансовых центров не только Азии, но и всего мира.

Любое государство, даже с одним из самых высоких уровней жизни и довольно низким уровнем коррупции, как Гонконг, не свободно от наркотиков. И конечно же именно молодежь подвержена этой напасти. Как же отучают молодых людей от этой вредной привычки здесь, в этом огромном мегаполисе-государстве?

На небольшом островке Хи Линг Чау, расположенном в нескольких километрах от Гонконга, находятся сразу четыре пенитенциарных учреждения: Лай Сан – исправительный центр для несовершеннолетних, в котором проходят реабилитацию наркоманы, две тюрьмы с минимальным уровнем безопасности для мужчин и женщин и одна тюрьма со средним уровнем безопасности. Все это размещено на территории 1,9 кв. км. Не Алькатрас, конечно, хоть и на острове, но сбежать отсюда также практически невозможно: попробуй проплыви несколько десятков километров. А все средства передвижения – лодки и катера – находятся под жестким контролем.

В Лай Сане на сегодняшний день содержится 87 несовершеннолетних преступников-наркоманов. А вообще это учреждение рассчитано на 140 человек. Молодые люди находятся здесь от 2 до 12 месяцев, в зависимости от успехов в реабилитации.

В чем же состоит эта реабилитация? Все очень просто: учеба, работа, получение профессии, участие в спортивных соревнованиях и культурных мероприятиях, соблюдение режимных требований. Например, здесь ребят обучают парикмахерскому искусству и поварскому делу. Надо сказать, что в Гонконге это очень востребованные профессии. Есть здесь и своя пекарня, где молодые люди учатся выпекать вкусные булочки, которые затем распродают на различных благотворительных ярмарках или передаются в дома престарелых.

Живут ребята не в отдельных комнатах, а в общежитиях. В каждой из спален стоят 11 двухъярусных кроватей, которые необходимо заправлять определенным образом. Как именно, указывает висящая на стене большая схема.

Несовершеннолетние правонарушители-наркоманы занимаются улучшением окружающей среды. Под руководством опытных садовников и других специалистов они изготавливают компост, который затем продается в цветочные магазины мегаполиса. Проблем с реализацией нет – в Гонконге таких магазинов огромное количество, и они с удовольствием закупают производимый в Лай Сан продукт. Сырья для компоста хватает:

это пищевые и иные отходы, которые свозят сюда из всех четырех пени-тенциарных учреждений, расположенных на острове.

Обучают гонконгских мальчишек и навыкам садоводства. Они выращивают различные цветы и растения, которые затем либо высаживаются по всему острову, либо опять же закупаются магазинами. Участвуют они со своими выращенными цветами и в ежегодной цветочной шоу-ярмарке, устраиваемой для жителей города и многочисленных туристов.

Персонал этой молодежной тюрьмы отмечает, что работа в саду делает заключенных более спокойными и имеет важное значение для восстановления здоровья молодых наркоманов.

Еще одним компонентом реабилитационной программы является забота о животных, которая позволяет развивать у ребят чувство ответственности. Молодые заключенные ухаживают и заботятся о козах, черепахах, попугаях, кроликах, хамелеонах... Многие из этих животных были сюда переданы Пограничным агентством после конфискации, когда их пытались нелегально вывезти из страны.

И что немаловажно, в целях защиты окружающей среды здесь используется солнечная энергия как один из источников возобновляемой энергии. Эта технология применяется и в других гонконгских тюрьмах.

Департамент исправительных учреждений уделяет большое внимание социальной реабилитации заключенных, особенно из числа молодежи, реализуя различные программы. Одной из таких программ является очень популярное в Гонконге ТВ-шоу, которое называется «Дорога назад». Целью этого проекта является оказание помощи бывшим заключенным с тем, чтобы после отбытия наказания они могли легче вписаться в общество.

Но основная программа, которая реализуется в Лай Сан, называется «Зеленая гавань». Непосредственно воспитанников этого учреждения она как бы и не касается. Целью «Зеленой гавани» является профилактика наркомании.

Три раза в месяц в рамках этой программы на остров привозят молодых людей. Первое, что им показывают, это небольшой музей, в котором собраны различные поддельные лекарства, «наркоманская атрибутика», а также фотографии, графические изображения и небольшие фильмы, в которых рассказываются реальные истории о том, чем обычно заканчивается приверженность к этой пагубной страсти.

Затем экскурсанты встречаются непосредственно с отбывающими здесь наказание своими сверстниками, смотрят, чем они занимаются, как играют в баскетбол и футбол, работают в саду, учатся...

Правду говорят: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Некоторые посетители могут встретить здесь своих знакомых. Их цветущий вид, спортивная подготовка производят на бывших «друзей по наркоте» неизгладимое впечатление. Это и есть главное в этой программе – показать, как меняется человек после того, как перестает принимать наркотики.

Справка

Пенитенциарная система Гонконга

В 24 пенитенциарных учреждениях по состоянию на 1 января 2013 года содержалось **9297** заключенных, в том числе: подследственных – **16,8 %**, женщин – **19,1%**, несовершеннолетних – **3,4%**, иностранцев – **26,4%**. Количество заключенных на 100 тысяч населения – **130** человек. Наполняемость тюрем, по официальным данным, составляет **86,7%**.

Высшая мера наказания – смертная казнь. **Условия содержания** в тюрьмах варьируются от очень хороших до приемлемых.

Франция: «королей побегов» либо ловят, либо убивают

Всем нижеперечисленным заключенным средства массовой информации присваивали своеобразный титул – «король побегов», за совершение ими либо неоднократных, либо особо сенсационных побегов из мест заключения. А чем все заканчивалось?

Чаще всего эти авантюристы вновь оказываются в тюрьме. Почему? Потому что необходима не только удача, но и значительные деньги, а также простая человеческая поддержка. А их-то как раз и не хватает. Ну а кроме того, в настоящее время полиция применяет самые современные методы обнаружения и слежки, одновременно задействуя международные ресурсы.

Редуан Фаид. После своего третьего побега бандит Редуан Фаид пробыл на свободе всего шесть недель. Как и его предшественники – другие «короли побегов», – он кончил тем, что вновь очутился в тюремной камере.

В последний раз рецидивист Редуан Фаид сбежал 13 апреля 2013 года из следственного изолятора города Секедена. Спустя 46 дней он был арестован. Это был его третий – и самый короткий – побег.

Антонио Феррара. После побега в августе 1998 года из тюрьмы Флери-Мерожи этому бандиту удалось погулять на воле целых четыре года. Будучи пойман, он с помощью сообщников, взорвавших двери тюрьмы Френь, вновь сбежал в марте 2003 года. Четыре месяца спустя

Феррара, несмотря на сделанную пластическую операцию, был арестован.

Жан-Пьер Трейбе. Подозреваемый в двойном убийстве Жеральдины Жиро и Кати Лербьер, которое он совершил в своем загородном доме, Трейбе удалось сбежать из тюрьмы города Оксер 8 сентября 2009 года. Он спрятался среди картонных ящиков, которые на грузовике вывозили из тюрьмы. Трейбе ранее работал лесником, поэтому ему в течение нескольких недель удавалось скрываться от полиции в лесном массиве. Но 20 ноября он был-таки арестован. Тремя месяцами позже он повесился в тюрьме.

Мишель Вожур. Осужденный за ряд вооруженных грабежей, Вожур в мае 1986 года совершил сенсационный побег из парижской тюрьмы Сантэ на вертолете, которым управляла его жена. Спустя четыре месяца он был арестован во время очередного ограбления. В сентябре 2003 года был освобожден условно-досрочно.

Это был его третий побег. Ранее ему удавалось бежать в 1975 и в 1979 годах, но результат был все тот же: спустя некоторое время его ловили.

Паскаль Пэйе. В 2001 году сбежал на вертолете из тюрьмы города Люинья, департамент Буш-дю-Рон, в которой он ожидал суда по обвинению в убийстве инкассатора. На свободе Пэйе пробыл довольно долго, почти полтора года, но в мае 2003 года был арестован.

Жак Месрин. Свой третий побег 42-летний Месрин совершил 8 мая 1978 года, перемахнув вместе со своим приятелем Франсуа Бессом через стену тюрьмы Санте. Он скрывался в Париже и продолжал свою преступную деятельность: грабил казино и банки, совершил несколько покушений на убийство. В ноябре 1978 года ему едва удалось избежать ареста. Но год спустя, в ноябре 1979 года, его преступная карьера закончилась: он был убит полицейскими во время задержания в одном из районов Парижа.

В 1972 году Месрин совершил побег из канадской тюрьмы, где находился по обвинению в двойном убийстве. В 1973 году он бежал из Дворца юстиции в Компьене, взяв в заложники судью.

Альберт Спаджари. Являлся мозговым центром «ограбления века» в Ницце. В июле 1976 года Спаджари с сообщниками ограбили отделение банка «Сосьете женераль», унеся 26 миллионов евро. Находился в бегах 12 лет. В октябре 1976 года был арестован в Ницце. 10 марта 1977 года совершил побег из кабинета следователя, выпрыгнув в окно. На улице его поджидал сообщник на мотоцикле. В 1979 году был заоч-

но приговорен к пожизненному заключению. Полицейским так и не удалось его арестовать. В декабре 1990 года умер от рака горла.

Жан-Шарль Виллоке. Этот грабитель и налетчик по прозвищу Со-сисочник (он любил перекусить на бегу) в июле 1975 года, в Париже, угрожая судьям оружием, которое тайно передала ему жена, представившаяся адвокатом, сбежал прямо из зала судебного заседания. Виллоке являлся другом другого знаменитого «побегушника» – Жака Месрина. Был арестован в декабре того же года. Затем, освобожденный условно-досрочно, в декабре 1990 года был убит полицейскими, когда совершал очередное ограбление пожилой женщины.

США: город семи тюрем

Со своими семью тюрьмами, кладбищем для заключенных, своеобразными сувенирами, связанными с «коридором смерти» и конечно же камерой, в которой приводятся в исполнение смертные приговоры, город Хантсвилл, расположенный на юге штата Техас, полностью подчинен ритму, в котором живет и работает тюремная администрация. Как говорят сами жители, «тюрьмы здесь – это настоящая индустрия».

В этом милом городке, находящемся к северу от Хьюстона, заключенные, узнать которых можно по белым комбинезонам, под палящим солнцем ухаживают за зелеными насаждениями.

– Это те, кого мы называем «доверенные лица», – рассеянно объясняет опирающийся на свою маленькую машину тюремный охранник. – Они осуждены за незначительные преступления: угон автомобиля либо простое ограбление, без насилия.

Город Хантсвилл: 38 000 жителей, из которых 14 000 – заключенные, 6000 – тюремные охранники либо другие служащие тexasского Департамента юстиции. Становится понятно, почему уличные указатели ориентируют любого приезжего вовсе не к кварталам, где находится, например, могила знаменитого тexasского губернатора Сэма Хьюстона или где продается антиквариат, а к местам расположения пенитенциарных учреждений – Бирн Юнит, Вайн Юнит или, например, Холлидэй Юнит.

– Тюрьма здесь – это настоящая индустрия, – замечает Кэтрин Кэйз, директор неправительственной организации «Техасская служба помощи». – Просто невероятно, сколько здесь находится заключенных.

Только на зарплату тюремных служащих в месяц уходит 16,6 миллиона долларов.

Все крутится вокруг тюрем.

– У любого жителя Хантсвилла есть хотя бы один знакомый, работающий в пенитенциарной системе, – добавляет Глория Рубак, одна из первых сторонниц полной отмены смертной казни.

Заклученные сами шьют себе комбинезоны, униформу для охранников, изготавливают нагрудные знаки для государственных служащих штата или выращивают кур, которых затем и съедают.

– Если бы здесь не было пенитенциарных учреждений и университета с факультетом криминологии, то я не знаю, нужны ли были бы здесь светофоры, – смеется бывший комиссар пенитенциарной администрации Джим Уиллетт.

В городе и округе семь тюрем, а самая старая из-за высоких стен, сложенных из красного кирпича, называется Уоллс¹ Юнит. Ее внушительное здание находится в самом центре города, в двух кварталах от района оживленных ресторанов, полицейского участка и суда. В северо-восточном углу здания, увенчанного сторожевой вышкой, «как раз и расположена комната, в которой приводятся в исполнение приговоры к смертной казни», объясняет г-н Уиллетт, который за 30 лет своей службы 89 раз давал разрешение на казнь.

Под часами на фасаде, остановившимися на 3.00 утра, во время каждого приведения приговора в исполнение собираются сторонники отмены смертной казни. Они зажигают свечи и держат плакаты. Именно здесь они вновь соберутся 26 июня. На этот день назначена юбилейная, 500-я, казнь² с момента их возобновления после моратория в 1976 году.

Раньше приговоренные к смерти ожидали своей участи здесь же, но затем, поскольку места было мало, а приговоренных – много, их перевели сначала в тюрьму Эллис Юнит, находящуюся в северной части города, а затем, после побега, который был оттуда совершен в 1988 году, в тюрьму с максимальной степенью безопасности Полански Юнит, находящуюся в восточной части Хантсвилла.

За несколько часов до назначенного времени заключенного вывозят из «коридора смерти», представляющего собой мощный бетонный комплекс, в камерах которого имеются лишь маленькие окошки под самым потолком. Комплекс окружен двумя рядами высоких охранных

¹ Walls (англ.) – стены.

² 26 июня 2013 года в Хантсвилле была казнена 52-летняя афроамериканка Кимберли Маккарти. В 1997 году Маккарти во время кражи убила 71-летнюю женщину, которая была ее соседкой. Она также была обвинена еще в двух убийствах.

сооружений, по верху которых натянута колючая проволока. Осужденного везут по 50-километровой красивейшей дороге, обсаженной кедрами. Дорога вьется вокруг Ливингстоновского озера. Но точный маршрут по причине обеспечения безопасности никогда заранее не раскрывается.

После ухода на пенсию Джим Уиллетт взял на себя руководство тюремным музеем. Он значительно расширил экспозицию. Теперь музей является одной из главных достопримечательностей в Хантсвилле. Располагается он в северной части города, на въезде. Самые интересные экспозиции рассказывают о массовых беспорядках заключенных, о самых известных бандитах, таких как Бонни и Клайд, а также о заявлениях, которые осужденные делали перед казнью.

Как следует из таблички, висящей перед входом в музей, когда-то 5-летний мальчик по имени Джек, увидев электрический стул, радостно сказал: «Мне никогда не приходилось видеть такой прекрасный электрический стул».

С момента отказа от такого вида казни в 1965 году «Старый Спарки» (так прозвали электрический стул) царит здесь, в музее. Соответствующая надпись гласит, что с его помощью на тот свет был отправлен 361 заключенный. Рядом находятся различного вида устрашающие шприцы и ремни, напоминающие о том, что в настоящее время казнь в Техасе осуществляется с помощью только смертельной инъекции.

Здесь можно купить кружки и рубашки, такие же какие выдаются заключенным, находящимся в «коридоре смерти», брелоки для ключей, сделанные в виде наручников, мятные конфетки... Этот некоммерческий музей сочетает в себе черный юмор и экономические интересы осужденных, поделки которых здесь выставлены на продажу.

Неподалеку от музея находится «Гостеприимный дом» – благотворительная организация, основанная двумя баптистскими пасторами. Здесь тоже представлены работы заключенных, которые они делали для прибывших на казнь или на похороны родственников или, реже, в честь освобождения.

Дебра Маккэмон, хозяйка этого дома, считает, что родственникам тех, кого казнят, также нужна помощь, они не должны себя чувствовать «жертвами преступления». Именно здесь с ними беседует перед казнью тюремный священник, чтобы избежать «момента истерики или паники» во время экзекуции.

Турист, желающий открыть для себя «тюремный город», закончит свою экскурсию на кладбище, где похоронены постояльцы местных

тюрем. На зеленом холме, в тени сикомор, установлено более 3000 крестов из бетона. Здесь начиная с XIX века хоронят самых бедных заключенных. Часто на надгробии указан только идентификационный номер. А иногда и вообще всего лишь одно слово: «Казнен».

Тунис: иностранки в местной тюрьме

Француженки Полина Иллье и Маргарита Стерн и немка Жозефина Маркманн, вернувшиеся из Туниса во Францию, рассказали, каково им было в тунисской тюрьме.

Полина, Жозефина и Маргарита были задержаны 29 мая в столице Туниса во время топлесс-акции у Дворца правосудия. Активистки скандального движения проводили акцию в поддержку еще одной участницы *Femen* – Амины Тайлер, задержанной тунисскими властями за нанесение граффити на мечеть.

Во время пресс-конференции девушки уточнили, что свою вину в суде они признали исключительно для того, чтобы их быстрее освободили и они смогли бы продолжить свою борьбу. «*Femen* ни о чем не сожалеет», – заявили активистки движения.

Они вернулись во Францию, они живы и здоровы, но навсегда запомнят все, что им пришлось пережить. Сразу по прибытии в Париж активистки *Femen* собрали пресс-конференцию, на которой присутствовала и Инна Шевченко, приехавшая из Украины, одна из основательниц движения и его пресс-секретарь. В конференции также приняли участие известная журналистка Каролина Фурэ и кинорежиссер из Туниса Надиа Эль Фани, поддерживающие это скандальное движение. Каролина Фурэ и Надиа Эль Фани являются также соавторами документального фильма «Наша грудь – это наше оружие», посвященного *Femen*.

Жозефина сразу же расставила точки над «и». Их признание вины во время судебного заседания, рассматривавшего возможность их условно-досрочного освобождения, было сделано лишь потому, что посольство Франции в Тунисе – единственная официальная организация, с которой им позволили контактировать, – настоятельно рекомендовало сделать это. В противном случае никакого освобождения бы не было. «Вы должны знать, – заявила Жозефина, – что мы ежедневно подвергались психологическому и физическому давлению, которое постоянно возрастало. Судом первой инстанции мы были приговорены к четырем месяцам и одному дню лишения свободы, и мы были полностью отрезаны от внешнего мира. Мы боялись, – продолжила Жозефина, – что так и останемся в заключении и не сможем уча-

ствовать в акциях *Femen*. Но *Femen* никогда и ни о чем не сожалеет!» – заявила улыбаясь рыжая красавица. Кстати, свое 20-летие Жозефина отметила в тунисской тюрьме.

Затем слово взяла Полина и описала невыносимые условия, в которых они содержались в тюрьме. После ареста 29 мая, когда они, обнажив груди, выражали свою поддержку Амине Сбуи (которая сама называет себя Аминой Тайлер), первой тунисской активистке *Femen*, девушки были «избиты полицейскими, которые нас также оскорбляли», а затем «нас закрыли в темную комнату», откуда «на всей скорости повезли во Дворец юстиции». Там состоялась настоящая «сюрреалистическая» сцена, во время которой их опять «оскорбляли» и награждали «пинками». Возможно, это были разъяренные исламисты. Затем на них надели наручники, посадили в грузовик и отвезли в тюрьму, в которой содержались и мужчины, и женщины. На полу тюрьмы были видны пятна крови, а выданные одеяла все провоняли мочой. Там, «к счастью», они пробыли всего один день. «Нас предупредили, что здесь могут избить и изнасиловать», – поведала 26-летняя Полина. Опять же «к счастью», этого не случилось. Затем их перевели в тюрьму города Мануба, находящуюся близ столицы. «Там мы находились в более приличных условиях, – продолжила Полина, – хотя они были весьма далеки от тех, которые необходимы для соблюдения элементарных прав человека». Полина, брюнетка с длинными волосами, уточняет, что в тюрьме они подвергались «ежедневным унижениям», начиная от «каждодневного принудительного раздевания в присутствии мужчин-тюремщиков для проведения полных обысков, принудительного публичного изъятия из половых органов средств личной гигиены и заканчивая избиениями, ночевками на окровавленном полу, насильственными посещениями судов в парандже». Еду арестанткам «в ведрах швыряли на пол».

«Тяжело и стыдно говорить о том, что мы пережили, а ведь тунисские женщины-заключенные ежедневно подвергаются таким унижениям, и мы хотим, чтобы все об этом знали», – особо подчеркнула Полина. Она также рассказала, что посетить душ можно лишь раз в месяц. «Во время помывки нам приказали надеть трусики, потому что половые органы – это стыд. <...> Все остальное время мы вынуждены были мыться над дырой, которая служила туалетом. Вода там не сливалась, везде ползали тараканы, крысы, и я не знаю, что еще. Очевидно, такие условия во всех тюрьмах, и я не понимаю, как к этому можно привыкнуть». Рассказывая, она говорит все быстрее и быстрее, видно, что все эти пережитые унижения до сих пор мучают ее, хотя она хоте-

ла бы навсегда их забыть. Антисанитарные условия, естественно, провоцируют различные заболевания – анемию, инфекции, рвоту. «В таких условиях женщины находятся круглосуточно». Полина также утверждает, что наличествует и религиозная тирания. «Единственная разрешенная книга – Коран. Единственное разрешенное занятие для женщин-заключенных – религиозное обучение». А по телевизору показывают лишь молитвы...

22-летняя Маргарита тоже рассказала о своих ощущениях. Во время заключения они встретили около тридцати женщин, которые повели им, за что их посадили в тюрьму. Как узнали активистки *Femen*, «в Тунисе женщину могут посадить в тюрьму только за то, что она осмелилась обнять мужчину», не являющегося ее мужем, или за то, что она одета «примерно, как одета сегодня я», то есть в шорты и майку. «Рядом с нами были и несовершеннолетние девочки, попавшие в тюрьму за то, что их изнасиловали, – продолжила Маргарита. – На их половых органах были обнаружены следы спермы, откуда был сделан вывод, что они не являются девственницами, а это рассматривается как преступление». Маргарита делает жуткое заключение: «Если вы в Тунисе родились женщиной, у вас нет ни единого шанса». Коротко стриженная брюнетка Маргарита выглядит более взволнованной, чем ее коллеги по движению *Femen*. Она продолжает рассказывать, что ей пришлось пережить, но неожиданно останавливается, чтобы отдышаться: «Я просто не могу...» Затем она медленно вновь начинает говорить: «Мы там встретили много таких, как Амина», находящихся за решеткой за то, что осмелились протестовать и говорить о том, о чем движение *Femen* говорит во весь голос. «Это борьба, и мы не сдадимся и мы не сдадим Амину», – обещает Маргарита.

Несмотря на пережитое, эти женщины заявляют, что ни о чем не жалеют. «И если бы нам пришлось повторить то, что мы сделали, мы бы это повторили».

Франция: треть многократных рецидивистов моложе 16 лет

Национальный исследовательский центр изучения преступности изучил 1508 случаев возбуждения уголовного преследования в отношении лиц, совершивших в 2009–2010 годах в Париже и его пригородах пять и более преступлений.

В то время как министр юстиции Кристиана Тобира пытается избежать поистине флорентийскими способами любой полемики о том, что делать с многократными рецидивистами, обнародован шокирующий документ, подкрепленный цифрами, который свидетельствует, насколько

ко эта проблема является тревожной. Изучив 1508 случаев возбуждения уголовного преследования в отношении лиц, совершивших в период 2009–2010 годов в Париже и его пригородах пять и более преступлений, Национальный исследовательский центр изучения преступности и уголовного правосудия (НИЦИПУП) выяснил, что более половины (53,4%) совершающих преступления и уголовные проступки, на момент проведения исследования являлись несовершеннолетними. Криминологи обращают внимание на то, что более 32% из числа изученных в момент их задержания были в возрасте не более 15 лет. Еще больше настораживает тот факт, что в число изученных попали около 60 несовершеннолетних младше 13 лет, не подпадающих под уголовную ответственность в силу возраста. Оппозиция предлагает изменить постановление парламента от 2 февраля 1945 года, освобождающее лиц младше 13 лет от уголовной ответственности. Правда, она считает, что к этой категории несовершеннолетних самые суровые санкции не должны применяться. Нынешнее же положение, по ее мнению, вырабатывает у малолетних преступников чувство безнаказанности.

В целом многократные рецидивисты совершают в среднем 7,8 правонарушений (не считая нарушений правил дорожного движения) в течение двух лет. Для тех же, кто еще сомневается в феномене мультирецидивизма в среде несовершеннолетних, исследование четко показывает, что 17,9% «неоднократно привлекавшихся к ответственности» причастны не менее чем к десяти «делам» каждый. Зная, что из числа изученных 270 несовершеннолетних были причастны к 4139 фактам правонарушений, получается, что в среднем за два года на каждого такого подростка приходится 15 заведенных дел. Таким образом, он совершает преступление или правонарушение каждые 50 дней! Изучив 11 784 правонарушения, совершенных всеми рецидивистами, исследование уточняет, что в 63,3% случаев имело место «имущественное посягательство». Кроме краж, квалифицируемых как уголовный проступок, которые составляют пятую часть от всех совершенных мультирецидивистами правонарушений, фигурируют также «угон автотранспортного средства» (14,4%), «грабеж без применения оружия» (11,3%) и кражи со взломом (10%). Такова их «специализация».

Аналитики также отмечают, что «немотивированное насилие» составляет 11,6% от общего числа правонарушений, совершаемых рецидивистами. И вопреки распространенному мнению все виды мошенничества, включая финансовое, составляют лишь 3,2% от общего числа правонарушений. «Средняя распространенность тех или иных правонарушений сильно варьируется в зависимости от возраста, пола и

национальности», – отмечает руководитель исследования криминолог Кристоф Суллез, директор НИЦИПУП, обращая внимание на то, что, например, простые кражи среди девочек в возрасте до 16 лет, имеющих иностранное гражданство и привлеченных к ответственности, составляют 73%.

За этот вид правонарушений (кражи) в изученный период в Парижском регионе было привлечено к ответственности 242 человека, из которых 62,8% по национальности являются выходцами из Румынии или Балкан. Из них более половины являются жителями Восточной Европы. В исследовании также указывается, что физическое насилие, кражи и угрозы в основном совершаются представителями мужского пола (98,3%), французами (87,2%) или несовершеннолетними (65,5%).

Касаясь распределения по половому признаку, исследователи из НИЦИПУП подчеркивают, что «количество лиц женского пола в среде несовершеннолетних практически в два раза больше, чем среди взрослых правонарушителей-рецидивистов: в возрасте свыше 18 лет оно составляет 8,5%, или 60 женщин на 642 мужчины, и 16,2% среди несовершеннолетних, то есть 131 девочка на 675 мальчиков». Таким образом, в сфере преступности, как и в других областях законной деятельности, различие между полами постепенно исчезает.

США: казнь проходит тихо и просто

В общей сложности Чарльз Томас О'Райли за время работы в должности начальника отдела в тюрьме города Хантсвилл, где и находится камера, в которой приводятся в исполнение смертные приговоры, провел около 140 казней. Это больше, чем любой другой сотрудник тюрьмы в США.

Сегодня ему 62 года и он находится на пенсии. В отставку он вышел в 2010 году, приведя в исполнение последний приговор. Когда заключенного, во второй половине дня, привезли в Хантсвилл, О'Райли сказал ему: «Мы будем относиться к тебе с таким же уважением, с каким ты будешь относиться к нам». А затем, в 6 часов вечера, придя за ним в камеру, он сказал лишь одно слово: «Пора».

А имя самого первого казненного он не помнит. Но хорошо запомнил Фрэнсис Ньютон. Она была казнена в 2005 году и стала третьей казненной женщиной после отмены моратория. Заслуживала ли она смерти? Судите сами: Фрэнсис Ньютон была осуждена за убийство своего мужа и двоих малолетних детей.

Находясь в отставке, он размышляет о смертной казни и не понимает, почему так много шума вокруг очередного – пятисотого – ее исполнения с момента возобновления в 1982 году³.

Как проходит эта процедура? Пять тюремных офицеров привязывают заключенного к каталке, еще несколько человек готовят необходимые для казни препараты. Перед введением смертельной инъекции О'Райли всегда спрашивал у осужденного, желает ли тот что-то сказать на прощание. Обычно «последнее слово» укладывалось в три минуты, но если приговоренный говорил чуть дольше, ему не мешали. Хотя такое случалось редко. Затем, получив подтверждение от членов своей команды, что все готово, О'Райли приводил в действие устройство, подающее смертельный коктейль в кровь осужденного. Через несколько минут подходил врач, проверял пульс и объявлял заключенного умершим. Родственники осужденного и родственники жертв наблюдали за процессом казни через окно.

Ничего сложного в этом процессе нет, утверждает О'Райли, но «каждый член команды должен знать свою работу, знать, как и что делать и когда делать». Его главная задача состояла в том, чтобы подобрать профессионалов, на которых можно надеяться, знать, что они не подведут. О'Райли говорит, что ему удалось создать такую профессиональную команду. В нее он включает и тюремного капеллана, благодаря которому приговоренные к смерти чувствовали себя более спокойными.

Когда речь заходит о его личном отношении к смертной казни, голос О'Райли становится глуше и тверже. «Я имел дело с худшими преступниками из всех существующих, такими, например, как один осужденный, изнасиловавший, а затем убивший 7-летнюю девочку. Как я могу к нему относиться?»

«Мне кажется, этот человек получил справедливое наказание за то преступление, которое он совершил, – полагает О'Райли. – Ну а кто-то – я, например, или кто-то другой – должен взять на себя ответственность за приведение приговора в исполнение. Это был мой выбор».

Вопрос выбора перед ним не стоял никогда. Если бы были какие-то сомнения, размышляет О'Райли, то можно было бы отказаться уже после первой казни. В крайнем случае, после второй.

³ 26 июня в штате Техас приведен в исполнение 500-й приговор к смертной казни с момента отмены моратория в 1982 году. Казненной стала женщина – 52-летняя афроамериканка Кимберли Маккарти. В 1997 году Маккарти убила 71-летнюю женщину, которая была ее соседкой, во время кражи. Она также была обвинена еще в двух убийствах. Перед смертью Маккарти отказалась сделать какое-либо заявление.

Вокруг приведения приговора в исполнение, по словам О'Райли, всегда много шума. А сама казнь проходит тихо и просто. «Это не занимает много времени. Просто ты говоришь парню, что сейчас он заснет. Вот и все».

Европейский суд по правам человека: можно ли осужденным голосовать?

4 июля 2013 года Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) принял решение, согласно которому статья 32 Конституции РФ нарушает Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, также известную под неофициальным названием Европейская конвенция по правам человека. Что имеется в виду?

А то, что часть 3 статьи 32 Конституции России гласит, что «не имеют права избирать и быть избранными граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда».

Именно это положение обжаловали в ЕСПЧ двое российских граждан, содержащихся в местах лишения свободы. Причем оба они совершили особо тяжкие преступления – убийства, а вдобавок еще кражу, мошенничество и грабеж. Они-то и пожаловались, что, находясь в местах лишения свободы, не могли участвовать в парламентских выборах.

Европейский суд в своем решении отметил, что подавшие жалобу осужденные были лишены права голосовать «независимо от продолжительности срока наказания, характера или тяжести их преступления». При этом ЕСПЧ не предлагает России «готовых рецептов». По мнению суда, страна сама вправе «изучить все возможные пути для обеспечения соблюдения конвенции».

Свое решение ЕСПЧ принял единогласно. За него голосовал даже представитель России Дмитрий Дедов. Судьи предложили России установить пропорциональные критерии ограничения избирательных прав заключенных.

Для этого, по словам Дмитрия Дедова, необходимо внести незначительные поправки в Конституцию.

Вопрос с реализацией избирательного права в отношении заключенных везде решается по-разному. В Нидерландах, Польше, Дании, Японии, Швеции, Канаде и во многих других странах заключенные всех категорий этого права не лишены.

В Германии и во Франции в отдельных случаях специальным решением суд имеет право лишить того или иного заключенного избира-

тельного права. Но для этого должны быть веские основания: например, человек признан виновным в государственной измене.

Лишены права голоса не только на время пребывания в тюрьме, но и на несколько лет после выхода из нее граждане Финляндии и Новой Зеландии, признанные виновными в фальсификации выборов и коррупции.

Во всех штатах США, кроме Мэна и Вермонта, осужденным за тяжкие уголовные преступления запрещено голосовать на время отбывания срока наказания.

Серьезная ситуация сложилась в Великобритании, где большинство заключенных не имеют права участвовать в выборах. ЕСПЧ дважды принимал обязывающие страну решения исправить эту ситуацию и отменить многовековой закон, запрещающий заключенным участвовать в национальных выборах.

Тем не менее премьер-министр Дэвид Кэмерон заявил, что, несмотря на решение ЕСПЧ, он не намерен инициировать изменения в законодательстве, которые предоставили бы заключенным право участвовать в выборах.

Однако 23 октября 2012 года генеральный прокурор Доминик Грив выступил в парламентском комитете и заявил, что заключенным необходимо предоставить возможность участвовать в выборах, иначе Великобритания столкнется с целой серией исков, которые будут поданы в ЕСПЧ. На настоящий момент этот вопрос в Великобритании не решен.

США: вопрос об УДО решает компьютер

Комиссии по условно-досрочному освобождению⁴ заключенных завалены работой, и их функционирование требует от правительства все больше средств. Вот почему с 2011 года в ряде штатов администрация тюрем стала применять удивительный инструмент: алгоритмы, способствующие принятию решения.

Как бы удивительно это ни казалось, но ежегодно судьбы сотен заключенных находятся «в руках» сложного программного обеспечения, решающего, достоин ли тот или иной заключенный условно-досрочного освобождения.

Пятнадцать американских штатов начали регулярно использовать компьютеры для определения возможности применения УДО. При при-

⁴ В США решение об условно-досрочном освобождении принимают не суды, а специально созданные комиссии.

нятии решения машина берет в расчет от 50 до 100 различных факторов, проанализировав которые, компьютер выдает рекомендацию: стоит или нет освобождать конкретного осужденного.

Кажется, эта система действительно работает, так как количество заключенных в обследованных тюрьмах, где применяется эта методика, в 2011–2012 годах сократилось на 2 процента. Вроде бы незначительная цифра, но в масштабах 15 штатов она означает несколько тысяч человек. Удивительно то, что компьютер в количественном выражении «освобождает» не больше заключенных, чем комиссии, но принимаемые им решения более обоснованы и выверены, и в результате освобожденные им лица реже совершают повторные преступления (рецидив) и, соответственно, реже возвращаются в тюрьму.

Так, в 2011 году процент освобожденных с участием компьютера и совершивших рецидив равнялся 12, тогда как в 2006 году, в результате принятия решений людьми, этот процент был равен 15.

При принятии решения система автоматизированного выбора учитывает множество деталей, таких как возраст лица в период, когда его впервые арестовали, его уровень образования, а также целый ряд других факторов. При этом, в отличие от членов комиссий по УДО, компьютер остается эмоционально беспристрастным. Тем не менее, поскольку ни одна подобная система не может, безусловно, быть безошибочной, решения этой программы, получившей название «Компас», в 10–15 процентах случаев пересматриваются членами комиссий.

Использование подобных алгоритмов имеет несколько целей: освободить комиссии от части рутинной работы, сократить расходы тюремной администрации, произвести отбор подлежащих УДО заключенных с максимальной беспристрастностью и надежностью.

По данным ряда исследований, те, кто совершил серьезные преступления, такие как изнасилования или убийства, реже совершают рецидив, чем те, кто осужден за незначительные преступления. Однако данные работы комиссий показывают, что человеческий фактор играет большую роль и члены комиссий предпочитают освобождать условно-досрочно именно «незначительных преступников», то есть тех, кто совершит рецидив с большей долей вероятности.

Как это ни парадоксально, но компьютерная система, кажущаяся абсолютно беспристрастной, в ряде случаев может проявлять «расистские настроения». Действительно, алгоритмы учитывают не только возраст первого ареста заключенного, но и общее количество арестов, а также виды правонарушений. Но необходимо также учитывать, что сами по себе аресты не всегда обоснованны и лица с одним цветом кожи

арестовываются чаще, чем другие. Именно поэтому все принятые компьютером решения (к счастью!) подвергаются анализу людьми.

Греция: тюрьма для ВИПов

Грецию потрясают не только экономические неурядицы. Скандал разразился и в пенитенциарной системе. Как выяснили СМИ, осужденные банкиры, судовладельцы, экс-министры, крупные мошенники, то есть все те, кого называют «ВИПы», весьма приятно отбывают свои тюремные сроки в корпусе № 6 афинской тюрьмы Коридаллос.

В утомительную летнюю жару если и есть в Афинах какое-то местечко, где можно спрятаться от душающего зноя, это, без всякого сомнения, тюрьма Коридаллос, расположенная в южной части столицы. Здание тюрьмы, конечно, довольно обветшалое, но зато заключенные корпуса № 6 пользуются различными привилегиями. Здесь их называют «ВИП-заключенные». После падения в 1974 году режима «черных полковников» в этом корпусе содержатся бывшие функционеры, приговоренные к пожизненному заключению. Но несколько месяцев назад «ВИП-камеры» стали заполняться лицами, осужденными или преследуемыми за уклонение от уплаты налогов. Все эти «уклонисты» – птицы высокого полета: бизнесмены, банкиры, судовладельцы, политики, известные дизайнеры, – и все они спокойно коротают здесь дни в ожидании выхода на свободу.

Днем они находятся в специально изолированном от других заключенных дворе. Все эти ВИПы читают, в том числе на иностранных языках, различные газеты, книги, иллюстрированные журналы, играют в греческую национальную игру – триктрак, ведут между собой неспешные дискуссии. Обретя на свободе привычку к хорошей кухне, они и здесь заказывают различные шикарные блюда, поставляемые им из ресторанов. А совсем недавно в глубине двора для них был построен небольшой бассейн. Правда, после того как это стало известно прессе и разразился скандал, бассейн быстро засыпали.

– Вот уже тридцать один год как я работаю в тюрьмах, а подобное вижу впервые. Это просто пятизвездочный отель! Слава богу, через несколько дней я выхожу на пенсию, – возмущенно говорит Антонис Аравантинос, являющийся активистом профсоюза тюремных работников. – Можете себе представить, – продолжает он, – все эти магнаты требуют приносить им копченого лосося и вообще проводят время в свое удовольствие, тогда как остальные заключенные находятся в переполненных камерах.

В других корпусах этого тюремного учреждения все совершенно по-другому. Камеры не такие большие, как у ВИПов, и, понятное дело, в них очень шумно. В среднем в камере площадью 30 кв. м находится шесть человек. Тюрьма Коридаллос рассчитана на 8500 заключенных, но в настоящее время здесь находится 12 500 человек. Атмосфера, царящая за мощными металлическими дверьми в камерах обычных корпусов, далека от «гламурности», присущей корпусу № 6.

В одной из камер «ВИП-корпуса» располагается Виктор Рестис, последний из прибывших сюда знаменитостей. Это крупный судовладелец и известный банкир, которому предъявлены обвинения в хищении и отмывании средств на общую сумму 5,8 млн евро. Пока он находится в предварительном заключении и занимает камеру рядом со знаменитым греческим модельером Лакисом Гаваласом. Модельер также находится в тюрьме за уклонение от уплаты налогов на сумму полтора миллиона евро и спокойно ожидает своего освобождения, загорая и занимаясь спортом. После обеда Гавалос, как правило, усаживается вместе с охранниками у телевизора, смотрит с ними различные ток-шоу и рассказывает о частной жизни различных известных персон.

В двух шагах от Рестиса располагается Костас Гайникос – бывший владелец частного телевизионного канала, также обвиняемый в отмывании средств. Он коротает время, читая книги и иллюстрированные журналы. В его распоряжении находится не только камера, но и небольшая комната, в которой есть шкаф, стол и три стула. Вообще-то эта комната предназначена для встреч с адвокатами...

В этом же «ВИП-корпусе» находится и Акис Цозопулос, бывший министр обороны. У него тоже неплохая камера, с телевизором и вентилятором. Он предпочитает не общаться с остальными ВИПами и много времени проводит со своим адвокатом, отстаивая линию защиты. Теперь он, как и все остальные «ВИП-зэки», опасается, что его покой вскорости будет нарушен.

Греческое правительство под постоянным давлением общественности действительно активизировало усилия в борьбе с уклонением от уплаты налогов, из-за которого казна недополучает около 30 млрд евро ежегодно. В результате этой борьбы в настоящее время в поле зрения прокуратуры оказалось около 2000 человек, и все они подозреваются в налоговых преступлениях. При таких темпах «ВИП-корпус» тюрьмы Коридаллос, о котором так много пишет греческая пресса, скоро будет забит под завязку.

Справка

Тюрьма Коридаллос

Коридаллос – крупнейшая тюрьма Греции, расположена в южном пригороде столицы страны – города Афины. Это тюрьма с высоким уровнем безопасности (строгого режима) была построена в 70-х годах XX столетия. В связи с тяжелыми условиями содержания тюрьма имеет плохую репутацию в Европе. Здесь содержатся как мужчины, так и женщины. В мае 2010 года 372 женщины-заключенные были переведены в новую женскую тюрьму, расположенную в населенном пункте Элеонас, область Фивы.

На территории тюрьмы имеются 4 корпуса (А, В, С, D), в каждом из которых по 120 камер на трех этажах. Здесь находятся в предварительном заключении или отбывают свой срок осужденные разных национальностей: греки, албанцы, румыны, югославы, понтийские греки, бывают и русские. Из тюрьмы было совершено несколько дерзких побегов, в том числе с использованием вертолета.

Самые известные заключенные тюрьмы Коридаллос: террористы «Революционной организации "17 ноября"», ответственной за 103 теракта, унесшие жизни 23 человек и бывшие правители эпохи «черных полковников». С 21 августа по 15 октября 2003 года в тюрьме находился бизнесмен Владимир Гусинский, задержанный по запросу России.

Составил и перевел Юрий Александров

Максим Громов

Судовые (Один день)

Посвящается моей жене Виктории и нашему сыну Мишке

Ни свет ни заря

Был конец марта или самое начало апреля. Я проснулся пораньше, часов в шесть, чтобы умыться, позавтракать и привести себя в порядок. Вчера в половине одиннадцатого ночи нас троих «заказали» на суд. Нас – это меня с подельником Олегом Беспаловым, с которым после приговора мы попали в одну камеру, где и семейничали. И Бориса Француза, у него так же началась «касачка» по «делюге».

Борис

Он сидел за угон. Узнав, что мы с Олегом нацболы, сразу подошел знакомиться. Оказалось, что в начале 90-х он жил в Париже. Уехал с первой волной вольных эмигрантов «за хорошей жизнью», из кризисной России, на «благополучный Запад».

Там случайно сдружился с людьми, хорошо знавшими Лимонова. Лично с ним знаком не был, поскольку эмигрировал уже после возвращения первого в Россию. Однако знал многих из тех, кто дружил с Лимоновым и его женой. Называл фамилии, которые мне ни о чем, разумеется, не говорили. Об Эдуарде был хорошего мнения, так как все, кто знал и говорил о Лимонове хорошо, были сами приличными, по его мнению, людьми – они научили Бориса, как найти подработку, дешевое жилье, показали, где можно купить дешевую еду и алкоголь, что было поначалу важно: разочарования и стресс сводили с ума, и алкоголь немного уравнивал. Только нельзя увлекаться, говорил Борис. И объяснили многое, до чего доходить самому ему пришлось бы лишние год-полтора.

Борис был молчаливый брюнет. Невеселые глаза, тронутые тоскливой печатью сидельца (ходка у него была здесь не первая, к тому же и во Франции он успел за что-то отсидеть некоторое время). Но в глазах сохранялось что-то врожденно интеллигентное. Своим печальным взглядом и лицом Борис напоминал Джереми Айронса. Не мой любимый актер, но это сходство дополняет портрет и делает его четче.

Не болтун, однако умеющий поддержать разговор. Со здоровым, ненавязчивым чувством юмора.

А так, по сути, идеальный сокамерник. Таким обычно ничего не надо долго разьяснять, и они ничем не напрягают арестантов. Борис легко включался в общую «движку»: плел «коней», заменял ребят на «шнифтах». Делал все ненавязчиво и не напоказ. В общем, балластом в хате не желал быть.

И циником он не был. Он никогда ни над кем не насмехался, всех воспринимал одинаково серьезно, никогда не отталкивал от себя сокамерников, добродушно общался и делился, чем мог, с любым, независимо от статуса или положения. Одним словом – хорошие манеры.

О том, чего хотят нацболы, он знал по нашим акциям, потому что, видимо по инерции, следил за Лимоновым. Как мы идем к власти, он тоже понимал. По-европейски: творим себе известность, нормальная практика. На Западе многие из тех, кто сейчас сидит в парламентах, делали именно так. Об истинном отношении его к нам я узнал случайно...

Однажды, подойдя к *дубку* сделать себе чай, я оказался невольным свидетелем его разговора с одним любопытствующим эзком. Борис сидел ко мне спиной и не мог видеть меня. В этот момент он заканчивал почти энциклопедическую по форме фразу:

«...Не желание, а требование справедливости отличает гражданина от равнодушного *идиота*, вот и эти парни не скулят и не стонут в пивняках и у подъездов, а с шумом шатают режим, не выходя за рамки приличия». Сказал он все это негромко и, на удивление, вот именно таким энциклопедичным, хоть и популярным, языком, типичным скорее не для тюрьмы, а для какого-нибудь справочника. Помню, тогда ухо мне резанул термин «идиот», потому что с легкой подачи Достоевского, слово ассоциировалось с князем Львом Мышкиным. Но позже я узнал, что «идиотами» называли в Древней Греции равнодушных граждан, не участвовавших в политической жизни города.

Блатные к нему относились хорошо, никогда не грубили, не наезжали и не «кусали», как бывало, других арестантов, общались дружелюбно, намного чаще других приглашали его к себе чифирить. Почему так было – я не знаю. Возможно, за него «пробили» по тюремному радио и

получили положительную характеристику. Может, он был не так прост, как казался. В этом отношении я его так и не понял, да и не важно.

Так, изредка общаясь и наблюдая друг за другом, мы, приятно содействуя, просидели несколько месяцев. Делили быт, плели «коней», стояли на шнифтах. А на прогулках он мне всегда помогал вытряхивать из одеяла пыль.

Теперь он стал нашим невольным попутчиком на судовую поездку из камеры.

Сборка

Примерно в начале восьмого нас троих отконвоировали и втолкнули на «сборку», где уже сидело несколько человек, таких же, как мы, «судовых». «Сборка» собой представляла достаточно большую камеру, только без шконок и *дубка*. При входе справа был санузел – открытая параша и умывальник, за ним голая стена, метров пять. Далее, с угла, вдоль трех стен, стояли лавки. Под потолком, напротив двери, пара окон.

Мы втроем: Олег, Борис и я присели на пока еще свободные места.

По «сборке» бродили сонные, с покрасневшими после ночной «движухи» глазами ээки. Они курили и тихонечко переговаривались. Щипачи разминали пальцы на хлебных шариках и разных четках, ловко их перебирая. Заметно было, что это не молодые понторезы, недавно заехавшие с воли или с малолетки, которые крутили всегда четки больше демонстративно, пытаясь сделать угрожающий вид и периодически сплевывая. У этих четки летали, как бабочки, в руках, порхая с большого пальца на мизинец и обратно.

Недалеко штопал рукав куртки молодой паренек, явно первоход. Старые ээки, заметив это, хором захрипели и зашипели на него: «Ну, куда ты? На дорогу не шьют! Тем более здесь, в тюрьме». Парень, явно испугавшись, тихонечко оторвал нитку, спрятал иголку и замер в одном положении, в котором и просидел, кажется, до тех пор, пока его не выдернули со «сборки». А ээки удовлетворенно, скрывая ухмылки, поворотили носы обратно к своим собеседникам, приговаривая, что, мол, молодой и глупый...

Заключенные, с десятков человек, ходили вдоль полупустой камеры-«сборки» туда-сюда. Кто – тихо общаясь, парами, кто – сам с собой, как говорится, в одиночку...Невольно вспомнилась песня Шевчука:

«Надо же, – подумал я, – какие точные слова, каждая строчка – про нас». Выстроенные в ряд камерными дверьми, выходим мы, почти каждый раз с новыми товарищами, на старейшие дороги Москвы. Им уже четверть тысячелетия, по ним еще Емельян Пугачев в кандалах хаживал.

*Не печалься Машенька, мы еще живые,
Хоть уже безглазые, хладные, немые...
Строями, да парами, хором в одиночку,
За камнями – нарами, павшие в расщочку..*

И все мы здесь, мертвенно-бледные, полуслепые, сжатые решетками, в едва освещенных, промерзлых камерных ячейках этого саркофага, хриплые, утонувшие в каменных нарах, где далеко не каждому есть свои могильные два квадрата. Изъедаемые каменными червями – вшами и клопами – даже не лежим, а действительно сидим в раскорячку, и догниваем. Вот она, могила, о которой говорят: «Семь бед – один ответ». Братская могила, где убийц и грабителей едва ли наберется одна десятая. А так, все работяги, «от сохи на время», погребенные заживо, обреченные коротать время до страшного суда.

Уверен, после смерти так же, в холодном, каменном ожидании, коротают грешники свое время, пока за ними не придут. Ждут три дня, потом девять дней, сорок... Полгода... год...

Потом перестают ждать и начинают коротать в этом могильнике годы, смирившись со смертью.

Редко на ком смерть не оставляет здесь своего отпечатка. Мало кто сохраняет здесь жизнелюбие и здоровый румянец.

А ничего не подозревающие о моих размышлениях бутырские «мертвецы» все больше заполняли своими телами «сборку». Становилось теснее, хотя многие по-прежнему ходили взад-вперед. Все находящиеся здесь мечтали ожить сегодня на суде и так вот запросто оказаться вновь среди живых. Кто-то с серьезным лицом листал судебные бумаги, кто-то читал, кто-то скручивал самокрутку. Все шевелились как в муравейнике. И только тот самый первоход, которого оборвали со штопкой, сидел неподвижно, глядя в ту же точку, что и час назад.

Олег и Борис молчали, думая каждый о чем-то своем.

Этакие «утренние будни» тюремной, арестантской жизни.

Меня с Олегом выдернули со «сборки» и повели к воротам, возле которых стояли два неуклюжих, похожих на катафалки, автозака. Возле одного из них уже обыскивали наших поделльников, двух Анатолиев – Глобу-Михайленко и Коршунского. Мы разулыбались друг другу.

Мосгорсуд

Гигантское, вечно голодное до человеческих душ здание Московского городского суда, с массой отштукатуренных и побеленных камер с высокими, но короткими деревянными топчанами в подвале. С мягкими креслами для судей и присяжных во всех залах на этажах. Оно молча всосало нас низом своего квадратного брюха через распахнутые черные створки ворот.

Автозак, покачиваясь, сползая вниз под откос, вполз сквозь их проем, прямо в подвальное помещение. С гулким скрежетом затворились ворота. Выгрузив, нас повели по кишкам подвальных катакомб, в подвальный карман с камерами. Большой и широкий коридор скорее напоминал залу с невысоким, от пола не более трех метров, потолком. Но от внушительной ширины потолок казался слишком низким. Будто людей сюда собирались загонять массово, чтобы можно было легко развернуться с автоматом.

Не слышно разговоров, какого-то кашля, чиханий или запаха курева. Не знаю, может, там есть еще какой-то аналогичный огромный коридор, но нас поместили в этот, с полусотней пустых камер. У выхода из зала и, кажется, в противоположном конце кто-то слегка гулко и тускло разговаривал, хотя это могла быть караулка. А так тишина, никаких резких и громких звуков. Нас семерых раскидали по камерам.

Камера

Камера была длинная, метров десять, и шириной метра три, с потолком, кажущимся выше обычного. В конце помещения, как и во многих «временных» камерах, был небольшой топчан. Высокий, так что ноги едва касались земли, и площадью метра полтора на полтора, чтобы лечь на нем могли не более двух-трех человек, и то ноги бы свисали вниз. Санузла там не было.

Масштабы камер и их количество создавало ощущение, что государство готовится к массовым посадкам. Этакая «работа в перспективе». Особенно навевали это ощущение пустота и тишина, отсутствие запаха дыма и вообще людей, такая временная не востребованность всего этого монументализма.

Суд

Проходил суд в большом зале, раза в четыре больше Тверского. Все места были заняты, кроме кресел присяжных. Из стеклянного колпака было видно, как за двери грубо выталкивают судебные приставы ребят, кому не хватило мест.

Быстро выступила прокурорша, так же быстро выступили адвокаты. Суд прошел без разбирательства: мне, Олегу и Кириллу Кленову срезали два года. Остальным ? по два с половиной.

Здесь, конечно, я сглупил: не нужно было доверять адвокатам такое серьезное дело, как собственную защиту. Адвокаты, видимо, не желали перенапрягаться. Если это еще было объяснимо на первом процессе, где все было за всех решено давно, то на касачке это уже выглядело очень неприлично. Вели себя хуже казенных.

Никто из них не обратил внимания суда на подлоги в приговоре. На оправдательные показания всех, кроме двух последних, омонцовцев, чьи показания были настолько путаны, что пришлось зачитать то, что они наговорили на предварительном следствии. Они и вошли в приговор, но уже от лица всех омонцовцев. Никто из адвокатов не указал на показания работниц Минздрава, которые только оправдывали нас. Адвокаты опустили противоречия, данные обвинительной стороной, и упорно указывали на второстепенные вещи вроде тех, что Сережа Ежов в Рязани обустроивал двор, а я когда-то принимал участие в строительстве театра. В 1987 году! Еще бы сбор металлолома вспомнили и что я на горне играл на линейках в школах.

Интервью адвокаты давали с упором на то, что вина наша не соответствует приговору. Хотя вины просто не было...

В конце разбирательства речи всех вместе адвокатов не заняли и пяти минут.

В итоге Мосгорсуд срезал нам таки прилично. Но, думаю, это скорее из-за обстоятельств, не зависящих от адвокатов.

Дело в том, что сразу после первого приговора на выходе из зала суда гособвинитель Циркун сильно накричал на матерей моих подельников, встретившись с ними во дворе суда, куда он традиционно и демонстративно выходил после подобных процессов, это сняли журналисты центральных телеканалов и сразу пустили все в эфир. Впоследствии он, давая интервью «Московским новостям», сказал, почти дословно, что давать за захват Минздрава пять лет – это абсурд... До этого, во время «дружеской» беседы с журналистом газеты «Коммерсантъ» Олегом Кашиным, он сказал: «Конечно, если бы был в их действиях состав преступления... а так неприятно немного работать». Все это публиковалось в газетах и показывалось по центральным телеканалам (НТВ, ТВЦ, канал «Московия») в то, относительно свободное, время.

Но Бог им всем судья. Это был мой путь, моя судьба. Ведь цель, которую я для себя ставил, была не оказаться на воле, а доказать мон-

струозность государства, что я и сделал. Резонанс от процесса был достаточно шумным. Циркун его усилил и укрепил.

Переварив, это чрево, с колоннадой на крыше в виде короны, быстро вытолкало нас из зала суда по кишкам и катакомбам коридоров обратно в камеру, а затем в автозак.

Когда мы выехали из подвальных ворот, слышно было, что кто-то из нацболов что-то кричал нам, провожая в «последний путь». Больше, до самого освобождения, мы их не услышим. А некоторых не услышим никогда. Кого-то впоследствии посадят и их сломают тюрьма, кого-то сломают жизнь, кого-то просто убьют. Но все же кто-то останется и встретит меня, в аэропорту спустя два с половиной года. Я тогда не смог даже к ним всем подойти, не осмелился и уехал, оставив пить приготовленное шампанское им самим...

Но расстояние между тем временем и сегодняшним днем равно вечности...

Salut!

Опять к нам в машину попал Борис и примостился напротив. Мы с ним немного поговорили, обменялись новостями. Из «норы» водителя, где был магнитофон, доносилась известная мне с детства французская песня. Это был Джо Дассен.

Salut, c'est encore moi.

Salut, comment tu vas?

Le temps m'a paru tres long.

Loin de la maison j'ai pense a toi.

– О чем эта песня? – спросил я его.

– Старая песня. Ни о чем? – сказал Борис. – Salut, привет, я приехал. Все нормально, меня долго не было, соскучился? и налей кофе... Так, ни о чем, у них все песни ни о чем, такие бессмысленные. Слушаешь в ожидании, вроде серьезная песня, а там так, бытовуха одна. Приехал – уехал, вернулся – не вернулся. Небогато.

Я сидел рядом с решеткой, почти напротив конвойного. Отсюда мне было видно окно в двери автозака. Сквозь промерзшее стекло видны были проплывавшие на фоне домов перекрестки, голые деревья, серые тела фонарных столбов. А Джо Дассен продолжал:

Je ne suis qu'un souvenir.

Peut-etre pas trop mauvais,

*Mais jamais plus je ne te dirai
Salut, c'est encore moi...*

По судам постепенно набрали девчонок, которых запрещено было сажать в один «конверт» с заключенными мужчинами, и их сажали прямо рядом с конвойным на «автобусный» диванчик, напротив наших «конвертных» решеток.

Молодые, нарядные и накрашенные, для них выезд был как первый в жизни поход на дискотеку или вечеринку. Находясь в камерах месяцами безвылазно, на суд они едут всегда как на праздник. Они обязаны были выглядеть ухоженными и красивыми.

Девушки, готовые с ходу кинуться к нам в объятия, сразу заговорили с нами через решетку. Смех и радость звенели в их голосах, они увлеченно флиртовали.

Конвойный неумело прервал только-только завязавшийся разговор между женщинами и мужчинами, ляпнув что-то про устав конвойной службы.

Прожженные и циничные, девочки, смеясь и поглядывая на нас, стали общаться друг с другом, явно пытаясь нам понравиться. Я сидел у решетки, можно сказать, на расстоянии вытянутой руки, и мне проще было наблюдать за ними.

Переговариваться с нами по закону было действительно нельзя, но девушки тут же заставили раскаяться конвойного за свой окрик. Они быстро раскусили его и избрали жертвой, сержант скособочился, вцепившись в автомат. Он явно волновался и пытался не реагировать. Но настойчивые девушки развязали его.

– Ой! Какой молоденький! А сколько вам лет? А симпатичный какой! Молодой человек, а вы женатый? А дайте свой телефон, я завтра в зале суда выйду, сходим куда-нибудь, погуляем по Москве. Я к вам в гости приду. Нельзя? Тогда придется ко мне. Ничего не поделаешь. Правда, у меня с ареста не убрano...

Шутя, заигрывали они с конвойным, явно издеваясь, вгоняя его в краску. Потом в машину загрузили молоденькую мамашу с ребенком и еще несколько девушек, и началось все по новой.

– Ой, новый мальчик! – начала одна.

– Недавно работает, наверное. Молодой! – продолжила другая.

– Наверное, не женатый.

– Да, нет кольца!!! Ой, а глаза-то какие, я бы на воле такого встретила, сразу влюбилась, – подхватывала третья. – А здесь сейчас просто помру!

– Девицы, как же мы сегодня спать-то будем, это ж специальная провокация против нас – чистухи ждут!

– Нет, не дождутся!

– Ага, пусть ждут, мы стойко перенесем сержантовы глаза. Смотрите, смотрите на нас, нам теперь все нипочем. После вашего мужественного взгляда можно теперь и помереть спокойно...

– Ой! Иииииии! – послышался визг. – Я потрогала у него сейчас бицепс! Какие мышцы! Сквозь фуфайку прямо чувствую. Какая силища! Мне уже дурно...

– Ну все, теперь ты обязан на мне жениться!

И так, передавая его с рук на руки, они хихикали без умолку часа три, лукаво поглядывая на тоскливые, озверелые, но слегка ухмыляющиеся глаза, сверлящие их сквозь решетку из нашей клетки. Пока по судам собирали всех «судовых», передавали они конвойного с рук на руки. Другие, немного переговариваясь с нами через решетку, незаметно передавали малявы со своего шестого централа. А совсем обмякший конвойный ошалело смотрел на это все и уже помалкивал, вяло и неуверенно отмахиваясь от комплиментов окруживших его арестанток.

Девчонки

Девчонки все были на удивление красивые, улыбающиеся, кто со слегка лукавыми «лисийими» глазками или просто огромными, как у ребенка. Только штукатурка немного портила их. Пытаясь отбросить эмоции, я смотрел на них больше как художник, пытаюсь даже найти изъян, чтобы спокойнее смотреть. Красивый ровный нос, у этой – с горбинкой... Но вдруг пряди светлых кудрей легким жестом откинулись в сторону, и блестящие сквозь полумрак маслинами глаза парализовали и, пригвоздив меня к лавке, стали душить и путать мысли, сердце билось о глотку, с каждым ударом, казалось, сползая со скрежетом вниз. Во рту все пересохло. А она смотрела и смотрела уже не столько в глаза, сколько внутрь. И уже через горло рассматривала замершее и съжившееся сердце, наполняя через него чем-то живительно-горячим грудь. Сердце, загнанное в угол, через раз кидалось на этот взгляд, как загнанный охотниками волк. Кидалось и опять бессильно сползало по высохшей глотке.

И вдруг я понял, что сейчас переполнен счастьем. Настоящим, томительным и чистым чувством, которого, наверное, не было со школы.

Что со мной, это сон или явь? Бодрствовал ли я все эти годы со школы или спал и только сейчас проснулся?.. Тут она отвела глаза, от

которых спустя годы ощущается ком в горле, и наши с ней «гляделки» кончились. Через несколько минут меня стало отпускать. Эта девушка еще иногда посматривала на меня украдкой. Я хоть и оправился от шока, но чувствовал неловкость, что я с такой крокодилей, жуткой, бритой рожей. Урод, что она подумает... и где мои семнадцать лет?!

Ну, накатило, думаю, а всего восемь месяцев женщин так близко не видел.

– Что-то ты побледнел, Макс, живых девочек увидал? Ну, все, жди поллюции ночью, – заулыбался Борис. – Я специально на эту сторону сажусь, чтобы жить и спать спокойно. Лишний нервяк себе не прививать. Здесь и так все хорошо слышно, а лишнего не видно.

Я окончательно пришел в себя. А представление меж тем продолжалось. Все девочки были остры на язык, могли легко на улице развести молодого и неопытного парня на что угодно. Чем, видимо, и жили на воле.

Так они и ехали, кто понаглее – усевшись на коленки к сержантику, кто – так, рядом на диванчике. Девчонка в голубом платочке с какими-то птичками села кормить своего малыша. Другие стали расспрашивать что-то. Мол, как, тяжело ли? Говорит, наоборот, стало легче. В детской питание и всякое такое. Родила через три месяца, как закрыли, теперь гораздо проще стало...

Все это напоминало табор, десять нарядных девочек, сидящих друг на друге, одна из которых молодая мамаша, в голубом платочке и с младенчиком на руках. С краю, ближе к «стаканам», – одна немолодая, худая, ни разу не улыбнувшаяся зэчка, смотревшая серьезными пронзительными глазами, готовая испепелить любого, кто даже просто взглянет. Заметно, что бывалая сиделица, скорее всего воровка. И окруженный девицами, в самом центре, вцепившийся в автомат, в ушанке, мордатый, с какими-то *скупченными* и вытараченными глазами, конвойный с сигареткой в зубах.

Я подумал, что папироса бы ему пошла сейчас больше.

Судя по окошку, на улице стемнело, и там зажглись проплывающие мимо фонари, подсвечивая падающий снег. Все стало немного стихать. Сержанта особо уже не донимали, только изредка, чтобы не расслаблялся. Все стали говорить тише. Вдруг одна девчушка, сидящая ближе к дверному окошку, заговорила громче других:

*Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет...
(Пауза.)*

Другая девочка, сидевшая рядом тут же подхватила:

Живи еще хоть четверть века,

Следующую строчку они прочли вдвоем:

Все будет так, исхода нет.

И тут третья слегка отрепетированным, немного властным и твердым сценическим голосом дочитала:

*Умрешь, начнется жизнь сначала,
И повторится все как встарь...*

Последние строчки, слегка ликующими голосами они дочитали втроем:

*Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь...*

Тишина водрузилась на мгновение... И через секунду все девчонки заливисто, хором засмеялись. Зэки сдержанно улыбались в сумраке нашего темного «кармана».

Это была популярная тогда реклама, которую еще крутили по всем каналам. Меня помню, очень впечатлили в подобной рекламе стихи Мандельштама:

*Сусальным золотом горят
В лесах рождественские елки;
В кустах игрушечные волки
Глазами страшными глядят.
О вещь моя печаль,
О тихая моя свобода
И неживого небосвода
Всегда смеющийся хрусталь!*

Чеканил, помню, с экрана эти строки хриловатый голос Машкова. Сейчас интеллектуальной рекламы нет больше. Не слышно с экранов Блока и Есенина, тем более Мандельштама, не рассказывают про Наполеона, Чингисхана и короля Конрада III. И зэчки, наверное, уже не читают стихи друг дружке, мужьям, заочным друзьям и простым

арестантам в почтовых конвертах или «карманах» автозакон. Такая реклама стала не нужна, и она умерла, едва успев зародиться в 90-е, вместе с социальной рекламой, с качественным кино, как и вообще с чем-то добрым и вечным. Незаметно уступив место бесформенным «Тайдам» и убогому «Дому-2», иссушая человеческий интеллект до размеров кошачьих мозгов...

Амнистия

Живее всех, как истинные зэчки, девчонки обсуждали тему, греющую душу всем заключенным, – тему амнистии. Доходило до абсурда, вроде того, что на шестидесятилетие победы всех нагонять будут, а у кого пыжи, половинить сроки... «Ой, нет, ну менять на пятнашки».

Мужики из своих клеток шутили на эту тему. Мол, если баба отсидела в одиночке пять лет и там родила, будут канонизировать.

Молодая девчушка, сидевшая на коленях конвойного, смеясь, сказала ему:

– Вась, пойдем в стакан закроемся на пять минут, святым духом будешь. Я и тебя в святые протяну. И наши кости из хлама в мощи превратят. Сколько мучились при жизни-то, оба в неволе, давно пора уже в святые, только одну формальность нужно исполнить. Пойдем, душа моя святая. Ну, пойдем...

Конвойный очнулся и наконец, проявив-таки любовь к своему уставу, скинул девицу с коленки. Девочка что-то жалобно пролепетала о потерянном сидячем месте и еще что-то о перспективах будущей канонизации, но конвойный ее уже обратно не пустил.

Хохот стоял на весь автозак такой, что, думаю, *проезжавшие машины оборачивались*. Смеялись все – и те, кто доверчиво летал в облаках, и те, кто выше крыши тюрьмы или суда не поднимался и в мыслях.

Смех многое делает в тюрьме. Юмор был ценнее сигарет, чая, а может, даже сна. Потому что с веселым человеком, можно забыть и о куреве, и о еде, о сне, и даже сроке. И вообще о том, что за решеткой.

Джо Дассен

А кассета из «норы» водителя проходила круг, и мягкий голос Джо Дассена еще и еще раз, так же душевно, пел все про то же:

*Привет, я вернулся, меня долго не было, сделай-ка мне кофейку...
...от меня осталось только воспоминание, и уже никогда больше
я тебе не скажу*

Привет, это снова я...

Весь женский пол сгрузили на шестом централе в Печатниках. А нас довезли до ворот Бутырок, отвели опять на сборку и, промурыжив там еще часа два или три, отвели в нашу хату, и ближе к часу ночи мы уже ужинали выданными нам утром сухпаями, в виде запариков из перловых хлопьев. Поесть их в течение дня не было возможности из-за отсутствия кипятка и ложек.

Парни заварили нам чай и стали греть какую-то еду на больших кружках с водой, вложенными туда кипятильниками, что говорится «на пару». Но сил ждать уже нормальной еды не было. Рассказав по очереди с Борисом события в суде и набив пустые желудки, пустой маской сухпаев, мы, измотанные, упали спать.

Мне снился наш автозак, смеющиеся девчонки, оседлавшие конвойного, который ползал между откуда-то взявшимися в кузове нарами, голос Джо Дассена и улыбающиеся маслины глаз.

*Le temps m'a paru tres long.
Loin de la maison j'ai pense a toi.*

Напророченной поллюции не произошло, но проснулся я на следующее утро совершенно счастливый, впервые за все время заключения. Забыв о суде, на который все-таки надеялся, как и все, хоть и знал результат.

Луч солнца протискивался через бойницу зарешеченного окна, сквозь мартовские метели пробивалась весна. Я неожиданно для себя с другими арестантами стал мечтать об амнистии, над мечтами о которой вчера только смеялся.

Послесловие

С Олегом и Борисом в камере шесть-ноль-семь (№ 607) мы еще отсидели пару недель. Потом нас раскидали. Меня первого перевели к Гришке Тишину в шесть-ноль-три и во второй половине мая отправили этапом в Уфу. Олега отправили на этап в середине апреля. Что было с французом, не знаю, ему, кажется, дали года два.

Но теперь всегда, когда я слышу голос Джо Дассена, сразу вспоминаю этот автозак, сквозь решетку сержанта, обвешанного зэчками, кормящую молодую маму и в маленьком, замерзшем окошке снег и деревья. И сквозь мрак те самые маслины глаз, забравшие у меня навсегда кусок сердца и вместо него оставившие себя. Жаль, я не художник и не смогу никогда нарисовать этой картины, которая отпечаталась у меня в душе навечно.

Александр Август

Два рассказа

Нужный инвентарь

Филю выписали в зимнюю комиссию: об этом ему на обходе сообщил лечащий врач. Но сказал – это еще совсем необязательно, что выписали. Могут врать и динамить, чтоб не взбунтовался, рассказывать, что «удачно прошел комиссию и документы в суд ушли». А позже, месяца через три-четыре, когда следующая комиссия уже на носу, разведут руками: «Суд отказал». Но не врачи против – суд! Врачи-то всегда «за»...

А как проверишь – в суд «дураков» не вызывают, документов на руки не выдают, и отказал он или нет – всегда загадка. Может, суда вообще не было и даже не выписывали...

А тут уже следующая комиссия вот-вот... Терпеть нужно: сорвешься – и эту пролетишь.

Но и после удачной комиссии терпи, не расслабляйся и будь внимательным, не реагируй на возможные проверки-провокации. Бывало, что после выписки начиналось откровенное преследование и мордобой на заказ доктора – как отреагирует? Вылечили или еще нет? А как у него с нервами?

Нервы у нервнобольного должны быть железными...

...Членов на выписной комиссии было много. Если быть точным, то по одному от каждого отделения. Правда, цель и задача у них всегда одна – потопить представленного. Потому что, хоть советская власть закончилась давно и вроде как безвозвратно, плановое производство в дурдомах пока что не отменяли: дана свыше разнарядка выписать семьдесят человек на дурдом – выпишут семьдесят. И ни человеком больше.

Повезет представленным, если разнарядку большую из Москвы пришлют и всех «запланированных» отпустят. Тогда дурдом гудит, переговариваясь и сообщая друг другу последние новости: сто пятьдесят человек за комиссию выписали! Ни одного не зарубили!

Для доктора не столь важно, что натворил пациент – украл курицу или убил человека. В конце концов, он же не мент, он медик! Для него важнее финансовое участие в этом деле «сочувствующих родственников». А если их нет – считай, не повезло.

Решит доктор, что «лечить за ту курицу нужно пожизненно» – запрет пожизненно, и никакой суд не поможет. И на каждой комиссии спрашивать будут ехидно: вкусная была курица или нет?

Но каждый психиатр своего пациента выписать хочет, не чужого. Ведь если своего выписываешь и он не возвращается – значит, ты специалист! В-В-Р-А-Ч! А чужой пациент – он всегда не долечен и не совсем здоров.

Потому и выписка из дурдома приподносится пациенту как помилование. Как акт «доброй воли докторов».

И на каждой комиссии идет скрытая война между врачами за этот план в семьдесят-сто человек.

...Профессор долго и нудно мучил всякого рода дебильными вопросами: что, где, когда и почему? Другие не отставали.

Запутаться в ответах было нельзя и страшно. Если запутаешься и ответишь не то, что ждали, – значит, пролетел. Потом, после комиссии, за неправильный ответ еще и лечащий врач спросить может.

– Что будешь делать на свободе, когда выйдешь?

Филя только крякнул, не зная, что и ответить.

– А технику по-прежнему любишь? – Вопрос о технике был коварен, но его ждали.

– Уже нет.

Члены комиссии переглянулись.

– Где будешь работать?

– А жить? – Вопросы летели со всех сторон.

– А как у тебя с сестрой и с братом? А с матерью? – это уже вклинился в разговор другой член комиссии.

– А почему тебя так долго не выписывали?

Хотелось ответить, что вопрос не по адресу, но вдруг еще расценят как хамство.

– А п-п-очему у тебя разного цвета носки?! – По интонации Филя понял, что это был главный вопрос на комиссии. Но ответить на него было трудно. Не все вопросы профессора можно предугадать...

Председатель комиссии смотрел на Филины ноги подозрительно и строго.

– Такие... достались... то есть... дали. То есть сам взял.

– А п-п-очему другим таких носков не дали?! – Вопрос был явно провокационный. Все летело в тартарары.

– Так времени... не было. – Филя не знал, как теперь и выкрутиться. – Комиссию ждали... Всем самые хорошие раздал... себе нормальных не осталось...

– Ты что же, всему отделению носки и пижамы раздаешь?! – Профессор смотрел на него пристально и с подозрением. – По-нят-но! У комиссии будут еще какие-то вопросы?

Комиссия молчала.

Филя обреченно вздохнул: и в этот раз пролетел. Санитар потянул за рукав к выходу.

Но потом выяснилось – выписан! И даже поздравили.

...Филя ждал этого «помилования» больше двадцати лет.

Кому из лагерников рассказать – не поверят. Что там еще псих расскажет!

По тогдашнему законодательству за то, что он натворил, больше чем два года и не давали. Чаще – условно. Это взрослым. А он тогда был даже не Филя, а Филипок: влетел по малолетке, в том году как раз восьмой класс должен был закончить.

Шел как-то вечером домой с пацанских посиделок, глядь – грузовик на сельской дороге стоит. Вроде как брошенный. Ну, не брошенный, конечно, – тогда еще машин не бросали, оставленный, но – без присмотра. Дверь потянул на себя – не заперта. Залез внутрь. Посветил фонариком – стырить вроде нечего. Одни мягкие сиденья. Но машина же! Интересно. Открыл бардачок, а там ключ от замка зажигания. Вставил в замок, и давай крутить. Что-то там у него получилось, но он не понял – почему. Под капотом затарахтело, грузовик дернулся, словно припадочный, и медленно пополз по обочине. Филя судорожно схватил одной рукой баранку, а второй, правой, пытался нащупать рычаг скоростей. Про сцепление и педаль газа он в этот момент совсем забыл, главное сейчас было – баранка и рычаг скоростей, который почему-то не двигался с места. Он словно врос. Чуть позже, не выдержав такого шофера, двигатель чихнул и заглох.

Филя еще покрутил ключом в замке зажигания несколько минут, но, видно, не случайно тот грузовик на дороге оставили.

Напоследок пошарил под сиденьем и прихватил на память об этом «ралли» несколько гаечных ключей: пригодятся к мопеду.

Утром на «козле» за ним явился участковый и потащил в отделение, где его тут же заперли в обезьянник. Домой оттуда он уже не вернулся.

В детской комнате сразу вспомнили все приводы, в школе – все школьные грехи и хроническую неуспеваемость. Посмотрев на все эти бумаги, следователь решил отправить его в «дурку» на экспертизу.

А там понаблюдали за ним пару месяцев, «пожалели»: «Пацан же еще! Что из него вырастет после тюрьмы!» – и оставили на принудке, определив в помощники персоналу.

В дурдоме Филя был доверчив и безотказен: попросили помыть полы – помыл, заставили принести обед – принес. За помощь никто не платил, но жизнь оттого была более вольготная. И доверяли больше. На чем и споткнулся.

Из тюрьмы привезли экспертизника. Такого Филя еще не видел: мужику было чуть больше двадцати, но он был синий от наколок и за спиной имел уже несколько ходок по лагерям.

– Ты знаешь, что там за жизнь? – рассказывал он Филе в туалете. – Там масла на завтрак не дадут!

Сейчас сидельцу «монтировали несколько серьезных статей», и срок ему корячился не малый. Поэтому он решил тормознуться в «дурке» и закосить – устал он от зоны. Потом планы у него изменились, и решено было уйти в побег. Филя ему активно в этом помогал: как можно отказать бывалому арестанту?

Раздобыл для него кое-что из одежды, смастерил по заказу заточку...

Если б сиделец ушел один, может, и шума бы никакого не было. Но одному уйти трудно. Поэтому он предложил Филе составить компанию. Отказать крутому дядьке Филя не мог.

Уходили вечером, на рывок: сиделец заточкой принудил санитаря открыть все двери.

Через пять минут после побега дурдом встал на уши. Весь поселок вышел на облаву. Догнали их деревенские у озера. Филя, как увидел эту орду с собаками и ружьями, бегущую им наперерез, сдался сразу. А крутому дядьке терять было нечего, и он достал заточку. Деревенские нацелили на него ружья, оттеснили к самому берегу и начали травить собаками, пока не бросил заточку.

После побега он уже не надеялся, что осядет в дурдоме: психиатр злопамятен и мстителен.

Для начала ему провели «курс лечения» галопередолом, потом, когда закончили, догнали сульфазимом в четыре точки – за масло нужно платить! – и отправили на суд. Перед отправкой как беглецу надели наручники, но конвой уводил его под руки – идти он уже не мог.

Потом ходили слухи, что на суде ему одну статью переквалифицировали, другую убрали вовсе и получил он что-то совсем немного: фраернулись тут доктора.

Побег из дурдома психиатр простить может, но «нападение на персонал» – никогда!

Филе за это изменили режим содержания и отправили лечить на спецбольницу.

Виновен или не виновен пациент, у доктора всегда есть возможность интерпретации: в дурдоме встречают не по одежке, а по документам. Как напишет предыдущий доктор, так и встретят на новом месте – написанное проверять никто не станет.

Но Филе, можно сказать, еще повезло, что не отправили за тот побег в тьму-таракань. Попади он куда-нибудь в «Днепр» или на Сычи, где даже досыта не кормят... И прочие «прелести медицины» там очень хороши.

В Питере встретили его строго и по-написанному – агрессивных побегушников везде не любят.

Прошел тогда положенную «медицинскую прописку»: три месяца на уколах из нейролептиков и на вязках. После этого уже не возмущался и не пытался доказать, что не он тогда был с заточкой. С персоналом говорил, опустив голову. И когда предложили стать коридорным рабочим – согласился.

Бывает инвентарь нужный и полезный, бывает – не очень. От ненужного избавляются – списывают (или выписывают). Нужный оставляют себе.

Филя был нужный.

Работал хорошо, не отлынивал. Амнистий и помилований не ждал – в дурдоме их не бывает. К тому же и грех его был тяжек – «нападение на персонал». Поэтому надеялся, что доктора заметят примерную работу, простят и выпишут.

Но хорошую лошадь хозяин никогда не продаст – самому нужно. От плохой и стропливой избавится, а хорошую себе оставит.

Филя знал это. Но верить в такую жестокость не хотелось. К тому же были и другие примеры, когда исправную работу называли «реадаптацией» и потому быстро выписывали. Правда, история всегда умалчивала, чего родственникам стоила такая запись в документах: бога-

тые и успешные в дурдомах не живут. Если же они там и появляются от случая к случаю, то никогда не задерживаются.

Матушке платить было нечем, поэтому оставалось только одно – отработать свой малолетний грех.

Тут уж надо было как-то определиться – либо ты работаешь, либо ты как все. Совсем не работающие и неимущие для дурдома люди бесполезные – их и залечивают быстрее, и выписывают реже.

И Филя работал.

Зимой выводили на территорию «больницы» на чистку снега. Грузил на складе продукты.

Потом усердие заметили и выдвинули в начальники: всю отделенческую работу погрузили на него как на бригадира. Это было уже легче, чем таскать кирпичи на строительстве нового корпуса.

В помощь выдали двух-трех помощников из пациентов, которые время от времени менялись – не выдерживали темпа.

Персоналу «за вредность» полагались надбавки и двухмесячный отпуск. Ему выдавали пачку сигарет в день да иногда, в порядке исключения, полпачки чая.

Матушка пыталась ему как-то помочь, жаловалась, пока был несовершеннолетний. Но все ее силы разбились о стену: «При чем тут незначительное преступление, возраст и срок?! Он больной – значит, должен лечиться. А взрослый или несовершеннолетний – не важно!»

Когда же исполнилось восемнадцать, жаловаться стало не на что: все как у всех.

К этому времени и грузовик тот уже с производства сняли, а на дорогах он если и попадался, то все оглядывались на него как на антикварное чудо.

А Филя все надеялся, что простят ему тот злосчастный автомобиль и выпишут. И вот наконец дождался.

Последним «прикомандированным» был Конь – седой дядька за пятьдесят.

Он должен был занять бригадирское место после Филиного отъезда.

Конь был тоже из неудачников, из тех, для кого лагерь в любом случае был бы лучше дурдома.

Коню было лет двадцать пять, когда он впервые попытался перейти границу. Не получилось. По тем годам преступление очень серьезное. А у него был не простой «переход», а «с политической подоплекой и изменой Родине» – ляпнул следователю, что переходил по политическим мотивам: молодой был, любил погусарить. Сказать бы ему тогда, что мир посмотреть хотел...

А с изменой Родине да с переходом направили его быстренько в дурдом на экспертизу – пусть проверят, здоров ли душевно. Проверили, оказалось – здоров.

Как здорового осудили. И срок отмерили нехилый.

Но человек всегда где-то здоров, а где-то болен.

Когда же Конь почти отсидел свое, вдруг сообразили, что он был скрытый дурак. И снова послали на экспертизу в Серпы.

В психиатрии к тому времени многое изменилось и конъюнктура стала совсем другой. Потому профессора долго не рассуждали – признали невменяемым и отправили «лечиться» на спецбольницу: преступление его было слишком тяжелым для обычного дурдома.

То, что отсидел в лагере и по экспертизам болтался, – это было за здорового и потому в счет не шло: за здорового он уже отсидел. Теперь нужно было «чуть-чуть подлечиться за больного» – и уйти на свободу с чистой совестью и душевно здоровым.

Вылечили его как раз вовремя – в страну наконец пришла долгожданная демократия. Но выписывать к тому моменту его было уже некуда.

Чтоб глаза не мозолил, быстренько направили его в ПНИ. Через год он сбежал оттуда. И снова попытался пересечь границу. Попался.

Можно пройти по психиатрии и ничего плохого там не заметить: белые халаты, шприцы и хитрые доктора. Плохая, но все ж таки больница.

Конь был не дурак, заметил, поэтому молчал, в содеянном сознаваться не хотел. Говорил, что заблудился в лесу и случайно оказался в приграничной зоне. Верил, что сейчас не то время, чтобы спрятать за такое в дурдом.

Может, сознайся он в содеянном, было бы и лучше. Тогда не пришлось бы врать на следствии и объяснять непонятное: карту и компас держал при себе – и вдруг заблудился?! Поехал бы отдыхать на нары: время-то действительно наступило другое.

Да и следователя не мучает желание загасить подследственного в дурдом, если тот послушно «колется». Зачем? И так сядет. Но если подследственный вину свою не признает, а доказать ее невозможно, и, того и гляди, он из зала суда домой уйдет – без помощи докторов никак не обойтись.

Послали Коня снова в дурдом на экспертизу. А там демократия как-то быстро закончилась и времена застоя вернулись: «железный занавес» в дурдомах никто не убирал.

Поэтому опять его признали невменяемым и тут же отправили на спецбольницу.

На этот раз он пошел туда «как уголовный преступник и с рецидивом» – политические изжили себя как класс. В дурдомах остались «одни социально опасные дураки».

На спец он прибыл уже не как Степанов Виктор Дмитриевич, а как Конь – честно выходил себе кличку.

...Провожать Филю вышла вся смена. Одежда его к тому времени сопрела на центральном складе, и его обрядили в больничные вещи.

Он стоял посередине коридора и выслушивал напутственные слова заведующего, лечащего, согласно кивая: возражать его отучили.

...Филя умер от менингита через полгода после освобождения. Не было у него зимней шапки, а заработать ее в дурдоме так и не получилось...

Семейный бизнес

Говорят же: «беда не приходит одна». Сначала Серега похоронил батю. Потом, через три месяца, бабку. Где-то через месяц после этого его встретили у дверей квартиры какие-то отморозки и сильно побили. Так сильно, что он был увезен в хирургию на «скорой».

Выписавшись из хирургии и придя домой, он обнаружил у себя в почтовом ящике повестку от участкового с требованием срочно явиться в опорный пункт. Внизу стояла приписка: «...в случае неявки... будете доставлены... нарядом полиции».

Идти туда совсем не хотелось. Каким-то шестым чувством он знал, что этот вызов связан с его избиением и потому могут появиться проблемы. Но идти было нужно.

Захлопнув окна на всякий случай, проверив газ и воду, он закрыл квартиру на все замки и пошел в опорный пункт к назначенному часу.

Идти решил не через дворы, что было ближе, а улицей, мимо магазинов – чтоб по пути заскочить и купить кое-что из продуктов: дома было хоть шаром покати после больницы!

Уже в магазине решил взять бутылку водки.

В коридорчике перед кабинетом толпилась небольшая очередь. Серега послушно встал последним. Через пять минут из кабинета вышел участковый и, посмотрев на очередь, остановил взгляд на нем.

– Пришел? – Он вроде даже обрадовался. – А я уж думал, не придешь и людей за тобой посылать придется. Ну, заходи, – пропустил он его в кабинет без очереди и сразу уселся за стол. – Тут, видишь ли, какое дело, – начал он издали, как будто смущаясь чего-то. – Заявление на тебя поступило. Что ты пьяный напал на людей в подъезде. Избил одного.

– Я напал?! – От такой интерпретации событий Серега даже приуныл со стула. – На меня напали! Вот! – Он показал на лицо, залепленное пластырями. – Еще и по почкам досталось! В урологию хотели положить.

– Знаю-знаю, – фальшиво-сочувственно кивнул участковый. – Но заявление-то – вот оно! – Он ткнул рукой в бумажку, лежащую на столе. – Свидетели есть.

Серега снова возмутился:

– Да какие, на фиг, свидетели? Их трое было, и все трое меня били! Время было двенадцать, и подъезд пустой!

– Но свидетели говорят, что дрались всего два человека. Было темно... Ты потерпевшего бил ногами на своей площадке, перед самой квартирой...

Серегу словно подбросило на стуле.

– Тихо-тихо! Ты сядь и успокойся. – Участковый показал ему на стул. – Я знаю, что ты парень спокойный и не пьешь. Знаю все. Тогда давай-ка мы вот что сделаем. Сейчас по повестке должны прийти свидетели. И у меня с ними будет разговор. Может быть, мы все и уладим. А ты подожди меня в «красном уголке». Там телевизор стоит. – Участковый посмотрел на часы. – Пошли, покажу где это.

Чтобы попасть в «красный уголок», им пришлось пройти весь коридор.

Участковый включил в помещении свет. Окна закрывали тяжелые плотные шторы, так что в комнату с улицы заглянуть было невозможно.

– Телевизор включить? – спросил он и, не дожидаясь ответа, щелкнул выключателем. – А я пошел. У меня очередь, – пожал он плечами и вышел из комнаты.

Серега убавил звук у телевизора и подошел к двери. Участковый стоял перед входом в свой кабинет и отмахивался от посетителей, словно от назойливых мух:

– Подождите! Ну подождите вы минуту! Мне нужно позвонить! – донеслось до него. И скрылся в кабинете.

На душе сделалось тревожно и беспокойно – что-то тут было не то... Сейчас самое лучшее, мелькнуло в голове, просто смыться отсюда по-тихому и незаметно. Пока не поздно.

Серега снова прильнул глазом к замочной скважине: путь через коридор мимо кабинета и посетителей был отрезан.

Он подошел к окну и внимательно осмотрел его.

Сваренная из толстой арматуры решетка не оставляла никаких шансов выбраться через окно. Он был в ловушке.

Оставался единственный шанс – нагло, на рывок «дернуть» мимо кабинета участкового: наверняка дверь там закрыта, поэтому был шанс проскочить незаметно. Да и вряд ли он бросится преследовать, даже если и заметит.

Стараясь не скрипнуть петлями, он осторожно приоткрыл дверь и сделал несколько шагов по коридору, но в этот момент из кабинета вышел участковый и двинулся к нему.

– Подожди-ка, куда ты? – сказал он ему так, словно заранее знал о попытке сбежать. – Подожди. – И, взяв его за плечо, направил назад и закрыл за собой дверь. – Я «скорую» вызвал. Сейчас они будут. – Он смотрел ему в глаза. – На тебя заявление есть. А ты в психдиспансере на учете состоишь. В психушке лежал. И не раз. Да ты не расстраивайся, – успокаивал он. – Полежишь немного в больнице, потом выпишут. Не в тюрьму же тебя отправляют!

В коридоре хлопнула входная дверь. Участковый, оставив его, ринулся на звук.

– Сюда, сюда! Мы здесь! – словно в дурном сне, из которого не убежать, слышал Серега его голос. Ноги будто приросли к полу.

В комнату вошли два здоровенных мужика в белых халатах и остановились перед ним.

– Этот, что ли? – спросил один у участкового и, не дожидаясь ответа, задал Сереге вопрос: – Раньше-то лежал в психбольнице?

Тот согласно кивнул.

– Наш клиент, – констатировал он. – Ничего в карманах нет? Режущего, колющего? Что в пакете-то? – Он нагнулся и заглянул в пакет. – Продукты... А это что? – Он похлопал его по выпирающей куртке и полез в потайной карман.

Второй санитар тут же зашел к Сереге за спину и застыл там.

– О! – удивленно и радостно крикнул первый. – Бутылочка! Так ты еще и алкоголизирован? – рассматривая этикетку, спросил он.

– Да так... Бабку... помянуть нужно...

– Ты, я надеюсь, с собой в «дурку» брать это не собираешься? – Он кивнул на бутылку. – Проблемы будут, – начал он психологическую обработку. – Напишут, что пил систематически... Госпитализирован пьяный и с водкой... Тебе это нужно? Ты вот что... Подари-ка ее лучше нам. Тебе ее при выписке все равно не вернут... А мы ее просто не заметим: вроде как и не было... А?

Предложение было нахальное, но разумное: поступать в дурдом с пузырем водки в кармане – себе дороже...

Серега согласно кивнул.

Потом он достал ключи от квартиры, выудил в карманах пенсионное удостоверение и протянул его.

- А документы где? Паспорт, военный билет?
- Дома оставил.
- Как же ты к участковому идешь без документов?
- Что он меня не знает, что ли... Повестку-то я взял...

В глубине души Серега был даже рад, что не взял с собой паспорта: в дурдом примут и без него. А если не примут – какая в том беда?! Но только при наличии документов могут лишиться дееспособности или продать квартиру... Осторожности он научился не сразу...

- Все, что ли?
- Все.
- Деньги с собой есть?
- Откуда? Мелочь осталось после магазина...

Деньги с собой были, но говорить о них и сдавать санитарам не хотелось: пока до «дурки» доедут, обязательно затеряются. Проверено. Проще сдать в приемном покое. Хотя и там «затеряться» могут. Лучший вариант – вообще не сдавать, а протащить на отделение. По крайней мере, если протащишь, то они твои. Но тут уж как получится...

– Ну, пошли. Только давай без глупостей. Если и убежишь, все равно потом заберем.

По вечернему городу «скорая» пробиралась рывками и с сиреной.

Потом был приемный покой и знакомая процедура оформления. Медсестра переписала вещи, в бланк внесла даже ключи от квартиры и сунула ему под нос бумажку:

– Подпиши.

Старый, заезженный трюк: вроде бы дают на подпись перечисленные вещи, а на самом деле – согласие на лечение.

- Подписывать ничего не буду.
- Все равно будут лечить. Только через суд. Но если добровольно согласишься – выпишут быстрее.
- Через суд так через суд. Но я против лечения.
- Нет, вы только послушайте этот бред, – ехидничала она, обращаясь к присутствующим: – Его с водкой задержали, но он все равно против лечения: он здоровый!

«Козлы», мелькнуло в голове у Сереги.

– В суде даже не спросят, хочешь ты лечиться или нет. Кому это интересно? Больницу спросят. Ценные вещи, деньги есть? – без всякого перехода спросила она.

Сергея пожал плечами.

– Забирай его, – кивнула она ожидавшему санитару.

Наличие родственников у пациента психушки – преимущество сомнительное...

Однако поступать в дурдом не имеющему их еще тяжелее: доктор никогда не обижает сильного и не воюет против семьи. В бой он идет только с союзниками, которых ищет среди ментов, соседей и тех же родственников.

Все же родственник пациента для него – союзник ненадежный, из тех, кто в любой момент готов перейти в лагерь врага.

Поэтому одинокий пациент для психиатра предпочтительней...

Сергея знал это, но впервые прочувствовал только на отделении: плохие вести всегда бегут впереди, и там про бату и бабу, похоже, уже все знали. Непонятно было, откуда просочилась информация.

События замелькали как в калейдоскопе: его то вызывали на беседу к заведующему, то к лечащему. То к психологу, то вдруг к терапевту. Последнее настораживало. Для психиатра главное – душевное здоровье пациента. Телесное же здоровье для него – ерунда, не стоящая внимания. Оттого в дурке терапевта не допросишься, и если тот начинает назойливо интересоваться здоровьем пациента, значит, что-то психиатр замыслил за спиной.

А то вдруг ни с того ни с сего на отделение прибежит сам главный, чтобы посмотреть на него и поговорить с ним несколько минут. Все интересовались его скромной персоной, и даже надзор за ним был особый: в процедурной на столе медсестер, под стеклом, лежала записка с напоминанием об этом.

Сначала он не мог понять, что же ему инкриминируют доктора и какой у него нынче статус – экспертизника, простого «дурака»? Но когда заведующий начал расспрашивать о квартире, родственниках – дальних и близких – и требовать сдать паспорт и военный билет, сообразил, что на этот раз, похоже, их интересует не его здоровье, а квартира. Сообразил и испугался.

Трудно что-либо утаить в дурдоме, и слухи об этом давно бродили по туалетам да коридорам. Тут все на виду – дверей нет нигде, они лишь на входе, для проверяющих...

Шепотом по углам рассказывали, что доктора отслеживают одиноких бабушек-дедушек с квартирами, прячут в психушку «на обследование», но по сути «на отстой», и ждут – не появятся ли наследники.

Когда наследники появлялись, то лезли к ним в долю, нагоняя страх неизлечимостью клиента и его социальной опасностью: «Он же убить

вас может! Он может сам повеситься! И вы за это будете отвечать! Подумайте!»

Чаще родственники попадались пугливые и жадные: говорить и убеждать психиатр умеет.

Если же через три-четыре месяца родственники не появлялись, то квартиру быстренько продавали, а жертву активно лечили, пока крыша у него окончательно не съезжала набок от медикаментов. Под конец, когда клиент превращался в овощ и уже ничего не соображал, лишали его через суд дееспособности, отрезая тем самым любые попытки жаловаться и добиваться «реабилитации» в будущем.

С этого момента ограбленный и униженный диагнозами человек был абсолютно бесправен.

После этого отправляли его куда-нибудь подальше от города, в ПНИ, предварительно нарисовав «нужные и правильные ксивы»: в дурдоме все начинается и заканчивается фальсификацией документов.

А в ПНИ все как в подводной лодке: оттуда можно уйти только через торпедный аппарат...

Но слухи те походили больше на сплетни, и, что там правда, что вымысел, не знал никто: дурдом, чего там только не придумают!

Это больше напоминало бред больного, у которого разыгралась фантазия и «начались страхи»: заводделением чинит произвол... Бывает? Бывает, конечно... А главный врач? А следственный отдел? А прокуратура, в конце концов?!

Однако одинокие бабушки-дедушки с квартирами и правда исчезали порой в неизвестность.

Персонал, пересмеиваясь, рассказывал, что кто-то даже пытался строить анонимки в медотдел, газеты и в ту же прокуратуру, перечисляя в них имена заведующих и ординаторов, организовавших этот бизнес. Говорилось даже о причастности главврача больницы к этому делу...

После анонимок сразу начались комиссии и проверки, закончившиеся ничем: отвечать на письма было некому.

...Сергея лежал в надзорке, вспоминая, как началась развеселая дурдомовская жизнь.

Когда пришло время служить в армии, делать этого уже не хотелось: к восемнадцати годам он вырос и понимал, что армия никого не воспитывает и не делает «настоящим мужчиной».

Вариантов «законно дезертировать» было немного. К тому же все они были какие-то ущербные.

После того как с треском провалился на вступительных экзаменах в вуз, решено было действовать по-другому.

За умеренную плату предки сняли комнату в другом конце города – чтоб в своем глаза не мозолить.

Вариант был простой: работай, плати, домой появляйся как можно реже и только вечером.

Поначалу на дом приходили повестки. Потом стали наведываться какие-то люди в штатском и интересоваться: где он? Матушка – она тогда еще была жива – врала, что он поругался с отцом, тот его оскорбил – это шепотом, – после чего сын уехал куда-то из города и теперь они не знают, где он и жив ли вообще.

Тут она обычно начинала завывать. Батя молча и мрачно курил, изображая из себя убитого горем родителя.

Гонцы от военкомата ходили немного, и все затихло. Но тут хозяйка попросила его освободить комнату. Пришлось двинуться домой. А дома кто-то стукнул. И заметались: как-никак за уклонение от воинской обязанности пару лет светило...

Оставался последний вариант – дурдом. Но дурдом штука такая – сходить с ума нужно задолго и заранее... А заранее не позаботились...

Пришлось принять на душу пол-литра перцовки и пошинковать себя лезвием вдоль и поперек.

Матушка взяла на себя переговоры с доктором. Но переговоры переговорами, а признавать «колпаком» бесплатно никто не собирался. Пришлось предкам раскошелиться.

После этого дурдомовская машина закрутилась быстрее и уже без скрипа – на комиссиях стали задавать больше наводящих вопросов, чем провокационных.

Потом все же дали «правильные бумаги», а вместе с ними и освобождение, подержали немного и отпустили.

Сначала было все о'кей – его не трогали, диспансер посещать не требовали. Он позабыл о «дурке», «дурка», казалось, забыла о нем...

Но прошлое всегда идет по пятам за настоящим.

И дурдом начал настигать повсюду: пошел в поликлинику – там какие-то отметки в карточке. Медсестры за стойкой шушукались и смотрели на него, как на тигра, сбежавшего из зоопарка.

Потом вежливо попросили уйти с работы. А когда случился конфликт с пьяными соседями, все было просто: приехали менты, заковали в наручники и уволокли отдыхать в «дурку». После этого подруга в лицо бросила, что «дыма без огня не бывает». Терпение наконец лопнуло, и напился. И тут же вернули в «дурку». И понеслось-поехало – раз за разом. И каждый раз лечащий намекал матушке, «что это какое-то недоразумение, его нужно решать по-другому...»

Но предки к тому времени уже утомились от медрэкета. Поэтому ринулись в бой, напросившись на прием к главврачу. Тот вежливо выслушал и послал к заведующему. Заведующий направил к лечащему. Лечащий немного подумал и решил, что «раз сюда попал, будем лечить. Чтоб больше не попадал».

«Лечили» в последний раз долго и особо зверски. После того как отпустили, язык не слушался еще месяц, а тело сводило полгода. Сон пропал, и голова совсем перестала соображать. На работу такого странного мужика брать никто не хотел. Пришлось оформлять инвалидность.

В диспансере сразу потребовали «дисциплины и более частого посещения», угрожая различными медицинскими карами.

Мир был заключен после очередного подношения, сделанного матушкой.

Потом матушка неожиданно для всех умерла. Батя сразу постарел лет на двадцать и слег. Потом отправился за ней.

После этого началось откровенное преследование и вымогательство со стороны диспансера. И защищаться от него стало очень трудно.

....Через пару месяцев его вызвал в кабинет лечащий и обрадовал, сказав, что сегодня он будет переведен в нормальную палату, так как дело на него прекращено за недостатком улик. Сейчас он обычный пациент, которому нужно думать о выписке.

– Но как выписать из больницы человека, у которого нет паспорта? – лечащий был строг. – И отпустить тебя можно только с кем-то. Не я это правило придумал! Пиши родственникам. Ищи родственников. Они должны тебя забрать. Если же еще и паспорт потерян, – гнул он свое, – то его нужно срочно восстанавливать. А это может продлиться неизвестно сколько.

Паспорт был спрятан дома и при иных обстоятельствах Серега не выдал бы его никогда. Но после первого курса «лечения» мозг соображал туго и с задержками. А обещания были такими заманчивыми...

Все же он попытался напрячь голову и согласился «поискать паспорт дома». Тут же была выделена для сопровождения команда из двух санитаров, «чумовоз» и принесена со склада одежда.

Дома ничего не изменилось – лишь толстый слой пыли лежал на вещах. Как ни странно, но это его успокоило.

Через три часа паспорт лежал на столе у лечащего врача. Теперь дело оставалось за малым: лечиться, ждать и писать родственникам.

Искать несуществующих родственников желания не было, заниматься подлогом, то есть искать им замену, как советовали друзья, – тоже.

Сергея решил быть честным и написал единственной тетке, родной сестре отца.

Тетка жила в другом городе, в другой области, поэтому уверенности не было, что она приедет издалека и заберет его из этого зоопарка. Так оно и получилось: она даже не сочла нужным ответить на письмо.

Тут за деньги прокололся похмельный санитар, сказав, что «сейчас лишат тебя дееспособности, а квартира твоя – ту-ту!».

Сергея запаниковал и ринулся в кабинет, пытаясь выяснить, правда ли это.

Лечащий встретил его как родного, внимательно выслушал и пошутил, «что квартиру-то уж никак не унесут!».

Показать «историю болезни» и прочие документы он наотрез отказался, сказав, что «он не вправе разглашать врачебную тайну».

Подумав немного, заметил, что в последнее время Сергей как-то уж очень «обеспокоен».

После этого разговора Сергея тут же перевели в надзору и нагрузили нейрорептиками.

...В понедельник перед завтраком вернулись отпускники и принесли заказанную Сергеем информацию. Фотографии были плохими и сделаны на сотовый телефон, но старый бабкин буфет Сергей узнал бы, наверное, из тысячи. Он скромно стоял на помойке на фоне знакомого двора и сомнений в подлинности не вызывал.

Подъезд и лестничная площадка были тоже знакомы до боли, лишь железная дверь была не из этого кадра...

Нужно было срочно что-то делать, куда-то бежать, кому-то жаловаться, но мысль работала вяло и сопротивляться отказывалась.

Он долго толкался перед входом в надзорку, разгуливая по проходу между кроватями так, чтобы заметить пробегающего мимо заведующего. Наконец ему это удалось.

Увидев шефа, Сергей сорвался с места и заорал так, что санитар, сидевшего у входа в надзорку, от неожиданности подбросило на стуле. Он тут же ринулся наперерез, пытаясь защитить начальника от назойливого просителя.

Но было уже поздно. Заведующий внимательно выслушал, зло сверкнул очками и, пообещав разобраться, скрылся в своем кабинете. Через пятнадцать минут Сергея вызвали в процедурную на укол, после чего тут же привязали.

В аминазиновом угаре неделя пролетела словно минута.

К тому моменту буфет и прочие вещи исчезли с помойки. На окнах квартиры появились решетки. Серега равнодушно рассматривал фотографии, сделанные на сотовый.

Потом отменили уколы, и аминазиновое похмелье потихоньку рассеялось. В голове начали появляться трезвые мысли – написать жалобу и отправить ее через тех же отпускников. Либо через комнату свиданий.

Писать в департамент здравоохранения сочли за глупость. Жаловаться главному врачу «дурки» тоже – без этого дяди в «дурке» не делается ничего. Он может быть лишь заодно с заведующим и лечащим.

Писали Турову Константину Владимировичу, главному психиатру области, пусть он им мозги немножко прочистит и порядок наведет!

Рассказывали, что Туров мужик был справедливый, больного в обиду и на растерзание санитаров не отдавал. От персонала требовал уважения к пациенту.

Туров явился почти сразу. Долго беседовал с Серегой, расспрашивал его о прошлом, о семье, потом строгим голосом говорил с заведующим (с лечащим он даже не попрощался!) и, пообещав разобраться, ушел.

Несколько дней прошло, но в жизни ничего не менялось: заведующий улыбался на обходе, лечащий прятал глаза и заученно спрашивал, нет ли у него каких-либо жалоб на здоровье.

После разговора с главным оставалось только одно – написать заявление в городскую прокуратуру: хуже-то от этого точно не будет.

Ответ из прокуратуры пришел через неделю.

Серегу сонного вытащили из постели и повели в кабинет.

Лечащий прятал недовольство за добродушной улыбкой: главное для психиатра не быть, главное – казаться...

– Я же тебе говорил, что с квартирой у тебя все в порядке! Почему ты лечащему врачу не веришь? Читай. На твое имя пришло. Заметь – недееспособному официальных писем не вручают – он протянул вскрытый конверт.

Лист бумаги дрожал в руках и буквы прыгали перед глазами:

«Дмитриеву Сергею Васильевичу...

...В ответ на Ваше заявление сообщаем, что по нему проводилась тщательная проверка, и факты, приведенные Вами, не подтвердились».

Ниже стояла неразборчивая подпись, сделанная от руки, а перед ней аккуратным компьютерным шрифтом было набрано:

«Первый заместитель прокурора города Туров Владимир Константинович».

Алек Д. Эпштейн

Преследуемое искусство и истоки российского арт-сопротивления (к 40-летию «Бульдозерной выставки»)*

Так сложилось, что в последние годы едва ли не самыми известными и резонансными политзаключенными в России были радикальные художники-акционисты. Причины этого явления можно анализировать и о них спорить, но сам факт очевиден. Сейчас же мы хотим напомнить о том, как начинался неподцензурный художественный активизм в нашей стране. Было это еще сорок лет назад, и проведенная тогда на пустыре в московском районе Беляево попытка вернисажа вошла в историю под названием «Бульдозерной выставки».

Историю «первого осеннего просмотра картин на открытом воздухе» (так он именовался в машинописном пригласительном билете), за которым крепко закрепилось название «Бульдозерная выставка», нужно начать с событий, случившихся почти за восемь лет до этого. В декабре 1966 года познакомились между собой два человека, сыгравшие центральную роль и в организации этого вернисажа, и во многих других инициативах, имевших своей целью ознакомление максимального числа людей с работами представителей русского нонконформистского искусства; речь об Оскаре Яковлевиче Рабине и Александре Давидовиче Глезере. Инженер-нефтяник по образованию, А.Д. Глезер проявил себя как подлинный подвижник, посвятивший свою жизнь второй волне русского авангарда и его творцам. История русского искусства обязана А.Д. Глезеру очень и очень многим: именно он поддерживал художников и популяризировал их творчество тогда, когда оно было почти неизвестно, как в Советском Союзе, так и на Западе. В конце 1980-х – начале 1990-х годов у А.Д. Глезера была мечта создать на базе своего обширного собрания несколько музеев современного русского искусства в разных городах бывшего СССР – к огромному сожалению, таковой не был создан нигде, а работы даже самых

значимых представителей второй волны русского нонконформистского искусства представлены в ведущих музеях России (Третьяковской галерее, Русском музее, Московском музее современного искусства) очень скупой и фрагментарно, что ни в коей мере не позволяет судить об этом важнейшем периоде в истории отечественной культуры.

Первой совместной инициативой А.Д. Глезера и О.Я. Рабина стала выставка работ двенадцати прекрасных художников в неприметном доме культуры «Дружба» на шоссе Энтузиастов 22 января 1967 года. На выставке должны были экспонироваться работы В.Н. Немухина, Л.А. Мастерковой, Д.П. Плавинского, А.Т. Зверева, Н.Е. Вечтомова, В.И. Воробьева и других, а также самого О.Я. Рабина и членов семьи Кропивницких – его супруги Валентины, ее брата Льва и их отца Евгения Леонидовича. Хотя на вернисаж прибыли именитые гости, среди которых поэты Борис Слуцкий и Евгений Евтушенко, выставка была объявлена идеологически неприемлемой и закрыта в тот же день. 10 марта 1969 года точно та же история повторилась в конференц-зале Института международной экономики и международных отношений, где была предпринята попытка организовать выставку примерно тех же самых художников; еще раньше – и тоже в день открытия – властями была закрыта выставка работ В.Н. Немухина и О.Я. Рабина, организованная А.Д. Глезером в Тбилиси.

О.Я. Рабин и его супруга В.Е. Кропивницкая жили тогда в московском районе Черкизово. Кроме этого, они подолгу жили и работали в деревне Прилуки на Оке, куда впервые приехали по приглашению художников Владимира Немухина и Лидии Мастерковой в конце 1950-х годов (у родившегося в Прилуках В.Н. Немухина был там дом), а затем каждое лето снимали там комнату у одной местной жительницы. О.Я. Рабин вспоминал, что «мечтал купить в деревне дом, пусть даже самую жалкую развалюху, но это было невозможно, потому что тогда я еще мало зарабатывал. Избу в деревне удалось купить гораздо позже, в Софронцево Вологодской области»¹. По его словам, Софронцево стало для него «настоящим спасением от напряженной и тяжелой московской жизни... Нигде я не чувствовал себя таким свободным, таким спокойным, как в этой маленькой, затерянной среди лесов, рек и болот деревушке»². Именно там в 1974 году он провел лето вместе со своим безвременно погибшим спустя всего два года молодым другом самобытным художником Евгением Рухиным (1943–1976).

Выросший в семье ученых-геологов и сам окончивший геологический факультет Ленинградского университета уроженец Саратова Е.Л. Рухин вошел в круг московского нон-конформизма примерно в

1967 году, особенно сблизившись с В.Н. Немухиным, художественные приемы которого (коллажи с использованием игральных карт, имитация надрезов холста, создание фактуры при помощи титановых белил) привлекали Е.Л. Рухина еще до их знакомства. По словам О.Я. Рабина, «в жизни неофициального московского искусства Женя занимал совершенно особое место. Он жил в Ленинграде, но, приезжая в Москву, своей колоссальной энергией мог буквально за неделю-две расшевелить ту часть иностранных дипломатов и журналистов, которая интересовалась неофициальным искусством. И наша относительно спокойная жизнь нарушалась на то время, когда приезжал Женя. Наши встречи и показы картин случались тогда уже не по воскресеньям, а стихийно, чуть ли не каждый день. Потом, когда мы переехали из Лианозово и поселились у Преображенской заставы, он, приезжая в Москву, зачастую останавливался у нас. У нас с ним сложились очень близкие отношения»³. Не мешала и пятнадцатилетняя разница в возрасте.

Именно в Софронцево у О.Я. Рабина и Е.Л. Рухина возник план – устроить выставку картин на открытом воздухе. О.Я. Рабин имел к тому времени странный статус: он был довольно известным в узких кругах художником, ни одна из картин которого не выставлялась ни на одной официально проведенной выставке уже десять лет. Хотя продажей своих работ он зарабатывал суммы существенно большие, чем получали в то время в среднем советские граждане, формально он был безработным, и ему грозило обвинение в «тунеядстве». Чтобы свести к минимуму подобные риски, О.Я. Рабин все же стремился приобрести тот или иной официальный статус. Ему удалось устроиться оформителем книг в издательство «Советский писатель», а также в значительной мере – именно благодаря этой новой работе, вступить в Горком графиков – объединение художников, работавших преимущественно оформителями и иллюстраторами, и не входивших в Союз художников СССР. Работа в издательстве Союза писателей, где он оформлял поэтические сборники малоизвестных литераторов, и членство в Горкоме графиков превращали человека из «тунеядца» в добропорядочного «совслужащего»⁴.

В «Советском писателе» О.Я. Рабин оформил книги Тамары Жирмунской «Забота», Владислава Фатьянова «Сохрани весну» и Владимира Гордейчева «Узлы», вышедшие в 1968–1969 годах. О.Я. Рабин не был знаком с людьми, книги которых он оформлял, для него, как, в общем, и для большинства художников, стремившихся к свободе творчества и которым были тесны рамки обложек чужих книг, эта работа

была сугубо «проходной»; в рецензиях на оформленные им поэтические сборники имя О.Я. Рабина не упоминалось, и выходило, что труд его оставался совершенно незамеченным.

Едва ли не главная проблема для О.Я. Рабина и художников его круга состояла в том, что независимым живописцам и скульпторам, не входившим в Союз художников, выставляться было совершенно нигде. «Нам не оставили выбора. Помню, после очередной квартирной выставки меня вызвали в горком партии, – рассказывал О.Я. Рабин. – Там сидела строгая женщина, которая осуждающе посмотрела в мою сторону и сказала: “Что же вы, Оскар Яковлевич, в Союз художников СССР не вступаете? Скандальной славы на Западе ищете?” Я ответил, что с удовольствием вступил бы, так ведь не примут. Начальница окинула меня еще более укоризненным взглядом: “Вы попробуйте, а остальное – не ваша забота. Мы поддержим”. Я честно написал заявление в московскую организацию Союза. Бесполезно! Официальное искусство отпихивалось от нас руками и ногами»⁵. Не имея возможности попасть в музеи и галереи, группа художников направила письмо в Моссовет, в котором сообщалось о намерении устроить «показ картин» на московском пустыре 15 сентября 1974 года с двенадцати до двух часов дня. «Мы искали такое место для выставки, чтобы ни милиция, ни кто другой не могли придрататься, или обвинить нас в том, что мы помешаем пешеходам. Поэтому был выбран пустырь. В какой дурной голове партийных, кагэбэшных или милицейских чиновников возникла идея давить картины бульдозерами, нам не докладывали», – рассказывал Оскар Рабин спустя тридцать лет⁶.

Валентин Воробьев утверждал, что «план выставки “на открытом воздухе” составили молодые и никому не известные художники, работавшие парой, – Виталий Комар и Александр Меламид. Летом 1974 года они поделились своими мыслями с математиком Виктором Тупицыным, ювелиром Игорем Мастерковым и Сашей Рабиным, сыном нелегального живописца Оскара Рабина. Математик Тупицын сказал друзьям: «Молодость – отличная вещь, но нам нужен опытный знаменосец, известный за границей человек! Все решили, что надо уговорить Оскара Рабина»⁷. Оскар Яковлевич, которому было тогда 46 лет, уже воспринимался как лидер «другого искусства», хотя его творческая манера очень своеобразна и прямых последователей, учеников или эпигонов у него ни тогда, ни позднее не было. «Рабин был лидером неофициальных художников Москвы, единственным лидером, который мог сплотить всех», – подчеркивал А.Д. Глезер⁸. Названный В.И. Воробьевым в качестве одного из двух инициаторов Виталий Комар вспоминает об этом

несколько по-иному: «Я помню, мы сидели у Оскара Рабина после того, как однажды милиция разогнала наш перформанс в квартирной выставке. В основном мы делали выставки в квартирах, на кухне вели философские беседы, они заменяли дискуссионные клубы. Это была попытка выйти из квартиры, из кухни, из этих кухонных диссидентских разговоров инакомыслящих. И я, помню, сказал Оскару, что читал в каком-то журнале, по-моему, журнал “Польша”, о том, что польские художники делают регулярно выставки в парках и что это довольно распространено. Конечно, я не был организатором этой выставки, потому что Оскар Рабин был гораздо опытнее и старше и умел говорить с бюрократией»⁹. Супруга же художника Э.А. Штейнберга искусствовед Г.И. Маневич вообще выразила мнение о том, что «в данной экзистенциальной ситуации как художник проявился только Оскар, остальные участники просто к нему примкнули»¹⁰.

В.И. Воробьев писал, что «первые зачинщики предприятия отлично знали, что для такого дела необходимы громкие имена подполья: Лев Кропивницкий, Эрнст Неизвестный, Илья Кабаков, Лев Нуссберг – но они один за другим уклонялись от идеи, исходившей от молодых авантюристов»; по его словам, сразу отказался от предложения об участии в вернисаже на открытом воздухе и Борис Свешников¹¹. Отказался участвовать и Олег Целков, хотя Оскар Рабин приглашал его. «Я не пошел принципиально, – говорил он спустя тридцать лет Юрию Коваленко. – Я считал ее акцией не художественной, а политической. Это не значит, что Оскар сделал плохо, а я хорошо – просто мой темперамент другой»¹². При этом в подготовке акции и ее обсуждении активно участвовали не только сами художники, но и некоторые их друзья, в частности фотограф Игорь Пальмин, благодаря удивительному чувству истории которого только и оказались запечатлены многие уникальные моменты истории второй волны русского нон-конформизма, и инженер Леонид Талочкин (1936–2002), собравший прекрасное собрание работ художников-нонконформистов, на базе которой при Российском государственном гуманитарном университете был создан музей «Другое искусство», к советам которых очень и очень прислушивались.

По свидетельству В.И. Воробьева, изначально была идея об организации вернисажа на Красной площади, от которой позднее отказались¹³. «Никаких особо мудрых замыслов у нас не было, – добавлял О.Я. Рабин в интервью, данном 35 лет спустя после описываемых событий. – Было просто желание выставить свои картины, жить как художник, а не как техник на железной дороге – так приходилось жить

мне, или в лучшем случае иллюстратор детских книг, как многие другие. Зная нашу родную советскую власть, мы были готовы абсолютно ко всему – что нас разгонят, арестуют, осудят. И это так бы и произошло, если бы не другое время: советской власти было очень важно, как отреагирует Запад, а на выставке было много иностранных журналистов, дипломатов, которых мы позвали, зная, что другой защиты у нас не будет. И поскольку этим иностранцам тоже досталось, они особенно возмущались. Одно дело, когда нам, советским людям, морду бьют – мы к этому привычные. А вот когда американскому корреспонденту тыкали его же камерой в физиономию и зуб выбили...»¹⁴

Большую часть картин художники оставили в квартире математика Виктора Тупицына (Агамова) и его жены Маргариты, племянницы Л.А. Мастерковой, которые жили недалеко от пустыря в Беляеве, где была намечена выставка. При разгоне выставки Виктор Тупицын был избит. Ныне он профессор emeritus математики в Pace University (Нью-Йорк) и одновременно с этим – автор многих теоретических и критических статей по проблемам современного искусства, а также книг «Коммунальный (пост)модернизм», «Вербальная фотография» и сборника интервью «Глазное яблоко раздора. Беседы с Ильей Кабаковым»; в 1974 году ему еще не было тридцати. Часть художников непосредственно перед намеченным вернисажем осталась ночевать в его квартире, остальные должны были прибыть на место небольшими группками – с картинами и треножниками в руках. «Утром позвонил Юрий Жарких оттуда [из квартиры Тупицына] и сказал, что все в порядке. Рабин был настроен оптимистично, а Жарких ждал до этого неприятностей, и я разделял его точку зрения», – вспоминал А.Д. Глезер¹⁵.

О том, что происходило дальше, Оскар Рабин рассказывал: «Утром наша группка из четырех человек [в нее, кроме самого Оскара Рабина, входили Александр Глезер, Евгений Рухин и Надежда Эльская] спокойно села в метро на “Преображенской” и отправилась на место встречи. Я вез с собой две картины. Доехав, мы преспокойно отправились к выходу, и тут два человека преградили мне путь. Несмотря на уговор не вмешиваться, Глезер бросился ко мне на помощь. Нас сопровождали в милицейскую комнату и заявили, что я задержан на том основании, что у кого-то в метро украли часы, а по описаниям я похож на злоумышленника. Через полчаса явился какой-то тип в штатском и объявил, что подозрения не подтвердились и мы свободны... Когда мы наконец добрались до места, перед нами открылась панорама, которую я никогда не забуду. Под мелким дождем в жалкую кучку сбились художники, не решающиеся распаковать картины. Всюду виднелись ми-

лицейские машины, но милиционеров в форме было немного. Зато было много здоровенных молодцев в штатском с лопатами в руках. Кроме того, стояли бульдозеры, поливальные машины и грузовики с готовыми для посадки деревцами. Происходило нечто абсурдное. Художникам быстро объяснили, что власти решили именно в день выставки разбить на пустыре парк, поэтому все собравшиеся должны немедленно убраться восвояси¹⁶. Четыре года спустя Оскар Яковлевич решил съездить на пустырь, чтобы посмотреть, «хороший ли там разбит парк. Но никакого парка там не было. В точности, как и в день бульдозерной выставки, передо мной расстился мрачный, грязный пустырь, на котором по-прежнему ржавели никому не нужные огромные трубы»¹⁷. Всё это проходило на окраине поля, подходившего к полотну Профсоюзной улицы (нечетная сторона) после пересечения с улицей Островитянова, на месте нынешнего выхода на Профсоюзную улицу из последнего вагона со станции метро «Коньково».

Следует заметить, что трое художников – Василий Ситников (1915–1987), Борис (Борух) Штейнберг (1938–2003) и Анатолий Брусиловский, собиравшиеся участвовать в вернисаже в Беляево, отказались от этого. В конечном счете участниками выставки, позднее получившей названия «Бульдозерной», стали Оскар Рабин и его сын Александр, Лидия Мастеркова, Владимир Немухин, Игорь Холин, Евгений Рухин, Валентин Воробьев, Юрий Жарких, Виталий Комар, Александр Меламид, Надежда Эльская и некоторые другие (в книге, подготовленной А.Д. Глезером, утверждается, что «всего в выставке приняли участие 24 художника»¹⁸). Распаковав свои картины и, не имея возможности водрузить их на треножки, художники стали держать полотна на вытянутых руках. И тут началось то, что вошло в историю, породив термин «Бульдозерная выставка»: у художников начали силой вырывать картины, завелись бульдозеры... «Тут я увидел, что моя картина, разорванная, валяется в грязи, – рассказывал О.Я. Рабин Клод Дей. – Бульдозер, рыча, медленно двигался сквозь толпу, люди в страхе шарахались в стороны. Я разозлился и, бросившись наперерез, закричал: “Ну, давай, езжай, если хочешь!” Бульдозерист, не снижая скорости, вел машину. Тогда я уцепился за верхний край ножа и стал быстро перебирать согнутыми в коленях ногами по собранной бульдозером земле, чтобы меня не затянуло под нож. Тут мой сын и его друг Гена Вечняк бросились ко мне и тоже схватились за нож бульдозера. На секунду все оцепенели, потом к водителю подскочил человек в штатском и приказал ему остановиться. Однако тот то ли выпил, то ли был слишком возбужден, во всяком случае, он перепутал и, наоборот, нажал на аксе-

лератор. Бульдозер взревел и двинулся вперед, загребая землю и сгребая всё в своё нутро. Я не знаю, чем бы это все кончилось, если бы один из американских корреспондентов, человек полный и обычно довольно флегматичный, вдруг не рванулся к шоферу и не выключил зажигания. Бульдозер остановился, “трудящиеся” подскочили ко мне и к сыну, чей-то голос прокричал: “Увести!” И нас со скрученными за спиной руками впихнули в стоящую рядом машину. Последнее, что я помню, была художница Надя Эльская, которая, взобравшись на огромную трубу, кричала, обращаясь ко всем: “Выставка продолжается!..” И еще я помню гигантскую двухметровую фигуру Жени Рухина, одетого, как и все мы, в свой лучший праздничный костюм, которого дружинники, крича и ругаясь, волокли по мокрой развороченной глине¹⁹. А.Д. Глезер утверждал, что всего бульдозеров было три, что один из них переехал не одну, а две картины О.Я. Рабина, и что упомянутый журналист, в прыгнувший в бульдозер и остановивший его, был канадцем²⁰. Валентин Воробьев не упоминает о картинах О.Я. Рабина, но пишет, что «видел одним глазом, как роскошная картина Мастерковой полетела в кузов самосвала, где ее тотчас же затоптали, как охапку навоза, а большую фанеру Комара и Меламида с изображением собаки Лайки и Солженицына неприятель разломал на дрова и подло бросил в костер»²¹.

Фотограф Владимир Сычев, впоследствии на протяжении многих лет сотрудничавший с Оскаром Рабиным и другими художниками²², успел отснять «сражение» в Беляево и передать пленку иностранцам. Сделанные им фотографии были опубликованы во многих зарубежных газетах и журналах, положив начало эпосу «Бульдозерной выставки».

Назавтра после разгона вернисажа его организаторов судили. Оскара Рабина и Евгения Рухина приговорили к штрафам за нарушение общественного порядка, а Александра Рабина, Надежду Эльскую и Владимира Сычева осудили на пятнадцать суток отсидки. Н.В. Эльскую, однако, освободили в тот же день, а А.О. Рабина и В.В. Сычева – через трое суток²³. Сами художники связывали свое быстрое освобождение с международной кампанией, развернувшейся в их защиту. В *New York Times* 16 сентября 1974 года появилась статья Кристофера Рена «Русские громят бульдозерами выставку современного искусства», а спустя сутки – материал Хендрика Смита «Пять человек осуждены в Москве после скандала с выставкой», в *Los Angeles Times* вышла редакционная статья «Искусство в кольце головорезов» и т.д.²⁴. Не исключено, что власти действительно решили дать задний ход именно с целью погасить международный скандал, который стал для них неожиданным, по крайней мере, по своим масштабам.

Помня о том, как судили и к каким срокам приговаривали всевозможных «инакомыслящих», сами художники опасались куда более серьезных последствий. «Мы планировали организовать нечто подобное еще на пару лет раньше, но долго откладывали решение, не отваживаясь на последний шаг. Было страшно», – честно рассказывал Оскар Яковлевич в интервью журналу «Итоги»²⁵. В беседе с Юрием Коваленко он повторил: «Коленки дрожали. Мы понимали, что в любой момент власти что захотят, то и сделают. Потому что, с их точки зрения, такие художники, как я, занимались незаконной деятельностью. Властям не нравились картины, в которых они видели “буржуазное” влияние. А меня обвиняли в том, что черню жизнь, изображаю бараки и помойки. За это сажали литераторов – Синявского, Даниэля, а нас пока нет. Но мы понимали, что в какой-то момент это может случиться»²⁶. Вообще говоря, Синявского и Даниэля к тому времени уже не только посадили, но и выпустили. Как известно, прозаика, эссеиста и литературоведа Андрея Донатовича Синявского (1925–1997) и писателя и переводчика Юлия Марковича Даниэля (1925–1988), печатавших свои произведения под псевдонимами на Западе в обход советских цензурно-идеологических институций, арестовали в 1965 году и осудили в 1966 году соответственно к семи и пяти годам лишения свободы. Вел процесс лично председатель Верховного суда РСФСР (а позднее – председатель Верховного суда СССР) Л.Н. Смирнов. Назначенные лагерные сроки осужденные литераторы отбыли полностью, несмотря на волну протестов в среде творческой интеллигенции в Советском Союзе и на Западе, но в 1974 году оба они уже были на свободе; более того, А.Д. Синявский уже эмигрировал во Францию.

16 сентября 1974 года О.Я. Рабин, А.Д. Глезер и другие художники и их соратники приняли «Обращение в адрес советского правительства». Выразив возмущение тем, что «поливальные машины разгоняли художников и зрителей мощными струями воды», а «бесчинствовавшие молодчики уничтожили с помощью машин и разожженных костров 18 картин», они объявили, что через две недели, в воскресенье, 29 сентября 1974 года, осуществят «сорванный злонамеренными людьми» показ своих картин на открытом воздухе в том же самом месте. Обращение завершалось следующим пожеланием: «Мы просим вас указать милиции и другим органам охраны порядка на необходимость не способствовать варварству и хулиганству, а защищать от него – в данном случае зрителей, художников и произведения искусства»²⁷.

Отклики за рубежом на разгон вернисажа в Беляево были столь громкими, что советские руководители решили не лезть на рожон без

особой на то нужды: в конце концов, ни одного содержательно анти-советского произведения художники в Беляево выставить не пытались, а на сам показ работ прибыли почти исключительно приглашенные самими художниками их друзья и иностранные корреспонденты, масовым это мероприятие назвать было невозможно.

В сложившихся условиях власти приняли решение разрешить художникам провести вернисаж 29 сентября с двенадцати до четырех дня, но не в Беляево, а на поляне в Измайловском парке. Обещанные четыре часа относительной свободы были даны, вернисаж в Измайлово прошел без помех. Его посетили тысячи людей, причем в основном молодых. Писатель и драматург Николай Климонтович, которому было тогда 23 года, правильно указал, что «на пороге взрослой жизни стояло поколение, рожденное в начале 1950-х, которое, подобно юному поколению нынешнему, не хлебнувшему социализма, не помнило сталинизма. Тогда, в Измайлово, и произошла их первая не домашняя, а публичная встреча шестидесятников и будущих восьмидесятников»²⁸. По словам А.Д. Глезера, в этом вернисаже участвовали 74 художника, хотя назвать эту выставку под открытым небом победой над советской властью можно лишь с очень большой натяжкой: от художников потребовали, чтобы не выставлялись «религиозные и антисоветские картины», «потому что никто из официальных лиц не хотел попасть в переделку». «Цензуру проводили мы с Жарких», – честно рассказал А.Д. Глезер²⁹.

В 1975 году пятнадцати московским художникам-нонконформистам, самым известным из которых тогда был О.Я. Рабин, удалось провести в двух залах павильона «Пчеловодство» на ВДНХ первую согласованную с властями групповую выставку своих работ. В мае 1975 года первый секретарь МГК КПСС В.В. Гришин писал в ЦК КПСС: «В целях предотвращения нежелательных инцидентов, которые могли бы быть использованы нашими идеологическими противниками, городские организации сочли возможным предоставить им для показа работ один из павильонов на ВДНХ»³⁰. Эта выставка проработала десять дней. В принципе, находящееся в глубине территории ВДНХ небольшое и достаточно неприметное здание этого павильона, в котором никаких художественных выставок никогда не организовывалось ни до, ни после этого, было очень странным выбором, власти явно хотели, чтобы выставка прошла, но как можно менее резонансно. В общем, почти так и случилось. Но это было максимум возможного, на что можно было надеяться в то время – и нет никаких сомнений в том, что, не организуй художники-нонконформисты разогнанный вернисаж в Беляево, ника-

кой выставки на ВДНХ или в любом другом месте провести не удалось бы. Это был в полном смысле слова отвоєванный глоток свободы.

Излишне упоминать, что сегодня О.Я. Рабин, В.Н. Немухин, Д.П. Плавинский, А.Т. Зверев, Н.Е. Вечтомов, Е.Л. Рухин и другие художники, которых игнорировали и политический, и художественный истеблишмент того времени, признаны специалистами как классики российского искусства. История, если и смысла чьи имена, то как раз их гонителей и хулителей.

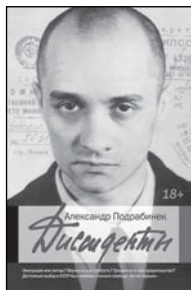
Примечания

- * Статья написана в ходе работы над книгой «Оскар Рабин: запечатленная судьба», планируемой к печати издательством «Новое литературное обозрение». Автор благодарит Андрея Кожевникова за помощь в поиске и обработке материалов, сыгравших существенную роль в подготовке настоящей статьи. (L'auteur tient à remercier Andrey Kozhevnikov pour son assistance à la recherche et à la traduction des textes qui ont largement contribué à la préparation de cet article).
- 1 *Оскар Рабин*. Три жизни. Париж: Третья волна, 1986. С. 47–48.
- 2 Там же. С. 69–70.
- 3 Евгений Рухин. 1943–1976, под ред. Светланы Дарсалия и Исаака Кушнира. СПб: Авангард на Неве, 2009. С. 39.
- 4 Личная беседа с О.Я. Рабиным, Париж, 15 декабря 2013 г.
- 5 Живописный Оскар. Интервью с О.Я. Рабиным (записал Андрей Ванденко) // Итоги, № 45 [647], 28 октября 2008 г.
- 6 Интервью Массимо Маурицио с Оскаром Рабиным // Новое литературное обозрение, № 65, 2004 г.
- 7 *Валентин Воробьев*. Бульдозерный перформанс // Независимая газета, 17 сентября 2004 г.
- 8 Александр Глезер. К 35-летию «Бульдозерной выставки». Интервью (записал Михаил Бузукашвили) // Чайка/Seagull Magazine, № 19 (150), 1 октября 2009 г.
- 9 Опубликованный текст беседы Андрея Гаврилова с Виталием Комаром, записанной в 2010 г., цит. по: Алфавит инакомыслия. «Бульдозерная выставка» // Радио Свобода, 13 декабря 2011 г.
- 10 *Галина Маневич*. Опыт благодарения. М.: Аграф, 2009. С. 197.
- 11 *Валентин Воробьев*. Бульдозерный перформанс.

- 12 Олег Целков: Я открыл в человеке то, что в нем действительно бес- смертно (записал Юрий Коваленко) // Русская палитра Парижа. Беседы с художниками. М.: Русский путь, 2012. С. 73.
- 13 *Валентин Воробьев*. Бульдозерный перформанс.
- 14 Оскар Рабин: советская власть была обидчивой и закомплексо- ванной (записала Ирина Кулик) // Коммерсантъ, № 198 (4015), 30 октября 2008 г. По свидетельству А.Д. Глезера, зуб выбили кор- респонденту *New York Times* Кристоферу Ренну.
- 15 Александр Глезер. К 35-летию «Бульдозерной выставки».
- 16 Цит. по: Реальный Оскар (записал Кирилл Привалов).
- 17 *Оскар Рабин*. Три жизни. С. 97.
- 18 Искусство под бульдозером. Синяя книга, под ред. А.Д. Глезера. Лондон: Overseas Publications, 1976. С. 123.
- 19 *Оскар Рабин*. Три жизни. С. 92.
- 20 *Александр Глезер*. К 35-летию «Бульдозерной выставки».
- 21 *Валентин Воробьев*. Бульдозерный перформанс.
- 22 По свидетельству Оскара Рабина, до этого они с Владимиром Сы- чевым никогда не встречались (личная беседа, Париж, 18 декабря 2013 г.).
- 23 Искусство под бульдозером. Синяя книга. С. 19–20.
- 24 Там же. С. 49–59.
- 25 Цит. по: Живописный Оскар (записал Андрей Ванденко).
- 26 Живопись в бараке. Оскар Рабин – о неизвестных страницах своей жизни (записал Юрий Коваленко) // Известия, 28 апреля 2010 г.
- 27 Цит. по: Искусство под бульдозером. Синяя книга. С. 123–125.
- 28 *Николай Климонтович*. 30 лет выступлению сентябристов // Газе- та, 17 сентября 2004 г.
- 29 *Александр Глезер*. К 35-летию «Бульдозерной выставки».
- 30 Цит. записка первого секретаря МГК КПСС В.В. Гришина в ЦК КПСС «О попытках организации в Москве выставок произведений ху- дожников-авангардистов и о мерах по противодействию этой ак- тивности» от 20 мая 1975 г. // Власть и диссиденты: из докумен- тов КГБ и ЦК КПСС (публикатор А.А. Макаров). М.: Московская Хель- синкская группа, 2006. С. 50–51.

Алексей Мокроусов

Камень Сизифа



Александр Подрабинек. **Диссиденты.** – М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2014. Серия «Литературные мемуары. XX век».

Психиатрия и психическое

Как и тридцать, и сорок лет назад, Александр Подрабинек и сегодня вызывает чувство неприятия у многих людей. После истории с шашлычной «Антисоветская» чего только не писали о нем в интернете! Он и «второсортный диссидент», и «плюнул в душу всем ветеранам, сказав, что в СССР жили не только советские граждане»...

Когда люди полны неприязни, спорить с ними трудно. Да и как объяснить, что диссиденты ни второсортными, ни бывшими не бывают – способность мыслить *иначе*, быть инакомыслящим, а не приложением к мегафону, если появляется, то навсегда. И что в Советском Союзе и впрямь жили не только советские люди – это все утверждения из разряда очевидных.

Проблема диссидентов, возможно, и заключалась в том, что в обстановке непрерывной идеологической истерики они пытались говорить о простых и очевидных вещах. О том, что у людей есть минимальные права, зафиксированные самим государством, что их надо гарантировать не только на словах, но и на деле.

Собственно, деятельность диссидентов позднего советского времени, как и диссидентов сегодняшних, связана с этой борьбой за *очевидное*.

Подрабинек рассказывает о повседневности этой борьбы, ставшей будничным занятием для сотен людей. В книге нет обобщающей истории движения в целом, она – свидетельство одного отдельно взятого человека, которому пришлось пережить многое.

Год спустя после того, как в 1977-м сотрудники КГБ случайно (если донос может быть случайностью) обнаружили рукопись его книги «Карательная медицина», Подрабинек арестовали и отправили в ссылку на «полюс холода», в якутский Оймякон. Два года спустя он был вновь арестован за публикации в самиздате и получил уже лагерный срок. К этому времени его брат Кирилл, тоже занимавшийся правозащитной деятельностью и тоже отказавшийся эмигрировать (перед такой дилеммой оказывались почти все участники движения за права человека), уже сидел в Елецкой тюрьме.

На воле Подрабинек занимался сбором материалов о психиатрических репрессиях. Помимо «Карательной медицины» (копия была своевременно переправлена за границу и опубликована в США в 1978 году) он подготовил вместе с врачом-фармацевтом и диссидентом Виктором Некипеловым сборник воспоминаний заключенных психбольниц «Из желтого безмолвия...». Сборник ходил в самиздате, но в итоге спецслужбам удалось изъять все его экземпляры.

Кроме сбора материалов Подрабинек занимался и отправлением посылок политзаключенным психбольниц. Около пятидесяти человек получали каждый месяц по одной пятикилограммовой посылке с продуктами и вещами, а также перевод на 10 рублей, деньги можно было использовать в больничном ларьке. Не менее важной была и организация независимой психиатрической экспертизы. Ее результатыывывали важный козырь из рук власти, мешая той отправлять в психушки здоровых людей: «не зная, в отношении кого какое именно заключение вынесено, КГБ предпочитал на всякий случай не сажать в психушки никого из тех, кто прошел у нас экспертизу. Сам факт прохождения у [врача-психиатра] Волошановича экспертизы стал защитой от психиатрических злоупотреблений».

Удивительно, что не все из тех, кому таким образом хотели помочь, правильно отреагировали на происходящее. «К сожалению, не все это понимали. Владимир Клебанов, пытавшийся создавать независимые профсоюзы, ушел с середины экспертизы, обидевшись на вопросы Волошановича. Он полагал, что получит заключение психиатра автоматически, просто по факту своей биографии, в которой уже были политические преследования и психбольницы. Володя Гершуни, известный диссидент и бывший заключенный Орловской спецпсихбольницы, так и не выбрал время прийти на экспертизу, сколько я его об этом ни упрасивал. В дальнейшем и Гершуни, и Клебанов вновь попали в психбольницы. Больше никого из наших подопечных в психбольницы, кажется, не посадили. Не попали в руки КГБ и экспертные заключения

наших психиатров. Ни одно. Зато все они лежали в английском Королевском колледже психиатров в Лондоне, молча угрожая чекистам, если они вздумают посадить в психбольницу кого-нибудь из наших подопечных».

Власти сопротивлялись как могли. Волошановича вынудили эмигрировать, работавший вместе с ним психиатр Анатолий Корягин был арестован и приговорен к 7 годам лагерей и 5 годам ссылки.

Может ли опыт быть лишним?

Лагерный опыт – из важнейших для автора, ведь с арестом и тюрьмой так или иначе связана вся правозащитная деятельность. В «Диссидентах» немало наблюдений над психологией мест лишения свободы, царящей там повседневной практикой. Автор описывает основные моменты пребывания в тюрьме, включая самый, вероятно, тяжелый – последние дни перед освобождением, когда неясно, выпустят ли или неожиданно продлят заключение (такое не раз случалось). Охранники в это время любят пошутить-поиздеваться над собирающимся к отъезду – дескать, отправляешься к новому месту отбытия наказания. Но в самую минуту прощания с тюрьмой заключенного неожиданно настигал момент вольности. Вот как он описывается в книге: «Наконец в начале двенадцатого дверь открылась и мне велели выходить "с вещами". Все было давно собрано, и я вышел, но пошел не к выходу, а в противоположную сторону, по коридору ПКТ, открывая кормушку каждой камеры. Я попрощался с каждым за руку, мне желали удачи и просили написать из тюрьмы, если раскручусь на новый срок. Я обещал.

Надзиратель и корпусной стояли и терпеливо ждали, пока я нагло нарушал тюремный режим. Они никогда не ссорились с освобождающимися – любой освобожденный зэк мог встретить их тем же вечером на улице и свести счеты. Поэтому они были благоразумны и терпеливы».

Но внутри срока жизнь не выглядела столь милосердной. Многие боялись этапа. На него «безумно боятся попадать те, у кого есть грешки перед тюремным сообществом: стукачи, лагерные суки, активисты секций внутреннего порядка, карточные должники, осужденные менты и коммунисты, растлители малолетних. Вообще тюремные правила таковы, что все зэки равны друг перед другом вне зависимости от совершенных ими преступлений. Но из этого правила есть исключение: насильники и растлители малолетних».

Отношение власти к заключенному могло бы помочь сохранить ему чувство самоуважения. Но, пишет Подрабинек, «хорошие отношения с конвоем выстраиваются редко. Чаще всего конвоиры злобны, агрессивны и подчеркнуто бесчеловечны. Причинить эзку зло безо всяких к тому поводов считается у них делом доблести. Отсутствие в мыслях, словах и голосе чего-либо человеческого – это фирменный стиль конвойных войск. Он культивировался десятилетиями и поощряется начальством».

Моральным пыткам подвергались порой и родственники осужденных. Они хоть и не получали срока, но тоже поневоле оказывались по одну сторону с сидевшими. Даже у свиданий оказывалось две стороны. Возможно, радость от встречи была не главной: «после свидания женщины выходили из лагеря в странном состоянии, которое правильно было бы назвать послесвиданной депрессией. В них удивительным образом смешивалось счастье нескольких лагерных дней и горечь предстоящей вольной жизни. В такие моменты им была нужна помощь».

Условная свобода

Впрочем, намного ли человечнее была повседневная жизнь в Советском Союзе? Если отрешиться от мифов о всеобщей социальной защите и гарантированном минимуме (в том смысле, что потребности удовлетворялись по минимуму), если приглядываться к деталям, из которых складывалась повседневность...

Мемуарист вспоминает об одной истории, свидетелем которой он оказался, работая в реанимации (до этого он был фельдшером на «скорой помощи»). Пятидесятилетний полковник советской армии, устав от жизненных и служебных неурядиц, предпринял попытку самоубийства. Как человек предусмотрительный, он решил подстраховаться: «К решетке балкона этажом выше он привязал петлю, надел ее на шею, встал на край своего балкона и выстрелил себе в голову из табельного пистолета. Он решил погибнуть если не от пули, то в петле или упав и разбившись. В последний момент рука его, как это часто случается у самоубийц, дрогнула, и пуля лишь чиркнула по черепу. Он оступился, повиснув в петле, но веревка не выдержала грузного полковника и оборвалась. Он упал с шестого этажа, но ветки деревьев под окном смягчили падение, и он приземлился, сломав себе ногу».

Уже через несколько часов полковника из реанимации перевели в травматологию, а еще через пару месяцев он уже заходил поблагодарить врачей за помощь. За это время с ним произошло два знамена-

тельных события: его уволили из рядов вооруженных сил и исключили из партии. На личную трагедию человека государство отреагировало единственно доступным ему способом: оно не поддержало его в трудную минуту, не прислало ему психологов, но выписало волчий билет – на всю оставшуюся (как самонадеянно верило государство) жизнь.

Стоит ли удивляться, что даже трезво мыслившие люди порой были склонны к поступкам, которые сегодня многим показались бы неадекватными. Так, Подрабинек рассказывает о своих квартирных хозяйках, обаятельных женщинах уже исчезнувшего интеллигентского извода. Одна из них, скульптор Инна Ильинична Бломберг, уступила рассказчику комнату, «в которой раньше была ее мастерская. В этой мастерской в середине 60-х годов она лепила бюст Солженицына, он тогда еще был в фаворе и приходил к ней позировать. Увы, она не успела доделать работу.

Солженицына начали публично шельмовать, и Инна Ильинична, испугавшись репрессий, разрушила недоделанный бюст».

Вторжение в психику – возможно, самое большое ограничение, которое накладывала советская власть на жизнь людей. Диссидентам приходилось вступать в ежедневную тихую борьбу с этой повседневной зашоренностью окружающих, делать выбор в ситуациях, когда само требование выбора выглядело ложным.

В 1987 году Подрабинек вместе с Петром Старчиком, Владимиром Корсунским и Владимиром Рябоконею начал выпускать самиздатскую газету «Экспресс-Хроника» – сперва в машинописи, затем как полноценную многополосную газету. «Отношение ко мне и к моим статьям у читающей публики было разное, – пишет автор. – Я, впрочем, никогда не старался понравиться читателю и дорожил мнением только очень немногих людей.

Одним из них был Солженицын».

Можно представить, что скрывается за этой фразой, каковы были реакции тех читателей «из своих», кому тексты не нравились. Проблем внутри правозащитного движения хватало, в книге немало примеров и сдавшихся под чудовищным давлением людей, и тех, кто в угоду собственному эго пробалтывался о важных вещах, из-за чего сроки получали другие.

Подрабинек не романтизирует ни чужих отношений, ни собственных деяний – здесь он скорее хроникер и уж точно не поэт-громовержец. О своих первых шагах он рассказывает скорее иронично. Решив быть полезным, он отправляется за заданием к Андрею Твердохлебо-

ву: «...мне нужна была командировка, направление, свидетельство того, что я не из шкурных соображений пошел работать пособником палачей.

Андрей Твердохлебов даже не усмехнулся, как, наверное, сделал бы на его месте любой, а начал очень популярно объяснять, как устроено демократическое движение. В нем есть место инициативе, ответственности, жертвенности, взаимопомощи и много еще чему, но нет в нем ни коллективной ответственности, ни партийных заданий, ни конспирации, ни других атрибутов подпольной революционной борьбы».

Как вскоре выяснилось, забывать о конспирации не стоило.

Ошибки и равнодушие

Поначалу внимание КГБ было скорее изучающим, каким-то расслабленным. Подрабинек вспоминает, как в 1975 году он пришел на симпозиум по социальным проблемам судебной психиатрии в московском Центральном доме Советской Армии. Пускали всех, автор фотографировал выступавших, «вдохновителей и организаторов системы карательной психиатрии в СССР» – Г.В. Морозова, Т.П. Печерникову, Д.Р. Лунца, Н.И. Фелинскую, Р.А. Наджарова, З.Н. Серебрякову, начальников и главных врачей спецпсихбольниц МВД СССР, судебных психиатров. В перерыве его задержали милиционеры и психиатры в штатском.

«В помещении комендатуры здания они долго и упорно расспрашивали меня, почему я сюда пришел и зачем фотографирую. Сначала я что-то наплел им про работу в стенгазете МГУ, где мне дали задание сделать репортаж о симпозиуме.

По телефону они тут же выяснили, что в МГУ я не работаю и не учусь. Тогда, в полном противоречии с первой версией, я поведал им о том, что на самом деле работаю на «скорой помощи» и преклоняюсь перед корифеями отечественной судебной психиатрии. Потому и фотографировал их себе на память. Мне не верили. В окно комендатуры я увидел, как подъехала к подъезду машина «скорой помощи», и вскоре психиатр начал расспрашивать меня о жизни и работе. Тут мне было легко, я знал, что отвечать, а потом показал ему свое служебное удостоверение сотрудника «скорой помощи». Психиатр тут же потерял ко мне всякий интерес, сказал что-то тихо одному из людей в штатском и уехал. Меня еще «пробивали» по ЦАБу (Центральное адресное бюро), установили личность и в конце концов отпустили, предварительно засветив все отснятые фотопленки. Видимо, я еще не значился в картотеке КГБ и потому так легко отделался».

Позднее такая ситуация выглядела бы немислимой. С другой стороны, мало кто мог себе вообразить и долговременную помощь диссидентам со стороны самих сотрудников органов. Но такие люди были. Об одном из них, предупреждавшем об арестах и обысках, Подрабинек рассказывает подробно. Сперва он называет его Клеточников, как знаменитого народовольца, внедрившегося в Третье отделение. Подлинного имени долгое время не знали ни по ту, ни по эту сторону баррикад. Псевдоним был раскрыт лишь после того, как капитана КГБ Виктора Орехова арестовали. Это он помогал инакомыслящим упреждавшими звонками и специфической сортировкой бумаг при обысках – в стопку «неважных» он постоянно отправлял опасные для их владельца документы. Отсидев свое, Орехов уже в конце 90-х был вынужден эмигрировать: бывшие «товарищи по работе» не оставляли его в покое. Теперь он работает разносчиком пиццы в американском штате Колорадо.

О судьбе одного из таких товарищей рассказывается в книге, выглядит она готовым киносюжетом: «Следователь Анатолий Трофимов, ведший дело Орехова и допрашивавший меня в Краснопресненской тюрьме, сделал удачную карьеру. Он дослужился уже при Ельцине до должности заместителя директора ФСК (Федеральной службы контрразведки – преемника КГБ) и начальника УФСК по Москве и Московской области. В 1997 году, в звании генерал-полковника, он был уволен в отставку "за грубые нарушения в служебной деятельности". После отставки возглавлял службу безопасности в одной из крупных финансовых структур с сомнительной репутацией и в конце концов стал жертвой мафиозных разборок. В апреле 2005 года его вместе с женой расстреляли неизвестные около подъезда его дома».

Подрабинек пишет об этом без всякого внутреннего торжества или злорадства. Он считает, что идейных противников у диссидентов в среде КГБ не было, слежкой и арестами занимались по долгу службы, «ничего личного». Возможно, это и стало одной из причин того, что СССР развалился так быстро – среди его искренних приверженцев было не много умных людей. С другой стороны, именно это равнодушие масс не позволило защитникам прав человека исчезнуть с политической карты России. Сегодня общество, так и не обзаведшееся толком системой публичного саморегулирования, нуждается в их усилиях как прежде. Сама работа может напоминать труд Сизифа, но без него нет будущего. В серии диссидентских мемуаров продолжение неизбежно.

Елец – всем вора́м отец

Тридцать три подзатыльника

Нынче и в преступном мире, и в представлении простых российских обывателей закрепилось убеждение в том, что для уголовника мама – Одесса, а папа – Ростов. Присловье это живет даже несмотря на то, что по уровню криминализации Ростов-на-Дону давно уже не является лидером, а Одесса для России – и вовсе отрезанный ломоть, отошедший прожорливой Украине.

Но в воровском мире существует и другая «родословная», менее известная обычному россиянину. Она гласит: **«Елец – всем вора́м отец»**. Но что такого замечательного для «элиты» преступного мира таит маленький городок, расположенный в 80 километрах от Липецка? Елец и нынче-то насчитывает всего около 110 тысяч жителей, а в былые времена народу было вовсе – кот наплакал. Каким же медом он для воров мазанный?

Елец – город старинный. Впервые его упоминает Никоновская летопись в 1146 году: «Князь же Святослав Ольгович иде в Рязань, и быв во Мченске, и в Туле и в Дубке на Дону и в Ельце, и в Пронске...» Эту дату принято считать годом основания города. Однако, по мнению большинства историков, цитированная запись является поздней вставкой XVI века. Первым же достоверным письменным упоминанием Ельца можно считать запись митрополита Киевского Пимена о встрече с князем Елецким в 1389 году.

Но более поздние летописи, однако, задним числом повествуют о многочисленных половецких набегах на Елец начиная с 1152 года. Если верить этим рассказам, город не раз сгорал дотла, жители гибли в битвах с врагом или уводились в полон. В 1238 году отстроенный с превеликим трудом городок разорило войско хана Батыея. Затем в 1283 году непокорные ельчане разгромили слободку сборщика дани Ахмета Те-

мира и забрали его имущество. Огорченный до невозможности баскак вернулся с ордынцами и снова оставил от города пепел. Позже Елец еще не раз восстанавливали и палили. В 1357 году митрополит Московский Алексей попытался прервать эту добрую традицию: восстановленный по его указанию Елец обнесли дубовой крепостной стеной и вырыли вокруг крепости глубокий ров. Напрасные труды: в 1380 году хан Мамай сжигает елецкий кремль. Возмущенные ельчане выступают против ордынца в Куликовской битве. Хотя зловередные историки оспаривают факт участия ельчан в этом сражении.

Но как ни крути, а в древнюю пору Елец был пограничным городом, охранявшим рубежи Российского государства, и посему часто подвергался нападению и разорению. В 1395 году над ним жестоко поглумился грозный Тамерлан во время погони за ханом Золотой Орды Тохтамышем. С землей не сровнял, однако повырубил окрест дремучие леса, чтобы облегчить путь своему войску. А в 1414 году, как сообщает Патриаршая летопись, «...придоша татарове многи... и много зла сотвориша, и град Елец взяша, и елецкого князя убиша». Что за «татарове» и откель они «придоша», покрыто мраком. Однако же с тех пор почти две сотни лет о граде Ельце никто слыхом не слыхивал.

Короче, как в сказке Алексея Толстого «Приключения Буратино»: *«Здравствуйте, меня зовут Пьеро... Сейчас мы разыграем перед вами комедию под названием: "Тридцать три подзатыльника". Меня будут колотить палкой, давать пощечины и подзатыльники. Это очень смешная комедия...»*

Я к тому, что до конца XVI века искать следы «славного воровского прошлого» в истории города Ельца бессмысленно. Как говорится, не тот жанр.

Скаска о Стеньке

В 1591 году царь Федор Иоаннович сызнова повелел возвести Елецкую крепость, для чего из городов Южной Руси согнали стрельцов, казаков и детей боярских – то есть народ в основном служивый, вольный, строптивый и буйный. Гремучая смесь. Аукнулась такая беспечность и недалёковидность государева в самом скором времени.

Но для начала – немного исторической лингвистики. В те далекие времена словом «вор» на Руси обзывали не высшую касту уголовного мира и даже не обычных «крадунов». Банальные разбойники и прочая паршивая уголовщина назывались «татами». Помните присказку – «как тать в нощи»? Вот это – о них. «Ворами» же именовали политических преступников – мятежников, предателей, а также тех, кто «выступал

против порядка правления», избирая объектами преступлений государственные органы и чиновников. К таковым ворам можно отнести Пугачева, Разина, Болотникова и других героических живодеров. Через многие лета обе эти категории большевики подведут под 58-ю «политическую» и 59-ю «бандитскую» статьи. В Уголовном кодексе РСФСР 1926 года только они две были «расстрельными». А в период Смуты, Семибоярщины и прочих кровавых забав «воров» предпочитали все больше четвертовать да сажать на кол. Ну, это уже – вопрос вкуса...

Обратимся к «Списку с скаски, какова сказана у казни вору и богоотступнику и изменнику Стеньке Разину», где предводитель казачьего восстания постоянно именуется «вором», а его преступления – «воровством», хотя речь идет о грабежах и убийствах. «Скаска» – это приговор, который написан в форме обличительной речи, обращенной к обвиняемому. Подробно перечисляются злодеяния Стеньки, причем рассказ обильно пересыпается определениями «вор», «воровство», «воровской», «своровали», под которыми понимаются смута, государственное преступление, измена:

«Вор и богоотступник и изменник донской казак Стенька Разин!

*В прошлом 175-м году, забыв ты страх божий и великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича крестное целование и ево государскую милость, ему, великому государю, изменил, и собрався, пошел з Дону для **воровства** на Волгу. И на Волге многие пакости починил, и патриаршие и монастырские насады¹, и иных многих промышленных людей насады ж и струги на Волге и под Астраханью погромил и многих людей побил...*

Ты ж, вор Стенька, пришед под Царицын, говорил царицынским жителям и вместил **воровскую лесть**, будто их, царицынских жителей, ратные великого государя люди идут сечь. А те ратные люди посланы были на Царицын им же на оборону. И царицынские жители по твоей прелести **своровали** и город тебе здали...

И послал в разные города и места свою братью воров с **воровскими прелестными письмами**, и писал в воровских письмах, будто сын великого государя нашего благоверный государь наш царевич и великий князь Алексей Алексеич жив и с тобой идет...»

Или вспомните у Пушкина в «Капитанской дочке» разговор коменданта Белогорской крепости капитана Миронова с Емельяном Пугачевым: *«Пугачев грозно взглянул на старика и сказал ему: “Как ты смел*

¹ Насад – речное плоскодонное беспалубное судно.

противиться мне, своему государю?» Комендант, изнемогая от раны, собрал последние силы и отвечал твердым голосом: “Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышь ты!”»

Вот и елецкая поговорка первоначально подразумевала «вора» не в нынешнем, а в том давнем, старинном смысле! Ко времени ее возникновения население славного города уже здорово отличалось от прежних, зашуганных судьбой и кочевниками елецких обывателей. Что называется, замес покруче, норов позлее. Да и соседи им под стать подобрались. И то сказать: поднялись на одних дрожжах... Но об этом – следующая глава.

Северская земля, смутная и воровская

Во времена грозного царя Иоанна Васильевича (1530–1584), когда Московское царство набирало силу и расширялось, южные рубежи Московии именовали Диким Полем: они постоянно подвергались набегам крымских татар да ногайцев и почти опустели. Наряду с басурманами врагами и разбойниками числили и черкасов – запорожских казаков, которые совершали налеты на Московское царство. Так что немногие аборигены этих мест, вынужденные противостоять разноплеменным башибузукам, отличались особой закалкой, диким характером и редкостной отвагой.

Вся эта катавасия изрядно поднадоела царю Ивану, и он решил укрепить «подбрюшье» своего государства, заодно отодвигая его границы в южном направлении. Грозный повелел создать так называемую «засечную черту» – систему оборонительных сооружений против кочевников. Она получила свое название от засек – заграждений из поваленных крест-накрест толстых стволов деревьев, направленных заостренными вершинами в сторону противника. В засечную черту входили также валы, рвы, частоколы и естественные преграды на местности. Но все эти фортификации гроша не стоили без надежных пограничных гарнизонов. Начинают укрепляться уже существующие города Мценск, Новосиль, поднимаются из небытия разрушенные когда-то Кромы, Ливны, Елец, строится новый Орел...

На юг Московского царства хлынули переселенцы – преимущественно служилые да военные, бесшабашные сорвиголовы. Помимо этого, великий государь Иван IV повелел ссылат в «окраинные города» Северского края «кромешников, мятежников, бунтарей», то есть «политически неблагонадежных». Здесь же находили пристанище беглые холопы, разбойники, приговоренные к смерти душегубцы. Компания подобралась –

мама, не горюй, отборная маргинальная публика. А иные и не выдержали бы диких набегов, постоянных стычек, схваток да побоищ.

Значительную часть южных окраин занимала также Комарицкая (Камаринская) волость. Принадлежала она непосредственно царю, управлялась Дворцовым приказом, местный люд фактически не ведал крепостного ярма. Вольные, независимые крестьяне на черноземных землях жили в достатке и подать платили исправно. Хотя не все так просто. Например, дореволюционный историк Орловщины Тимофей Афанасьевич Мартемьянов писал: *«Камаринщина, доставшаяся Москве от Литвы лишь в 1503 г., <...> с тех пор до конца своей украинской истории представляла собою один из опаснейших уголков Украины; ей частенько случалось испытывать на себе и опустошительные вторжения литовцев и поляков, <...> и губительные татарские набеги. Камаринцам той эпохи, поэтому, жилось вообще не сладко; их нередко то грабили, то полонили, то прямо истребляли "огнем и мечем"».*

И все же, пока был жив Грозный, он довольно крепко держал державу в кулаке. Но царь Иван отошел в мир иной, затем в 1598 году умирает его старший сын Федор Иоаннович, линия Рюриковичей прерывается, Земский собор избирает царем Бориса Годунова – шурина Федора. И начинается Великая Смута...

Формальным поводом стала смерть царевича Дмитрия Иоанновича – младшего сына Ивана Грозного от его жены Марии Нагой. Дмитрий, строго говоря, царевичем не являлся. Правда, Иван Васильевич обвенчался с Марией Федоровной, однако этот брак был уже восьмым по счету и с точки зрения православной церкви не мог считаться законным (для таких венчаний у Грозного имелся «ручной» протопоп Никита, служивший прежде в опричниках). Так что Дмитрия с матерью по смерти государя регентский совет отправил в Углич, где царский сын числился удельным угличским князем.

15 мая 1591 года во время игры в «тычку» (метание ножика) у восьмилетнего царевича случился приступ эпилепсии («черной немочи»), и он, по рассказам очевидцев, наткнулся на ножик, который вошел ему в шею. Однако Мария Нагая и ее брат Михаил заявили, что это – убийство, совершенное по приказу из Москвы. Предполагаемых убийц народ разорвал на куски (хотя в момент гибели царевича они находились в другом месте). Самоуправцев власть жестоко покарала. А на царский трон взшел брат жены Федора Иоанновича, Ирины, – татарин Борис Годунов.

Молва тут же связала гибель Дмитрия с именем нового государя: якобы тот устранил возможного соперника. Многие историки между тем считают Годунова непричастным к убийству. Дмитрий по всем раскладам считался незаконнорожденным и не мог претендовать на трон. Хотя татарин делал все, чтобы свести риски до минимума: добился удаления вдовствующей царицы с сыном в захолустный Углич, убедил царя Федора не помянуть Дмитрия в церквах при перечислении царских родственников. Но и малолетний царевич Годунова ненавидел. Германский ландскнехт Конрад Буссов вспоминал, как шестилетний Дмитрий отсек голову снеговика, названному Борисом Годуновым...

Однако не будем копаться в этом темном детективе. Главное в другом. Через некоторое время убийством царевича Дмитрия воспользовались исконные враги Московии – поляки. В 1603 году в Польше объявляется авантюрист, который выдает себя за чудесно спасшегося Дмитрия. Согласно распространенной версии, это был беглый монах Чудова монастыря Григорий Отрепьев. Новоявленный Дмитрий получил поддержку польского воеводы города Сандомира Юрия Мнишека. Под крыло «царевича» пошли казаки, московские беглецы, польские и литовские авантюристы... Самозванцу невольно помог и сам Годунов со товарищи. Ведь они долгое время скрывали царское происхождение Дмитрия, называя того князем. Зато после появления претендента на престол вдруг бросились служить за упокой души Дмитрия, уже именуя его царевичем! Все это вкупе со странным «назначением на должность царя» зело смутило народную массу.

А тут еще – целая череда неурожайных лет. Люди мрут с голоду, едят собак и кошек, сено и кору... Доходило до людоедства: купцам и иноземцам не советовали в одиночку путешествовать по стране. Народ воспринял голод как Божью кару за грехи царя-татарина. Ненавидели «выскочку» и бояре. Подозрителен был и жесток, под стать приснопамятному государю Иоанну Васильевичу.

Итак, 13 октября 1604 года трехтысячное войско самозванца вторглось в пределы Московского царства с юго-запада и двинулось вглубь Северской земли. И местное население поддержало Лжедмитрия! Дюже не любил народец северский московскую власть, от которой многие сюда и бежали. К служилым людям да разбойничкам добавились крепостные крестьяне: во время голода Годунов разрешил им уходить от своих господ туда, где можно было прокормиться. Вот часть крестьян (и даже горожан) из голодных областей нахлынула на юг. Прийти-то пришли, да только не навсегда: согласно указу об «урочных летах» 1597 года, им по окончании голода надлежало вернуться к хо-

зьявам, иначе они подлежали пятилетнему сыску. А Лжедмитрий щедро обещал свободу и вольную жизнь! Так Северский край становится «гнездом Смуты».

Под стать ему и Комарицкая волость. Здешнее крестьянство опасалось, что при «татарском царе», да еще в условиях многолетнего голода комарицким вольностям придет конец, свободного землепашца задушат непосильными податями и наденут на него крепостное ярмо. Сохранились свидетельства о том, что комарицкие жители прятали зерно, зарывая его в землю; некоторые от ужаса перед ожиданиями «годуновской перестройки» даже вешались. Нечто подобное Россия переживет тремя веками позже, в годы советской коллективизации. Неудивительно, что жители Комарицкой волости, видя, как Лжедмитрий мирно, без грабежей и разора вступил в их земли, словно истинный державный владетель, да еще сторонник всевозможных свобод, приняли его как законного государя. В январе 1605 года Лжедмитрий занимает Севск, комарицкие крестьяне присягают новому царю, многие вступают в его войско, обеспечивают его продовольствием, фуражом, предоставляют свои дома для постоя.

Однако 21 января 1605 года у села Добрыничи в жестоком сражении войско Годунова под предводительством князей Федора Мстиславского и Василия Шуйского разгромило самозванца. Лжедмитрий потерял в битве свыше трети своей 15-тысячной армии убитыми и бежал в Путивль, а мятежная Комарицкая волость была полностью выжжена и разорена: каратели не щадили ни женщин, ни стариков, ни детей. *«Москвитяне... произвели жестокую расправу над камаринцами. Последние, без различия пола и возраста, обречены были на варварские казни; их сажали на кол, вешали за ноги и расстреливали из луков и пищалей, младенцев же – жарили на сковородах»,* – читаем у Мартемьянова.

Все эти, а также дальнейшие мрачные и кровавые события привели к тому, что в памяти народной закрепилась поговорка – **«Северская земля – воровская земля».**

Орел да Кромы – первые воры

Идти на штурм Путивля победители не решились. К самозванцу подошли более четырех тысяч казаков, и Лжедмитрий направил часть из них во главе с донским атаманом Андреем Корелой на защиту городка Кромы, куда в помощь отряду воеводы Федора Шереметева спешило войско князя Мстиславского. Для самозванца этот городок, открывший ему ворота в 1604 году, имел большое значение. В случае

потери Кром «царевич» лишился удобного выхода к Калуге, а оттуда – на Москву; он принужден был бы двигаться по правому берегу Оки, преодолевая сопротивление сильных крепостей.

Осада Кром началась сразу после битвы при Добрыничах и длилась уже больше двух месяцев, когда казаки Корелы совершили дерзкий рейд, прорвали окружение и вступили в город, который к тому времени защищали всего 200 стрельцов и 300 казаков. «Шелудивый маленький человек, покрытый рубцами», как описывали Корелу современники, отличался не только великой храбростью, но и воинским искусством. Казаки и стрельцы успешно держали оборону Кром до самой смерти Бориса Годунова 13 апреля 1605 года. Хотя осаждающие не особо рвались в бой: царь Борис стремительно терял опору и среди господ, и среди холопов, а вот популярность Лжедмитрия, наоборот, росла.

Все разрешилось неожиданно. Под Кромы для приведения войска к присяге новому царю, 16-летнему Федору Борисовичу, прибыл воевода Петр Басманов – герой обороны Новгорода-Северского от войск самозванца. Однако вместо того, чтобы готовить очередной штурм, Басманов вместе с войском перешел на сторону «царевича». Это объяснялось тем, что после смерти Годунова при дележе должностей Басманов рассчитывал стать главным воеводой над царским войском, а его назначили вторым воеводой и отдалили от двора, нанеся смертельную обиду. Короче, Басманов «с полки противными мирно соединившаяся». Вслед за Кромами ворота Лжедмитрию открыли Орел и Карачев, в результате Лжедмитрий уже 20 июня въехал в Москву и вззошел на престол.

Вот как раз все эти городки первыми в фольклор и вошли. Появилась в народе знаменитая поговорка: **«Орел да Кромы – первые воры, и Карачев – на подтачу (или – в придачу)»**. И по отдельности эти предательские города удостоились упоминания: **«Кромы – ворам хоромы», «В Орле что ни двор, то вор»...**

Правда, есть версия, согласно которой поговорки появились позднее, при Лжедмитрии II, сменившем предшественника, который быстро скукожился. Первый оказался слишком явным «западником», окружил себя иноверцами, иноземной гвардией, не соблюдал церковных постов и русских обычаев, одевался в европейское платье и заставлял бояр есть телятину, которую москвиты считали нечистой пищей. К тому же новый царь был «по женской линии слаб», насильно превращая многих боярских жен и дочерей в своих наложниц. Короче, 17 мая 1606 года, после свадьбы самозванца в Москве с полячкой

Мариной Мнишек, полыхнул бунт, Лжедмитрия жестоко убили, над трупом надругались, а царем стал князь Василий Шуйский. Недолго музыка играла, недолго Дмитрий танцевал.

Однако северские бунташные земли встали на дыбы. Здесь перебили гонцов с письмами от Шуйского. А летом 1606 года в Путивле поднял мятеж «военный холоп» князя Телятевского Иван Болотников, который объявил себя «главным воеводой» государя Димитрия Иоанновича, опять якобы ускользнувшего из рук убийц. В советское время это выступление остроумно обозвали «крестьянским восстанием», хотя в походе участвовали и дворяне, и казаки, и просто всякая сволочь. Болотников повел свои войска на Кромы через Комарицкую волость, где в его войско вливались местные крестьяне. В 1606 году отряды Болотникова нанесли под Кромами поражение войску Василия Шуйского.

Население вновь присягало на верность царю Дмитрию, который в мае 1607 года опять явился из Польши. Кто таков был новый самозванец, дело темное: то ли сын попа, то ли сын еврея из Шклова. Лжедмитрий II рванул в Московию с дружинами разношерстной шляхты. Однако «воеводу» Болотникова к тому времени уже разгромили. «Димитрий» бежал со всех ног по направлению к Карачеву, а затем с ноября 1607 по май 1608 года обосновался в Орле, за что и был прозван «орловским цариком». Как мы видим, и в этой истории на первое место выступают Кромы, Орел да Карачев. Что касается Кром, именно здесь зимой 1607/1608 года сосредоточились войска Лжедмитрия II для похода на Москву.

На мой взгляд, поговорка о «воровском» Орле должна была появиться именно при втором самозванце (или после краха его кампании). Дело в том, что в самом начале Смуты, при Лжедмитрии I, Орел оказался одним из тех городов, которые оказали достаточно серьезное сопротивление мнимому «царевичу». Самозванцу покорились Чернигов, Путивль, Рильск, Севск, Кромы и другие города – но не Орел. Кромчане с «околенскими мужиками» предприняли было наступление на Орел, но были разгромлены московитской сотней Самоила Лодыженского. Дети боярские из Орла (129 конников и 287 пищальников) сражались в московской рати Мстиславского и Шуйского, которая разбила самозванца у Добрыничей. Правда, в конце концов, город все же открыл ворота Лжедмитрию, «царевича» даже встретили колокольным звоном и хлебом-солью. Но это случилось уже «под занавес» трагической драмы, так что вряд ли Орел времен Лжедмитрия I можно назвать «первым ворм».

А вот при втором самозванце город играл центральную роль в смуте. Не зря нового Димитрия называли «орловским цариком». Что касается Кром и Карачева, они держались на слуху и во время первого, и во время второго пришествия самозванцев.

Белый царь и курский вор

Однако же воровским клеймом в русском фольклоре оказались помечены и другие города засечной черты Московского царства. Так, Николай Лесков в романе «Некуда» приводит «баснословие» о разделе земли между Христом и дьяволом: *«Он (чорт) хитер, ух, как хитер. Он возвел господа на крышу и говорит: “Видишь всю землю, я ее всю тебе и отдам, oprичь оставлю себе одну Орловскую да Курскую губернии”. А господь говорит: “А зачем ты мне Курской да Орловской губернии жалеешь?” А черт и говорит: “Это моего тятеньки любимые мужички и моей маменьки приданная вотчина, я их отдать никому не смею...”»* Такая характеристика Курского края наряду с «отмороженной» Орловщиной не случайна и тоже берет начало в истории Смутных времен.

Вообще-то Курск с 1360 года входил в состав Великого Княжества Литовского и только в 1508 году отошел к Московии. Однако набеги татар да ногайцев привели к полному разорению города, и заново он возник как мощная крепость лишь в 1596 году. Именно сюда Иван Грозный ссылал в первую очередь «кромешников» и бунтарей. Здесь сложился особый тип людей, которых прозывали «севрюками». Писатель и краевед Евгений Марков характеризовал их следующим образом: *«Постоянная жизнь на пустынных рубежах русской земли, среди глухих лесов и болот, вечно на стороже от воровских людей, вечно на коне или в засаде, ежедневный риск своей головой, своей свободой – выработали из севрюка такого же вора и хищника, незаменимого в борьбе с иноплеменными ворами и хищниками, все сноровки которых им были хорошо известны, как свои собственные».* В одной из исследовательских работ сотрудники Курского археологического музея сообщают некоторые любопытные детали: *«Уложив в стычке противника, курский порубежник в качестве подтверждения своей доблести предъявлял воеводе уши, а нередко и отрезанную голову врага».* Забавная историческая параллель: в советском ГУЛАГе 1930–1940-х годов существовала похожая практика: за пойманного беглеца-зэка аборигенам платили премию оружием, порохом, продуктами и проч. Но для этого эвенк или якут должен был предъявить либо голову, либо руку убитого «побегушника». Впрочем, такие зверские традиции встре-

чаются у многих народов. Снимали же индейцы скальпы с поверженных врагов...

Увы, в период Великой Смуты куряне дружно выступили против центральной московской власти и последовательно поддержали обоих самозванцев. В Курске вспыхнуло восстание, горожане привезли связанными в Путивль к Лжедмитрию I своего воеводу князя Григория Борисовича Рошу Долгорукова и стрелецкого голову Якова Змиева, которым ничего не оставалось, как присягнуть «царевичу». Сюда же доставили и чудотворную Курскую Коренную икону Знамения Божьей Матери, которую Димитрий затем увез с собой в Москву. В отряды самозванца влилось свыше четырех тысяч курских казаков и черкас. Мятешники захватили князя Григория Шаховского, который собирал в Курске дворянское ополчение против самозванца. Позднее, в 1606 году, куряне поддержали восстание Ивана Болотникова. В декабрьском сражении под Москвой 1607 года на стороне Болотникова и его сподвижника Илейки Муромца бились больше пяти тысяч курских казаков и служилых людей.

Да и позднее Курская земля доставляла Москве немало головной боли: здешние «разбойнички» то поддерживали Стеньку Разина, то уходили на Дон к вольным казакам... Оттого и возникла популярная в свое время поговорка: **«Нет у белого царя вора супротив курянина»**. Белым царем турки и казаки называли московских государей.

Ах ты, сукин сын, камаринский мужик!

Раз пошла такая пьянка, надобно упомянуть о том, что подобными присловьями русский народ отметил не одних курян. Фольклор не обошел вниманием и Ливны, которые сдались самозванцу – **«Ливны ворами дивны» («Ливны всем ворам дивны»)**. Польские иезуиты писали сторонникам Лжедмитрия, что Ливны не уступают по размерам Путивлю (тогдашней резиденции самозванца) и значение этого города в военное время исключительно велико.

Менее известна поговорка о подмосковном Дмитрове – **«Дмитровцы – ворах не выдавцы»**. Дмитров – пожалуй, единственный из «воровских» городков, который находился не на юго-западных границах Московии, а напротив, в 65 километрах к северу от нее. Поэтому ряд историков склонен предполагать, что присловье имеет в виду какой-то другой Дмитров, Дмитровск, Дмитрово – который расположен был где-то в северских мятежных землях. Например, Тимофей Мартмянов был убежден, что подразумевается **«Дмитровск, уничтоженный, по преданию, за смутные крамолы камаринцев и получивший свое**

имя едва ли не от самого “названного Дмитрия”». На самом деле село Дмитриевка, из коего позже вырос город Дмитровск, было основано лишь в 1711 году бывшим молдавским господарем Дмитрием Кантемиром на землях, пожалованных ему Петром I. Никакого иного «дмитровского» следа в засечных землях времен Смуты мы не находим.

А вот подмосковный Дмитров и впрямь оставил о себе память в истории самозванцев. В январе 1610 года его взял литовский шляхтич Ян Сапега, выступавший на стороне Лжедмитрия II. В феврале, правда, отряды Сапеги были разгромлены воеводой Михаилом Скопиным-Шуйским, он погнал шляхтича до самого Дмитрова, однако тут москвитов встретили лихие донские казаки, и Скопин-Шуйский вынужден был, как говорится, повернуть оглобли. В этом и смысл поговорки: дмитровцы не выдали «воров». Не случайна и перекличка со старинной казачьей поговоркой – **«С Дону выдачи нет»**.

Не ускользнул от внимания народа московитского даже небольшой городок Новосиль, входивший в «засечную черту» и тоже приветивший обоих самозванцев – **«Лихвинские горы да новосильские воры злее всех»**. Любопытно, что упомянутая в поговорке крепость-городок Лихвин между тем не припечатана лихим «воровским» прозвищем. «Злыми» названы только окрестные горы. Есть даже версия о том, что поначалу Лихвин назывался Девягорском. Словарь Брокгауза и Ефрона отмечал: *«В смутное время он переходил из рук в руки и потерпел сильное разорение»*. Видимо, этот узловой центр Лихвинской засеки, окруженный надежной крепостной стеной и частоколом из заостренных бревен, не сразу сдался самозванцу. Дороги меж засек запирались воротами с башнями, на которых постоянно находились дозорные. «Лихвинская засека» имела семь таких ворот с крепостями. Так что к «воровским» городкам Лихвин не причислили, а вот горы вокруг помянули недобрый словом.

Однако еще более занятно совсем другое упоминание мятежных воровских людей. С ним, пожалуй, встречался любой русский человек, хотя бы краем уха слышал. Это – известная народная песня «Камаринская», которая начинается словами «Ах ты, сукин сын, камаринский мужик!». Еще бы не знать: эту народную плясовую мелодию использовали в своем творчестве и Михаил Глинка, и Петр Чайковский, даже «Большая Медведица пера» – Лев Толстой заставил свою графинюшку Наташу Ростову отплясывать «Камаринскую» в «Воине и мире».

Правда, мало кто знаком с текстом самой песни. Тем более что он на протяжении веков менялся – и в конце концов превратился в бытовое скабрзное ерничество. Так, Дмитрий Ушаков в своем «Толковом

словаре» пишет: «КАМАРИНСКАЯ... Русская народная плясовая песня, героем которой является пьяный "камаринский мужик"». Из других источников мы можем почерпнуть примерно то же: мол, «камаринская» – это танец русских крестьян, который плясали на базарах и ярмарках.

В принципе так оно и было. И куплеты с нецензурщиной, и описание пьяных непотребств – вариантов много:

*Ах ты сукин сын камаринский мужик,
Заголил штаны, по улице бежит.
Он бежит-бежит, попердывает,
Свои штаники подергивает...*

...

*Ах, ты, сукин сын, камаринский мужик!
Ты куда это вдоль улицы бежишь?
– А бегу я для похмелки в кабачок,
Без похмелки жить не может мужичок.*

Так, да не совсем так. Потому как родилась песня о камаринском мужике в самом центре Смуты – Комарицкой (Комаринской, Комарницкой) волости. И в наиболее ранних вариантах начиналась следующими словами:

*Ах ты, сукин сын, камаринский мужик,
Не хотел ты своему барину служить!*

Эта «родословная» давно уже подтверждена историками русского фольклора – и до революции, и после нее. Название волости при этом варьируется. В «Орловском вестнике» 1896 года: «Родина комаринского мужика Севск (Комаринская волость). Комаринский мужик (по песне) – необузданный вольник, бесшабашный гуляка. Три века тому назад и после Севск служил местом ссылки – и сделался притоном бродяг». Большая Советская энциклопедия 1953 года (второе издание) содержит статью, посвященную «Комарицкой»: «“Комарицкая” (Комарицкая) – русская плясовая песня, живого, задорного, юмористического характера. Происхождение песни про “Комарицкого мужика” некоторые исследователи связывают с Комарицкой волостью, население которой сыграло видную роль в крестьянском восстании И.И. Болотникова (1606–1607). В Комарицкой нашли отражение традиции старинного народного музыкального искусства (в частности, скоморо-

шьего). Известна во множестве вариантов вокальных и инструментальных... Многочисленные тексты "Камарицкой" носят преимущественно шуточный, иногда социально-сатирический характер».

Согласно Мартемьянову, Комарицкая (Каморницкая, Камаринская и т.д.) волость получила свое название от «каморников»: так в актах «Литовской хроники» (а волость отошла к Москве от Литвы только в 1503 году) именовались в составе горожан и селян «люди убогие, не имевшие своих домов, жившие в чужих избах и каморах». Таким образом, Каморницкая волость – край бездомных, бродяг. Поначалу малолюдный, он за десять лет, которые предшествовали Смуте (1592–1603), по словам краеведа, обратился «в кипевшую народом землю. Люд этот представлял собою, однако, пеструю смесь "племен, наречий, состояний", в котором явно преобладал "злодейский элемент", проникнутый одним началом – призыванием к "разбойному делу", готовностью "под дорогию стоять, зипуны-шубы снимать"». Миграции способствовало закрепощение крестьянства в коренных московских областях. Холопы бежали от барского гнета на московскую Украину и прежде всего в Камаринскую волость: «...Крепостное право в то время фактически здесь почти совершенно отсутствовало, быть может, потому, что с одной стороны Камаринщина считалась дворцовым владением, а с другой не находилось, вероятно, и смельчаков, желающих владеть "душами" тамошних буйных головорезов» (Мартемьянов). Еще одну приманкой в условиях гулявшего по Московии голода было плодородие камарицких земель.

Но далеко не всех беглецов прельщала судьба вольных землепашцев. Многие предпочитали ей вольную разбойничью жизнь, сбиваясь в ватаги и доставляя головную боль центральной московской власти. Та проводила карательные рейды, что раздражало украинских разбойников. Именно поэтому Комарицкая волость и стала надежной опорой самозванцев.

Песню о камаринском мужике некоторые историки называют «гимном Севских крестьян». К сожалению, первоначальный текст его, видимо, не сохранился. Однако затем безымянные авторы, так сказать, произвели операцию по перемене пола несчастного барина, сотворив из него барыню. В этом виде песня существовала долгое время и дошла до нас. Правда, из-за множества непристойных слов и оборотов исследователи не решались публиковать полный текст «Камаринской», обильно заменив часть лексики многоточиями. Вот как приводит песню уже не раз поминавшийся Тимофей Мартемьянов:

*Ах с...кин сын,
Вор – камаринский мужик.
Он не хочет, не желает
Своей барыне служить.
* * **

*Сняв (кафтан) по улице, бежит,
Он бежит-бежит*

*.....
Его судорга подергивает.*

** * **

*Он бежит-бежит,
Да спотыкается,
Сам над барынею, над сударынею
Потешается.*

** * **

*Ох, ты, барыня, ты, Марковна,
У тебя ли... (сердце) бархатно,
У меня же... шолковое,
..... пощелкивает.*

На самом деле во второй строфе пропущено слово «попердывает», а в последнем куплете речь идет, конечно, вовсе не о «сердце». Он звучит так:

*Ох, ты, барыня, ты, Марковна,
У тебя ли пизда бархатна,
У меня же муде шелковое,
В муде ядрышки пощелкивают.*

Слово «муде» в русском языке подразумевает и мошонку, и яички («муде» – двойственное число, обозначающее пару мужских яичек).

Своеобразным продолжением «Камаринской» является известная песня «Барыня», которая, по мнению фольклористов, тоже родилась в Северской земле и продолжает традицию высмеивания хозяев-помещиков, причем в обоих случаях необходима именно женщина, чтобы показать не только моральное, но и сексуальное унижение барства:

*Как на барыне ль солоп,
Ебет барыню холоп,*

*На барыне ль чепчик –
Ебет ее немчик.*

Разумеется, со временем тексты «Камаринского мужика» и «Барыни» полностью изменились. Но, как говорится, из песни слова не выкинешь...

Как Елец Азову погрозил

Позвольте, но где же наш знаменитый Елец? Помянули мы многие «воровские» поговорки, а о нем как-то позабыли. А между тем заново отстроенная Елецкая крепость имела самый крупный гарнизон на юге Московии и мощное пушечное вооружение. В тысячном гарнизоне города числилось 150 детей боярских, 600 казаков плюс стрельцы. В 1604 году в армии царя Бориса Годунова сражалось 400 конных казаков из Ельца. Но к началу Смутного времени настроения ельчан сильно изменились. Голодные годы и усиление крепостного гнета привели к возмущению местного населения. Осенью 1603 года в окрестностях Ельца полыхнуло крестьянское восстание, которое охватило значительную часть южного порубежья Московии. Во главе бунтарей стал новгородец Хлопок Косолап. Мятеежников тайно поддерживали даже некоторые опальные бояре. Бунтовщики двинулись на Москву, но были разбиты годуновским войском, а Хлопка казнили в столице. Однако зерно смуты уже упало в нужную почву. В 1604 году ельчане отказываются обрабатывать государеву десятинную пашню, и вообще, по словам летописца, «был Елец в смуте и непослушании».

С началом войны против самозванца из южных городов были отозваны многие стрельцы и казаки для усиления армии Федора Мстиславского. Из Ельца к Мстиславскому прибыли 400 конных казаков с пищальями и 100 пеших стрельцов. Ослабление гарнизона вкупе с мятежными настроениями горожан привело к тому, что в марте 1605 года Елец и Ливны заявили о своей преданности «законному царю» Димитрию Иоанновичу. На решение ельчан и ливенцев в немалой степени повлияло поражение правительственных войск под Кромами (Кромы, к слову, были вотчиной елецких князей). После сдачи обеих крепостей и появились при словья о «воровских» Ельце и Ливнах. Елец к тому же стал для липового «царевича» главной опорой перед броском на Москву.

Когда первый самозванец воцарился на троне, Елец приобрел особую значимость. Лжедмитрий решил ознаменовать начало своего царствования победоносной войной, для чего вознамерился изгнать турок из устья Дона, нанеся мощный удар по Азову. Самозванец прика-

зал отливать на Пушечном дворе новые мортиры, пушки, ружья, лично обучал стрельцов пушечному делу и штурму крепостей. Именно в Елец стали направлять осадную артиллерию, создавать в крепости огромные склады военного снаряжения и продовольствия, укреплять Елецкий кремль. Сам Дмитрий собирался весной отправиться в Елец и провести вместе с войском все лето.

Но не успел: московские бояре покончили в столице с неугодным царем несколько раньше. Однако запасы оружия и продовольствия не пропали зря: ими воспользовались новые мятежники под руководством Болотникова. Город восстал против очередного государя Василия Шуйского и был осажден войском во главе с боярином Иваном Воротынским. Впрочем, скоро отряд Болотникова разбил под Кромами царского воеводу Юрия Трубецкого, и Воротынский вынужден был снять осаду. Так Елец и оставался «воровским гнездом» вплоть до гибели Лжедмитрия II в 1610 году. Понятно теперь, отчего он попал в поговорку.

«Орловские» против «елецких»

И все же пока мы так и не добрались до сути дела. Понятно, что поговорка о Ельце как «отце» воровского мира родилась в Смутное время и подразумевала государственных преступников. Причем не один Елец заклеямен русским фольклором как «воровской» город. Вопрос: почему же лишь Елец сохранил до нынешнего времени свое «воровское» звание? Причем не в политическом, а в общеуголовном смысле.

Начнем с того, что со временем слово «вор» изменило свое значение: так стали называть не политического преступника, а обычного, бытового уголовника – от карманника до грабителя. Не в последнюю очередь подобная перемена связана с тем, что значительная часть мятежников, принявших сторону самозванцев, представляла собой отборный уголовный сброд либо безжалостных сорвиголов-«порубежников». Между теми и другими различия были довольно условными. Поэтому вор, разбойник и тать слились в русском сознании в одно целое.

Что касается мелких «оппозиционных» городков типа Новосилия или Дмитрова, после того как смута осталась в далеком прошлом, присказки о них приобрели исключительно местный характер. Поговорки про белого царя и курян, дивные воровские Ливны, пришей-пристебайский Карачев тоже стали в основном достоянием российской исторической старины. Большинство поговорок о мятежных воровских городках и до сих пор кочуют в пределах регионов, где они когда-то появились.

Другое дело – Орел да Елец. Как-то так вышло, что два эти города с самых смутных времен вступили в негласное соревнование: который круче, какой из них самый «воровской»? Возможно, в памяти народной сохранялась та существенная роль, которую оба города сыграли в возвышении «сладкой парочки» Лжедмитриев? Похоже на то. Но ведь и Кромы в Смуту не слабо отличились! Так-то оно так. Только затем в своем развитии Кромы далеко уступили торговым центрам Орлу и Ельцу. А уж в Советской России Кромы и вовсе лишились городского статуса, став обычным селом (ныне – поселок городского типа).

Как бы то ни было, из всех «бунташных» городков «воровской авторитет» (хотя и в новом значении) сохранили за собой лишь Орел и Елец. Причем наиболее худая слава закрепилась за орловскими жителями. Уж дюже народец подобрался лихонравный! Давала себя знать мощная разбойничья генетика. Как утверждает историк и фольклорист Владимир Неделин в книге «Орел изначальный», именно Орловщина – место обитания легендарного Соловья-Разбойника, который свил себе гнездо на девяти дубах. А место схватки Ильи Муромца и этого самого Одихмантьева сына расположено аккурат между Орлом и Карачевым. К востоку от Карачева лежит село с названием Девять Дубов, там же протекает и река Смородинка, которая упомянута в былине.

Да и «засечный» непокорный дух московской пограничной украинцы долго еще бурлил в орловской крови. За здешними жителями закрепились также прозвища «дубинники» и «орловцы – проломленные головы». Все оттого, что традиционные русские бои «стенка на стенку» на Орловщине отличались особой жестокостью. По правде сказать, и в других уголках России они далеки были от марлезонского балета и часто не обходились без того, чтобы кого-то насмерть не зашибли. Орловская земля, однако, и здесь была впереди России всей. У Николая Лескова один из персонажей вспоминает о кулачных боях в городе: *«Бивались часто на отчаянность. Правило такое только было, чтобы бить в подвздох, а не по лицу, и не класть в рукавицы медных больших гривен. Но, однако, это правило не соблюдалось. Часто случалось, что стащат домой человека на руках и отысповедовать не успеют, как уж и преставился. А многие оставались, но чахли».*

Но то в городе; а по окрестным орловским местам обычаи наблюдались куда более отчаянные. На одном из форумов, посвященных истории Орловской губернии, мне довелось встретить любопытное сообщение пользователя под ником Маја:

«Орловские – это были бунтовщики. Отсюда второе наше прозвище....: "Дубинники" – дубина было наше излюбленное подручное сред-

ство вооружения. И – "орловские – проломленные головы", то есть безбашенные.

И! Однажды в Должанском районе Орловской области я видела, как человек, который ночами участвовал в боях с молодыми же людьми из Липецкой области (а бои происходили на тракторах, ночью, и дело было при угасании Советской власти, причем утром трактор был все равно в строю и на работе), делал подобную дубинку. Он любовно тер ее шкуркой, в нее были воткнуты шипы, сделанные местным кузнецом, наверное, прямо в рабочее время, и вид у дубинки был – самый устрашающий, жуткий вид. Молодой человек, звали его Витяка, что-то напевал, готовя к ночи боевое оружие, при Советской власти скорее пугательное. Потому что, насколько я знаю, жертв и разрушений, кроме покоренных частей у тракторов, не имелось...»

Да, при Советах с дубинами дело обстояло строго. А вот в проклятые царские времена народ был проще, черепа трещали чаще. Что и отразила великая русская литература. Так, у Михаила Салтыкова-Щедрина в «Истории одного города» читаем: *«Долго раздумывал он, кому из двух кандидатов отдать преимущество: орловцу ли – на том основании, что "Орел да Кромы – первые вору", или шуянину... но, наконец, предпочел орловца, потому что он принадлежал к древнему роду "Проломленных Голов" <...> Поехал к ним орловец, <...> Старицу сжег, а жен и дев старицких отдал самому себе на поругание»*. Столь же нелестную характеристику находим позднее и у Леонида Андреева в «Рассказе о семи повешенных» (1908): *«Когда ж очень приставали с расспросами, Цыганок принимал серьезный и достойный вид. – Мы все, орловские, проломленные головы, – говорил он степенно и рассудительно. – Орел да Кромы – первые вору. Карачев да Ливны – всем вора дивны. А Елец – так тот всем вора отец. Что ж тут толковать!»*

Соперничество Ельца и Орла отразил самый русский из русских писателей – уроженец Орловщины Николай Лесков в ироническом рассказе «Грабеж» (1887). В нем рассказывается, как дядюшка, приехавший в Орел из Ельца, вместе со своим орловским племянником ночью принимают местного дьякона за городского «подлета» (налетчика) и с перепугу сами выступают в роли грабителей, а затем идут каяться в полицию.

Несмотря на явную иронию и «комедию положений», Лесков отчетливо дает понять, что Орел в середине XIX века считался небезопасным городом. Поначалу дядя из Ельца не придает этому значения:

«...Дядя один стоит, за скобку держится и сердится.

– Что это, – говорит, – вы, как тетери, днем закупились?»

Маменька с ним здравствуются и отвечают:

– Разве вы, – говорит, – братец, не знаете, какое у нас орловское положение? Постоянно с ворами, и день, и ночь от полиции запираемся.

Дядя отвечает, что это у всех одно положение: Орел да Кромы – первые воры, а Карачев на придачу, а Елец всем ворами отец».

Далее следует противопоставление городов – разумеется, в пользу Ельца: *«Эх вы, – говорит, – вороны-сударыни, купчихи орловские! У вас и город-то не то город, не то пожарище – ни на что не похож, и сами-то вы в нем все, как копчушки в коробке, заглохли! Нет, далеко вам до нашего Ельца, даром что вы губернские. Наш Елец хоть уезд-городок, да Москвы уголок, а у вас что и есть хорошего, так вы и то ценить не можете».*

Весь рассказ проникнут явным страхом перед «подлетами», и эти жутковатые опасения не возникли, как можно понять, на пустом месте. Напротив, племянник Миша очень подробно и со знанием дела описывает криминальный быт ночных разбойников:

«А впереди теперь у нас Ока, надо на лед сходить; а на льду пустые барки, и чтобы к нам домой на ту сторону перейти, надо сквозь эти барки тесными проходцами пробираться. А у подлета, который за нами следит, верно, тут-то где-нибудь и его воровские товарищи спрятаны. Им всего способнее на льду между барок грабить – и убить, и под воду спустить. Тут их притон, и днем всегда можно видеть их места. Логовища у них налажены с подстилкою из костры и из соломы, в которых они лежат, покуривают и дожидаются. И особые женки кабацкие с ними тут тоже привитали. Лихие бабенки. Бывало, выкажут себя, мужчину подманят и заведут, а уж те грабят, а эти опять на карауле караулят.

Больше всего нападали на тех, кто из мужского монастыря от все-нощной возвращался... Если же кто хотел цел от все-нощной воротиться, то приглашали с собой провожатыми приказных Рябыкина или Корсунского. Оба силачи были, и их подлеты боялись. Особливо Рябыкина, который был с бельмом и по тому делу находился, когда приказного Соломку в Щекатихинской роще на майском гулянье убили...»

Заметьте: один из приказных в отрывке рисуется тоже как подозрительная уголовная личность; ему, видать, ничего не стоит при случае «ушатать» неугодного человека. В то же время и елецкие обыватели в рассказе Мишиной маменьки выглядят не лучше – хотя речь идет не об уголовщине, а о безбашенном нраве жителей Ельца: *«Ты на своего дяденьку Ивана Леонтьевича не очень смотри: они в Ельце все колобродники. К ним даже и в дома-то их ходить страшно: чиновников зазовут угощать, а потом в рот силой льют, или выливают за*

ворот, и шубы спрячут, и ворота запрут, и запоют: "Кто не хочет пить – того будем бить". Я своего брата на этот счет знаю».

Ежели здраво рассудить, вряд ли криминальная ситуация в Орле либо в Ельце так уж здорово отличалась от положения во многих других российских городах. В разное время славились своей воровской или разбойничьей хваткой и помянутый выше Курск, и Тамбовщина, и другие регионы. Вот, скажем, ходили по Центральной России поговорки о Хлынове. Отмечены они и в сборнике пословиц русского народа, составленном Владимиром Далем: **«Хлыновские воры», «Хлыновцы корову в сапоги обули (краденую, чтобы следу не было)», «Хлын взял (пропало)»**. Судя по всему, тоже старые присловья, поскольку город Хлынов был переименован в Вятку еще в 1780 году (при Советах он получил название Киров). Однако вплоть до конца XIX, а то и до начала XX века поговорки о ловких хлыновцах еще были на слуху. Но явно не настолько, чтобы соперничать с Орлом да Ельцом.

Как воры сменили папу и сами себя зауважали

Однако ближе к концу XIX века в криминальной топонимике Российской империи произошли существенные перемены. Место двух уголовных столиц отечественного преступного мира заняли Ростов и Одесса. Заняли прочно и неколебимо, закрепив за собой гордые определения – Ростов-папа и Одесса-мама. Почему и как так случилось – тема отдельного рассказа. Любопытно отметить лишь одну параллель: как Елец и Орел были городами юго-западного порубежья Московского государства, точно так же Ростов и Одесса – города юго-западного «подбрюшья» Российской державы. Но главное, они быстро развивались как крупнейшие торговые центры и порты империи, привлекавшие к себе богатством и теплым климатом бродяг и босяков со всей империи. Ростов при этом обрел славу «славянской» уголовной столицы, а Одесса – столицы еврейских уркаганов. Хотя по большому счету особой борьбы за пальму первенства между ними не наблюдалось.

Но в любом случае Орел и Елец для преступного элемента и криминального фольклора, что называется, «ушли в тину». Хотя самого дна не коснулись: в босяцкой памяти они нет-нет да и всплывали. Так, в повести «Тайны сибирских алмазов» вор сталинского периода (а затем писатель) Михаил Демин рассуждает: *«...Кражи и грабежи в России процветали всегда. Существовали старинные поговорки о городах: "Орел да Кромы – первые воры", "Город Елец – всем вора́м отец"»*. О захолустном сельце Кромы к тому времени блатной люд в большинстве своем понятия не имел, однако никуда не денешься – рифма обязывает...

Важно сказать несколько слов и о понятии «вор». Оно тоже со временем сильно изменилось. Уже к началу XX века в преступном мире «вор» стал не просто определением всякого жулика да грабителя, но, скорее, **синонимом профессионального преступника**, неким чуть ли не «кастовым» определением. Таким вором был, скажем, Васька Пепел, которого вывел в пьесе «На дне» Максим Горький. Вот как он характеризовал себя:

«Мой путь – обозначен мне! Родитель всю жизнь в тюрьмах сидел и мне тоже заказал... Я когда маленький был, так уж в ту пору меня звали вор, воров сын...»

Я – сызмалетства – вор... все, всегда говорили мне: вор Васька, воров сын Васька! Ага? Так? Ну – нате! Вот – я вор!.. Ты пойми: я, может быть, со зла вор-то... оттого я вор, что другим именем никто никогда не догадался назвать меня...»

Конечно, это были еще не те «воры в законе», которые сегодня представляют собой замкнутый преступный клан. Речь шла скорее о личной самоидентификации, причислении себя к «цеху» профессионалов, в отличие от случайных людей, попавших в криминальный мир. Хотя, безусловно, в уголовном сообществе того времени (перелом XIX–XX веков) существовала своя иерархия. Наверху стояли Иваны – самые опытные и авторитетные преступники. В тюрьмах и на каторге заправляли «бродяги» – профессиональные уркаганы. Среди «профессионалов» была масса градаций и различий: «фартовики», «марвихеры» (воры высшей квалификации), «жиганы», «пустынники», «орлы» (не раз совершавшие побеги с каторжных работ)... Между ними, конечно, возникали свои трения: отчаянные налетчики-«фартовики» и «марвихеры» с некоторым пренебрежением относились к бродягам-«пустынникам», которые нередко на воле занимались нищенством и попрошайничеством, однако в местах не столь отдаленных «держали масть». На низшей ступени преступной лестницы находились жалкие «халамидники»², промышлявшие на базаре, таская булки с лотков или всякую рвань с возов у торговцев. Собственно, «халамидники» входили в состав «шпаны»: прежде «шпанкой», то есть ове-

² Халамидник – мелкий воришка, оборванец. По одной из версий, происходит от украинского «халамида», то есть балахон, ряса, хламида (то есть таким уголовникам нечего было даже надеть, кроме бесформенной рвани). По другой версии, название восходит к слову «халамидка» – маленькая булка в форме пирамидки, дешевый хлеб для бедных. Практически то же, что сибирские савотейки – безвкусные булки, которые оставляли на подоконниках для бродяг и беглых каторжан. Халамидки упоминаются, например, в тюремных очерках Алексея Свирского.

чьим стадом, профессиональные преступники называли всю безропотную массу каторжан, затем, убрав одну «уменьшительную» букву, стали именовать так мелкий уголовный сброд. Однако каждый из этих людей называл себя «вором». Никто бы не осмелился назвать себя Иваном или «фартовиком», если не относился к этим группам. «Ворами» же считали себя все.

В то же время статус «вора» приобретает особый вес, становится как бы «знаком отличия». Как бы доходчивее объяснить? Это как в армии – категория офицерства. Офицер – и младший лейтенант, и полковник, и генерал. Но все-таки офицерство разделяется на младших офицеров (включая капитана), старших (от майора до полковника) и генералитет. И разумеется, нижние военные чины (от ефрейтора до старшего прапорщика) не имеют права называть себя офицерами. Но, скажем, «воином» может называть себя любой. Однако вопрос, как к этому отнесутся остальные. Вот «вор» – это примерно воспринималось как криминальный «воин». И отказ в признании уголовника вором считался оскорблением. Любопытен в этом смысле диалог из «Тюремных очерков» (1893) Алексея Свирского:

«– Кто же я, по-твоему, вор аль нет?»

– Мы с тобой вместе не воровали.

– Нет уж, ты не финти, а прямо отвечай: вор я, аль нет?»

– Не знаю я тебя за вора – вот тебе весь мой сказ!

– А, так ты вот куда гнешь! Я, по-твоему, значит, не вор? Так держися, дружок...

И с этими словами оскорбленный преподносит обидчику здоровенный удар в грудь».

В этом контексте поговорки про Елец да Орел еще имели смысл как указание на города, где преступный «воинский» элемент многочислен и чувствует себя как дома. При всем том Елец к началу XX века представлял собою малочисленный захолустный городок, вполне мирный и безопасный. Славился он обилием церквей и набожностью обывателей; его даже называли «вторым Сионом». Да и Орел уже особой лихостью не выделялся.

Как воры придумали закон и стали честными

А в первые десятилетия советской власти в уголовном мире происходят серьезнейшие перемены, в результате которых слово «вор» в очередной раз наполняется совершенно новым содержанием. После Гражданской войны многие противники большевистской власти эмигрировали за кордон. Другая часть осталась в Советской России и пыта-

лась вписаться в новую реальность (в том числе бывшие офицеры Белой армии). Однако нашлось и немало тех, кто предпочел воевать против ненавистной власти, уйдя в подполье. Чекисты и милиция выработали действенные методы борьбы с политическими подпольными организациями – и тогда немало кадровых военных, дворян, интеллигенции и прочих «бывших» были выдвинуты в «уголовное подполье». Маргиналы политические слились с маргиналами уголовными. Прежде всего «идейные» (как называли уголовников из «бывших» в преступном мире) взяли под свое крыло армии босяков и беспризорников, пытаясь создать из них не просто криминальные группировки, но и разбойничью оппозицию новому режиму. Появляются неформальные правила и «законы» соответствующего направления: не иметь семьи, не обзаводиться имуществом, не служить в армии, не участвовать в политической жизни, не читать газет, не принимать участия в выборах и т.д.

Подобные группировки отличались особой жестокостью, нападали на государственные учреждения, банки, склады, магазины... Через некоторое время большевистская власть поняла опасность таких формирований. Ответственным за борьбу с беспризорностью назначают лично Феликса Дзержинского. В 1926 году вступает в силу новый Уголовный кодекс, где присутствуют только две расстрельные статьи – 58 и 59, часть третья (бандитизм, или преступления против порядка управления). Власть дает понять уркаганам, что всякое выступление против государства будет караться смертью.

«Благородный преступный мир» быстро реагирует. И без того «их благородия» являлись серьезными конкурентами старорежимных уголовных профессионалов в борьбе за власть в маргинальном мире. Теперь же и вовсе «жиганы»³ (как прозвали «белую кость» уркаганы старой закалки) грозили довести «благородный преступный мир» до цугундера⁴. Посему решено было откреститься от «идейных» и продемонстрировать лояльность новой власти (тем паче она провозгласила уголовников «социально близкими»). Начинается война между «жиганами» и «уркаганами», особенно в местах лишения свободы, где

³ Жиган – «горячий» парень, бесшабашный удалец, то, что сейчас называется «безбашенный». От русского корня «жиг», «жег», связанного с жечь, поджигать. Первоначально жиганами (жеганами) называли людей, связанных с «горячим» производством – например, работников винокурен (см. словарь Даля).

⁴ Цугундер – выражение из морского жаргона, заимствованное уголовниками. Это жуткий вид наказания, когда провинившегося протягивали на веревке под килем корабля. Такое испытание многие не выдерживали и погибали. От немецкого Zug unter – протягивание низом.

воры составляли большинство; ведется мощная обработка босяков и бродяг в духе ненависти к преступникам из числа «бывших»... В рядах «блатных» проповедуются идеи любви к советской власти и ее вождям. Эти настроения сохранялись вплоть до послевоенных лет, чуть ли не до смерти Сталина (хотя уже в значительно меньшей степени).

Вот любопытное свидетельство ростовского писателя Владимира Фоменко, который попал под жернова репрессий в период Большого террора 1937–1938 годов и был брошен в Богатыновский централ. Фоменко пишет в «Записках о камере»:

«В камерах хватает воров... Как один, они патриоты. Уважают родную мать и власть СССР. Презирают контриков, именуют их не людьми, а рогатыми чертями...

Жульман, забравший пиджак, <...> вздыхает, мол, болен, ударен по голове во время налета легашей, врагов Советской власти. За Советскую власть грозит полоснуть бритвой свой живот, доказывая этим патриотическую припадочность».

Другими словами, воровской мир ярко демонстрирует пламенную любовь к Республике Советов и лютую ненависть к ее врагам. Во второй половине 1920-х врагами были нэпманы и «идейные жиганы», которые, падлюки, подрывают могущество родины и не верят в коммунизм! В 1930-е объектом нападок и издевательств воров становятся «контрики», «фашисты», «троцкисты», «политики» – враги, «назначенные» властью.

Но в рамках нашего исследования особо следует отметить, что и сами воры становятся другими! Именно на рубеже 1920–1930-х годов появляются так называемые «воры в законе» – странный оксюморон, сочетание взаимоисключающих понятий. Теперь гордое звание вора никто не мог присвоить себе по собственному желанию – пусть даже был крадуном с пеленок. Необходимо было пройти обряд крещения, или коронования. Собственно, между ними нет никакой разницы: просто крещение – для христиан, а коронование – для прочих нехристей и вообще безбожного люда. Короновала специальная воровская сходка: что-то вроде парткомиссии во время приема в ряды ВКП(б). Несколько воров рекомендуют, новичок рассказывает биографию и «боевые подвиги», а уж авторитетное собрание решает, достоин он звания вора или нет. Партбилета не выдавали, но вор имел право носить «воровской крест» – на гайтане или набитый на грудь, а нехристи тапуировали воровскую корону.

Звание «законного вора» первоначально значило, что уголовник не выступает против политики партии и правительства, против закон-

ной власти. Он лишь «щиплет» отдельных «фраеров», частных лиц – и не более. Так «воры» отмежевались от «идейных». С ужесточением советских законов появляются новые воровские табу: помимо неприятия бандитов, «честный вор» презирал преступников, совершивших изнасилование (отзвук процесса 1926 года над «чубаровцами», когда за групповое изнасилование комсомолки нескольких человек расстреляли), хулиганов (борьба с хулиганством приобрела в 30-е годы ожесточенный характер), убийц. Не приветствовались преступления против творческой интеллигенции, военных и врачей.

Формируется особый «воровской закон». Естественно, в него вошли все перечисленные выше табу. Кроме того, «закон» перенимает некоторые положения из «жиганских» правил (поскольку в уголовный мир влились подростки беспризорники) – не жениться, отказаться от семьи, не заниматься политикой, не служить в армии и т.д. «Закон» включает в себя также ряд положений и норм, продолжающих старые «каторжанские» традиции (общак, сходки, жестокие наказания за «крысятничество», то есть кражи в своей среде, за неуплату карточного долга и т.д.).

Появляется новая трактовка воровского статуса: «воры в законе», или «законные воры», или «законники» – это те, кто блюдет воровской закон. Воров насчитывалось, от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч. Таким образом, «старорежимные» Елец и Орел катастрофически удалялись от «благородного воровского мира». Они разве что глухо отзывались в древних поговорках – и то как замшелая история, не имеющая отношения к дню сегодняшнему.

А уж после Великой Отечественной войны, когда ГУЛАГ встряхнула страшная «сучья война» – кровавая резня между «честными ворами» и «суками», – поговорки о Ельце и Орле вовсе утратили какой-либо смысл. «Суками» в уголовном мире называли отступников от «воровского закона», блатарей⁵, которые воевали на фронте (то есть взяли оружие из рук власти) или пошли на сотрудничество с администрацией, чтобы приспособиться к новым реалиям (после указов «четыре шестых» 1947 года уголовникам стали давать огромные сроки – от 10 до 25 лет лишения свободы). «Праведные» воры, не предавшие «закон», стали называть себя «честными ворами» (оксюморон похлеще «вора в законе»), или «честняками» («чесноками»). В результате массовой резни «честняки» поняли, что в воровскую касту попадает слиш-

ком много случайных людей, слабых духом, «негодяев» (любимое воровское словечко). Постепенно вырабатывалась жесткая система отбора, и к 1960-м годам воров в криминальном советском сообществе насчитывалось от 500 до 800 человек – не более. Никакого отношения к Ельцу и Орлу эти люди не имели, «авторитетными» городами для них были Ростов и Одесса.

Казалось, поговорки о Ельце и Орле потеряли всякий смысл для советского воровского сообщества. Собственно, с Орлом так и произошло. А вот с Ельцом вышло совершенно иначе. И причиной тому – знаменитая Елецкая крытка...

Елец – всем ворам пиздец

Да, именно Елецкая тюрьма помогла городу остаться в современном арестантском и блатном фольклоре, «освежила» имя Ельца в памяти нынешних уголовников. Нет смысла углубляться в историю, чтобы понять причину этого события. Хотя сама по себе история Елецкой крытки, разумеется, занимательна.

Первый острог появился в Ельце еще во времена «засечной полосы». Сведения о нем встречаются в 1592 году, когда туда был посажен за непотребное поведение стрелец Дьяков. Острог представлял собою нечто вроде кавказского зиндана: земляную яму, накрытую досками и окруженную сверху тыном. Затем тюрьма была разделена на политическую (опальную) и уголовную (разбойную). При Екатерине II в 1753 году на месте ветхой и тесной острожной избенки появляется большая деревянная тюрьма, а в 1830 году Николай I утверждает план капитального каменного тюремного замка, но возводят сие сооружение лишь в 1860 году. Его художественное описание дал Иван Бунин в повести «Жизнь Арсеньева»: «...На самом выезде из города высился необыкновенно огромный и необыкновенно скучный желтый дом, не имевший совершенно ничего общего ни с одним из доселе виденных мною домов, – в нем было великое множество окон, и в каждом окне была железная решетка, он был окружен высокой каменной стеной, а большие ворота в этой стене были наглухо заперты, – и стоял за решеткой в одном из этих окон человек в кофте из серого сукна и в такой же бескозырке, с желтым пухлым лицом, на котором выражалось... смешение глубочайшей тоски, скорби, тупой покорности и вместе с тем какой-то страстной и мрачной мечты... Конечно, мне объяснили, какой это был дом и кто был этот человек, это от отца и матери узнал я о существовании на свете того особого сорта людей, которые называются острожниками, каторжниками, ворами, убийцами».

Тюрьма пригодилась и новой, революционной, власти, успешно действует она до сих пор. Ежели кому-то захочется узнать подробнее, отсылаем его в музей «Елецкий острог», который открылся в 2011 году на территории тюрьмы и занимает восемь камер полуподвального помещения в старом корпусе постройки 1860 года. В четырех представлен тюремный быт XIX–XX веков. Еще в четырех – исторические артефакты: заточки, ножи, подлинники документов, кандалы, оковы и проч.

Мы же не будем отвлекаться от темы. Отметим важнейшее обстоятельство. Нынче старая поговорка **«Елец – всем ворам отец»** не просто обрела новое звучание. Смысл ее изменился на противоположный. Сейчас далеко не каждый арестант и жулик знает об «отцовстве» Ельца, зато почти всем известно другое жуткое присловье – **«Елец – всем ворам пиздец»**. Согласитесь: несмотря на явное родство и перекличку обеих поговорок, вторая фактически противоречит первой, хотя и является ее переделкой. Совершенно очевидно, что авторы «вариации» были прекрасно знакомы с изречением Смутного времени, но сознательно исказили его. Почему?

Начнем с того, что, согласно свидетельствам «сидельцев», новое присловье возникло в середине 1970-х. До той поры Елецкая тюрьма оставалась рядовым учреждением подобного типа. Куда более жуткими для арестантов представлялись питерские «Кресты», московская «Тельняшка» (Матросская Тишина), ростовский Богатынянский централ, Тобольская и Тулунская спецтюрьмы... Елецкая крытка даже выглядела либеральнее. Старинная поговорка давала себя знать, и преступные «авторитеты» не упускали случая ею «козырнуть»: мол, в Ельце нам «крытая» – дом родной. Возможно, именно это подтолкнуло тюремное начальство к мысли о коренной «перестройке» – говоря арестантским языком, «ломке» – системы отношений, сложившейся в Елецкой тюрьме. Подобная идея должна была спуститься с московских «верхов», поскольку именно тамошние великие умы занимались статистикой, сравнением положения дел в разных пенитенциарных учреждениях СССР, организацией «соцсоревнования» между тюрьмами и колониями, раздачей переходящих знамен и прочими милыми пустяками. Видать, что Елец где-то подотстал, недотягивал до общего уровня. Есть и другая версия (впрочем, не отвергающая первой). Примерно в это время начинается реконструкция Елецкой тюрьмы, достраивается новый корпус. В результате здание, построенное в виде буквы Е, обретает вид «восьмерки». На волне энтузиазма руководство решает заодно «обновить» и порядки. Дать почувствовать арестантам сильную «хозяйскую руку».

Как бы то ни было, а «ломка» началась суровая. По воспоминаниям старых арестантов, именно в этот период наблюдается всплеск изнасилований на пресс-хатах, убийств, самоубийств, «мастырок», то есть членовредительства с целью «выломиться с крытки»... Как сформулировал один из «сидельцев», пошла «жесточкая прожарка». Когда в 1978 году новые корпуса стали заполняться «сидельцами», тюрьма уже окончательно перешла в разряд «красных», безраздельно управляемых администрацией. В это время на «крытую» в Елец попадает известный правозащитник Кирилл Подрабинек. Как подтверждает он в автобиографической повести «Беспредел», «крытку» на тот момент уже окончательно «сломали», и открытого физического насилия, актов суицида и «мастырок» (членовредительства) стало меньше. Зато действовала четко отработанная система психологического давления. Новичков сначала подвергали суровой обработке на «пониженке», то есть в карантинных камерах старого корпуса. Здесь «бывалые» арестанты (ставленники тюремного руководства) запугивали «нулевых»:

«Крытая держится на страхе... Страх стараются вселить во вновь прибывших сразу. Сперва рассказами бывалых о замученных, изнасилованных, убитых в "прессах" строптивцах. О бесполезности сопротивления, о полной безнадежности протестов, о совершенном отсутствии выходов из положения. Кроме одного: работай, делай что говорят – и все будет "ништяк", т.е. хорошо...

Администрация не нужен просто ужас в душах зеков. Беспредельное отчаяние может привести к бунтам... Поэтому страх дозируют. Не станешь выполнять норму выработки – будут бить в прессах. Не захочешь подписывать отречения от воровских идей – изнасилюют, сделают "петухом". Замыслишь организацию бунта – убьют. Будешь перевыполнять норму выработки - получишь дополнительно рубль отоваровки в ларьке и кино 2 раза в месяц. Сделаешься прессовщиком – получишь льготы, освободишься без надзора. Беспредел регламентирован».

Однако подобная «регламентация» вовсе не значит, что арестант, на которого не подействовали должным образом «жутики» и «угрозы», застрахован от прямого физического насилия и надругательств:

«...Когда обычные методы малоэффективны, прибегают к попытке не прямого болевого воздействия. Иногда их применяют параллельно с побоями. Например, истязуемого запикивают в мешок (на матрасник), завязывают веревку и подвешивают к стене или шконке. Может провисеть часы, может дни и недели с кратковременными

извлечениями из мешка. Затем слабого, как зимняя муха, перевоспитуемого вытряхивают на пол, угощают пинками и оставляют в покое. До нового подвешивания.

Иногда применяется фиксация к шконке. Истянутого крепко привязывают в лежачем положении и так оставляют. Дни, недели.

Если администрация дала "добро", прессуемого перегибают через мостик и насилуют. Обычно по очереди и право первого за бригадиром. Теперь прессуемый петух. Давая санкцию на изнасилование, администрация руководствуется различными соображениями. Например, уничтожить авторитет прессуемого в уголовном мире полностью и навсегда... Возможно, до администрации дошло: у прессуемого состоятельные родственники, богатые друзья, он сам имеет на свободе капитал. Прессуемому делается предложение перевести деньги на такой-то адрес... Не внявшего предложению ожидает мостик...»

В общем-то в разных дозах подобные методы практиковались и практикуются во многих тюрьмах России. Но Елецкая крытка с конца 1970-х сумела резко выделиться на общем фоне чудовищной концентрации бессмысленной жестокости и ужаса. Тюрьма в Ельце получила в уголовном мире название «Красная полоса» (красным цветом в арестантских представлениях обозначается ментовский беспредел).

В дальнейшем ситуация не изменилась к лучшему. В 1990 году корреспондент газеты «Труд» И. Травин в течение месяца пробыл в образцово-показательной тюрьме, оформившись на должность контролера, а затем в трех номерах газеты дал репортажи «В Елецком централе». Несмотря на то, что Травин не стремился написать разоблачительный материал, свидетельства довольно яркие: автор показывает, что «образцово-показательная тюрьма» целиком держится на физическом насилии, моральном унижении, стравливании сидельцев. Например, автор пишет: «В тюрьме, пожалуй, нет ни одного заключенного, который не написал бы хоть одно письмо с покаянием в нераскрытых преступлениях». И тут же раскрывает секрет. Оказывается, все письма не стоят ни гроша: «Разгадка бурного "покаяния" несложна: повинные письма идут в зачет соревнований между камерами – чем их больше, тем весомее шанс занять "призовое" место в тюремном соревновании. И, значит, получить звание "Коллектив отличного труда и примерного поведения", а с ним и право на внеочередную "отоварку" в ларьке, лишний просмотр кинофильма в тюремном кинотеатре, надежду на то, что поставят и телевизор... И горе побежденным! Не отстоявшие звание "Коллектив отличного труда и примерного поведения" не получают ничего».

В основе «перевоспитания трудом» лежит принцип физического насилия. Все камеры разделены на «положительные» и «отрицательные». В первые подбираются заключенные, которым осталось совсем немного до выхода на свободу или отправку в колонию, и потому надо заслужить «особое доверие администрации». К ним и направляют по одному зэку из «отрицательных» камер. То есть из тех, где сидельцы не торопятся «перевоспитаться и исправиться». За несколько дней пребывания среди «передовиков» «путевый пацан» становится шелковым и пашет, как черт на мельнице...

Все рассчитано до смешного просто. На камеру дается общий план выработки, и если «отрицал» не выполняет своей нормы, вся бригада лишается права на внеочередную «отоварку» в ларьке и т.д. У кандидатов на освобождение возрастает угроза выйти на волю с административным надзором, что означает жизнь в условиях проверок ментами на дому, соблюдения «комендантского часа» (нельзя покидать квартиру после восьми часов вечера), необходимости отмечаться в отделении милиции. Естественно, новичка вся камера принуждает простым способом: постоянно избивая до полусмерти.

Журналист делает вывод о том, что персоналу тюрьмы, который работает подобными методами, нечего делать в системе исполнения наказаний: *«Могут ли такие кадры быть воспитателями, врачами больных человеческих душ? Вряд ли. Это все равно, что токарю доверять операцию».*

Но подобные «эксперименты» – просто танцы зайчиков вокруг новогодней елки. На самом деле методы «ломки», издевательств в Ельце намного круче. И в новом тысячелетии они мало изменились по сравнению с тем, что рассказывал Подрабинек. Елецкая крытка наряду с печально известным «Белым лебедем» («единое помещение камерного типа» в Соликамске) получила позорное клеймо «пыточной». Применение пыток в Ельце обсуждалось в 2003 году даже на заседании Конституционного суда России – в связи с жалобой адвоката Надежды Пономаревой на отказ в адвокатской помощи заключенным, водворенным в ШИЗО (штрафной изолятор) и ПКТ (помещение камерного типа). Так, в 1999 году заключенный Заза Шенгелая за отказ дать подписку о сотрудничестве с администрацией тюрьмы, был помещен в ШИЗО, где в течение трех дней подвергался пытке «распятием», т.е. подвешиванием за руки на оконной решетке. В своей статье «Елецкая-крытая» Пономарева пишет о Елецкой «пыточной» крытке:

«Суть "перевоспитания" в этом заведении – пытки и жестокое обращение в буквальном смысле этих слов...»

Когда я все-таки встретилась с Шенгеляя З.Р., он рассказал, что его заставляли дать подписку о том, что он будет сотрудничать с администрацией. На его отказ стали издеваться: повесили за руки на решетки, били, и только под угрозой быть изнасилованным он вынужден был эту подписку дать...

Следующий осужденный – Лопатин М.М., прибывший в Елец из Липецка.

От него таким же образом – путем угроз, что изнасилуют, – получили подписку, предварительно подвергнув издевательствам и избиению.

В 2001 году по той же причине пытался наложить на себя руки Дробышев Сергей Михайлович: его сначала били, потом прихвостень администрации, хоть и такой же осужденный, помочился на него, но "сработала", как всегда, угроза изнасилования и присутствие потенциального исполнителя.

Человек не смог пережить перенесенные унижения, чувство беспомощности, стыд и отчаяние.

Дробышев повесился, но его чудом удалось спасти.

Такая же суицидальная попытка была предпринята осужденным Денисовым А.Н. в ночь с 12 на 13 октября 2003 года».

А вот цитаты из писем самих заключенных:

«...Считаю необходимым затронуть такое явление в Т-2, как создание администрацией самодеятельных организаций (актива) и их направленности. Следует сразу сказать, что в п.7 ст. 111 УИК РФ не предусмотрено создание активов в тюрьмах. В Т-2 активисты наделены негласно полномочиями сотрудников администрации. Им разрешены практически любые действия против заключенных, не состоящих в активе, вследствие этого явления в Т-2 администрацией созданы "пресс-хаты". Одна из них камера № 128 (карантин), в которой находятся 5–6 осужденных, являющихся членами самодеятельных организаций или просто "прессовщики". По прибытии в Т-2 заключенного помещают в карантин, где он проходит "обработку" со стороны активистов – "прессовщиков". С заключенным активисты могут сделать все, что им вздумается – избить, изнасиловать и т.д., и все это с ведома администрации.

Хочу отметить, что и в каждой камере на тюремном режиме содержатся по 2–3 активиста, особыми привилегиями из них пользуются бригадиры. Бригадирам дается негласное разрешение на рукоприкладство, им разрешается не соблюдать режим содержания. Для сотрудников Т-2 бригадир всегда прав, невзирая ни на что.

Должность бригадира, в основном, дается осужденным, совершившим тяжкие и низкие преступления – маньякам, убийцам, насильникам детей и женщин.

Само собой для простого заключенного, в котором есть чувство чести и достоинства, такое положение дел является величайшим оскорблением его прав. Если заключенный будет не согласен в чем-либо с бригадиром, то администрация вступится за своего избранника, а простого заключенного выведут на коридор и избьют до полусмерти с последующим наложением взыскания и водворением в карцер для экзекуции. С уничтожением в Т-2 неимущественных прав заключенных у многих из них стала исчезать потребность и вера в справедливость и просто желание жить, поэтому в течение нескольких лет в Т-2 совершались суициды, заключенные вскрывали себе вены, вгоняли металлические штыри в легкие, печень, кишечник.

В действительности подтверждение суицида находили лишь единичные случаи, да и те не интересовывали надзорные органы вопросом, почему совершаются самоубийства. Все остальные многочисленные факты суицида тщательно скрывались сотрудниками тюрьмы. В 2000 году в Т-2 произошел факт самосожжения, а именно из-за того, что заключенный не мог больше терпеть издевательств со стороны сотрудников Т-2»...

«Через пять суток перевели в камеру № 128, так называемый "карантин".

Там находились еще четверо осужденных, сидящих в ней постоянно. В этой камере меня под угрозой физической расправы и перевода в камеру с гомосексуалистами заставляли писать извинительные письма на начальника учреждения, из которого я прибыл на тюрьму, заявление в актив камеры, в газету "Контакт", издаваемую управлением исполнения наказаний по Липецкой области.

Мне запрещалось вставать из-за стола, руки заставляли держать только на столе, сидеть на одном и том же месте, запрещали разговаривать, курить разрешали один раз в два часа, также заставляли надеть повязку дежурного, заставляли бегом передвигаться по камере.

В туалет по большому разрешалось только после 19 часов. Если что-то делал не так, то избивали.

У меня туберкулез, работал в полуподвальном помещении. Рабочая камера не была оснащена окном, меня заставляли носить очень тяжелую продукцию. Работали с мелом без масок или респираторов. Работать заставляли по одиннадцать часов, так что приходилось ложиться спать грязными. Это продолжалось изо дня в день.

Непосредственно начальник отряда Полторак П.И. принуждал меня вступить в актив под угрозой физической расправы, заточения в карцер и перевода меня в камеру гомосексуалистов...

Заключенные поджигают себя, вешаются, наносят телесные повреждения... Тех, кто в знак протеста против издевательств и мучений наносит себе телесные повреждения, отправляют в психиатрическую больницу, где некоторым из них вводят сильнодействующее психотропное вещество.

Не выведя больного (который в течение нескольких месяцев остается под воздействием этого препарата) из неадекватного состояния, его привозят назад в Елец. Такой осужденный не просто неадекватен, он испытывает сильные боли в суставах, его мышцы постоянно напряжены, он спит всего 3–4 часа в сутки, в остальное время мечется по камере.

В санчасти его не обезболивают, не дают успокоительное или снотворное, провоцируя тем самым на совершение суицидальных попыток, когда человек, в силу психического состояния на данный момент, не контролирует своих действий».

Все это можно было бы отнести к нарочитым преувеличениям, к искусственному нагнетанию ужасов (дескать, арестанту выгодно использовать любые средства, чтобы опорочить сотрудников тюрьмы). Однако на самом деле подобные методы ломки разной степени жесткости – совершенно обычное дело в российских пенитенциарных заведениях. Я не раз сталкивался с тем, что новый этап, прибывший в колонию, подвергался усиленной физической «обработке»: каждый должен был написать заявление в так называемый «актив» – самодеятельные организации осужденных, которые сотрудничают с администрацией. Тех, кто отказывался писать, избивали, особо упорных бросали в штрафной изолятор (с дальнейшим применением «мер воспитания»).

В личных беседах с сотрудниками российской пенитенциарной системы мне не раз приходилось слышать от них, что подобные методы вполне естественны и правомерны. Они-де направлены на борьбу с «воровскими» традициями и идеями. Никто же, мол, не заставляет тебя писать заявление в секцию дисциплины и правопорядка (лагерную арестантскую полицию)! Напиши в секцию культурно-массовой работы, библиотечную, спортивную, наконец. Главное – распишись в лояльности администрации. Большого от тебя не требуют. Таким способом система якобы пытается бороться с неформальными обычаями

«арестантского братства», «воровским законом» и т.д. А жестокие меры применяются лишь к тем, кто мешает такой борьбе.

Однако уже полувековая практика показала абсолютную бессмысленность, тупость и звериную сущность подобного рода деления на «чистых» и «нечистых». Насилие и скотское подавление никогда ни в одном человеке не могут зародить ничего доброго. Более того, такой «пресс» вызывает только ответное противодействие и взрывы.

Но не будем переходить к глобальным проблемам. Вернемся все же к Елецкой тюрьме. Можно ли верить стенаниям и жалобам ее узников и их адвокатов? У меня на сей счет не возникает никаких сомнений. Убедительным подтверждением неблагополучия Елецкой крытки как раз и служит поговорка **«Елец – всем ворам пиздец»**. Такие перлы народного творчества никогда не возникают случайно. Фольклор не обманешь. Как уже отмечалось, в России немало «крыток», которые пользуются дурной репутацией среди арестантов. Однако даже «Белый лебедь» не удостоился чести быть запечатленным в поговорке. Представляете, что же за беспредел должен твориться в Елецкой тюрьме, чтобы имя этого города так «прославилось»?

Правда, возникает еще один резонный вопрос. А ну как нынче при словье это жуткое уже утратило свою актуальность? Пришло другое руководство, сотрудники «новой формации», изменились порядки, покатила процесс гуманизации... Увы, не будем обольщаться. Вполне достаточно обратиться к публикации корреспондента «Липецкой газеты» Тамары Федюкиной «Елецкая крытка» от 18 января 2011 года (свежачок, так сказать): *«Сегодня учреждение ЮУ-323/Т-2 управления исполнения наказаний по Липецкой области, как и в былые времена, считается одним из лучших в России. Но “люди особого сорта” (80 процентов заключенных – это убийцы) боятся его, как черти ладана»*. С гордостью написано, с радостным трепетом.

Но стоит ли гордиться подобной сомнительной славой?

Адрес редакции:
119021, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 448
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: +7(495) 637-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.10.2004 г.
Номер подписан в печать 15.04.2014 г.
Отпечатано в типографии

Тираж 2000 экз. Заказ №
Цена свободная